

8P1.1

л 52

Летопись Нестора
со включением поучения
Владимира Мономаха

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛИОТЕКА

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Н. ЧУДИНОВА.

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВЫПУСКЪ XVI-й.

ЛѢТОПИСЬ НЕСТОРА

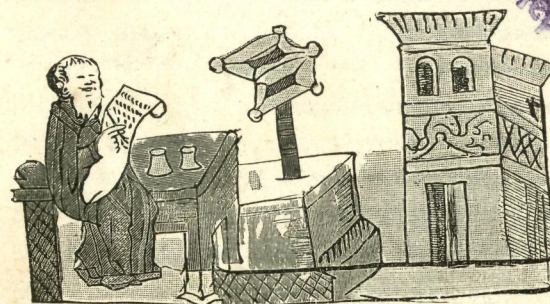
СО ВКЛЮЧЕНІЕМЪ

ПОУЧЕНІЯ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА.

Текстъ лѣтописи по Лаврентьевскому списку, съ примѣчаніями.—Поученіе Владимира Мономаха.—Три объяснительныя статьи.—Словарь.

3-е исправленное изданіе И. Глазунова.

1-е изданіе рекомендовано Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ и занесено въ каталогъ ученическихъ библиотекъ, и одобрено Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ для ученическихъ библиотекъ духовныхъ семинарій.

„Лѣтописецъ“—изъ Кенигсбергскаго списка древней лѣтописи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.

1912.

БИБЛИОТЕКА

Винницкого Политехникума

Инв. № 12632

ЭК
ЦѢНА 50 К.

891
4482
51881
1-52

Инв. 63

53

56

Предисловіе къ 1-му изданію.

Содержаніе настоящаго выпуска составляетъ важнѣйшая часть нашего лѣтописнаго свода — повѣсть временныхъ лѣтъ, оканчивающаяся 1110 годомъ. Текстъ напечатанъ по Лаврентьевскому списку въ томъ видѣ, т. е. съ исправленіями и дополненіями по другимъ спискамъ, какой представляетъ этотъ памятникъ въ послѣднемъ изданіи предпринятомъ археографической комиссіей (Спб. 1872) подъ редакціей А. Ѳ. Бычкова. Изданіе это отличается слѣдующими особенностями: текстъ воспроизведенъ буква въ букву, съ сохраненіемъ даже грамматическихъ неправильностей, раскрыты лишь титла, гласныя: оу, ѡ, ѡ, ѡ и к замѣнены: у, о, я, е, и разставлены знаки препинанія, какъ того требуетъ смыслъ. Кромѣ того, внесены изъ побочныхъ списковъ пропущенныя мѣста, исправлены мѣста, явно испорченныя, и возстановлены слова и выраженія искаженныя. Въ настоящемъ учебномъ изданіи, мы позволили себѣ лишь исключить: мѣста, неудобныя въ педагогическомъ отношеніи, и тѣ немногія мѣста, содержаніе которыхъ, не представляя особеннаго значенія, могло быть выпущено безъ нарушенія цѣльности памятника. Наиболѣе необходимыя поясненія къ тексту приведены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Для объясненія отдѣльных словъ и выраженій, въ концѣ книги, помѣщенъ небольшой словарь.

„Поученіе Владимира Мономаха“, по примѣру гр. Му-
сина-Пушкина (Спб. 1793), обыкновенно выдѣляемое изъ
текста лѣтописи многими его позднѣйшими издателями и
печатаемое отдѣльно, въ нашемъ изданіи помѣщено въ
серединѣ повѣствованія о людяхъ, заточенныхъ Алексан-
дромъ Македонскимъ въ горахъ, т. е. въ томъ мѣстѣ,
гдѣ оно находится въ Лаврентьевскомъ спискѣ и гдѣ
оставлено въ изданіи археографической комиссіи. По-
ученіе Мономаха и слѣдующее за нимъ Посланіе его-же
къ Олегу Святославичу дошли до насъ въ единственной
извѣстной намъ передачѣ лѣтописца, позаимствовавшаго
ихъ, вѣроятно, изъ какого-нибудь сборника. Они состав-
ляютъ поэтому неотъемлемую принадлежность нашего лѣ-
тописнаго свода и одно изъ лучшихъ въ немъ мѣстъ;
выдѣлить ихъ въ особое произведеніе значило-бы совер-
шенно произвольно нарушить цѣлость нашего знаменитаго
памятника, лишивъ столь существенной его части. Кромѣ
того, изучая Поученіе, какъ отдѣльное произведеніе,
учащіеся могли-бы составить себѣ не вполне точное по-
нятіе какъ объ этомъ памятникѣ, такъ и о содержаніи
и составѣ самой лѣтописи.

„Поученіе“ Владимира Мономаха имѣетъ прямую
преемственную связь съ различнаго рода Домостроями,
одной изъ редакцій которыхъ посвящена отдѣльная книга
въ серіи „Русской Классной Библіотеки“ (№ 3). Поэтому
при изученіи этой части нашей лѣтописи, весьма было-бы
полезно обратиться къ Домострою Сильвестра и сравнить
между собою эти два памятника, въ связи съ приведен-
ными у насъ образцами древне-классическаго и западно-
европейскихъ Домостроевъ. Что же касается нѣкоторыхъ

поученій изъ апокрифической литературы, Изборника
Святослава и пр., которыя имѣютъ связь съ Поученіемъ
Мономаха, то какъ ни интересно было-бы включить и
ихъ въ общій кругъ сравниваемыхъ памятниковъ, мы
полагаемъ, однако, что для этого едва-ли можетъ найтись
достаточно времени у преподавателя средне-учебнаго за-
веденія; поэтому въ настоящемъ выпускѣ мы не помѣ-
щаемъ никакихъ иныхъ произведеній для изученія сравни-
тельно съ лѣтописью.

Въ качествѣ объяснительныхъ статей, избраны три
отрывка изъ изслѣдованій: Терновскаго, Сухомлинова и
Протопопова, посвященные вопросу объ источникахъ лѣто-
писи, выясненію ея характера, содержанія и значенія
и, затѣмъ, „Поученію“ Владимира Мономаха.

1893.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Черезъ четыре года по выходѣ въ свѣтъ XVI вып. „Русской Классной Библіотеки“, появилось третье изданіе Лаврентьевской лѣтописи, предпринятое, какъ и первыя два изданія этого памятника, археографической комиссіей, подъ редакціей покойнаго Академика А. О. Бычкова. Текстъ Лѣтописи, въ настоящемъ изданіи нашемъ, тщательно свѣренъ съ текстомъ 1897 г. и, на основаніи послѣдняго, сдѣланы соотвѣтствующія поправки и довольно существенныя дополненія. Мы не могли не воспользо-ваться также напечатаннымъ во 2 приложеніи къ изд. арх. ком. вновь найденнымъ спискомъ „Поученія Владимира Мономаха“, въ которомъ впервые возстановленъ пропускъ 4-хъ строкъ, недостававшихъ въ самомъ началѣ этого памятника. Въ числѣ рукописей, принадлежащихъ археографической комиссіи, нашлась одна рукопись XV вѣка, въ которой, между прочимъ, помѣщено писанное полууставомъ конца XVIII вѣка „Поученіе“, изданное нынѣ во 2-мъ приложеніи. Подробное счисленіе отрывковъ по двумъ спискамъ „Поученія“ приводитъ къ несомнѣнному заключенію относительно подлинности второго списка вообще, а слѣдовательно, и возстановляемаго имъ пропуска. Послѣдній въ нашемъ изданіи возстановленъ по этому списку ¹⁾).

1903 г.

А. Ч.

¹⁾ См. статью проф. Буде объ этомъ изданіи въ „Рус. Фил. Вѣстн.“ за 1898 г., т. XXXIX, стр. 231.

Предисловіе къ 3-му изданію.

Настоящее изданіе представляетъ воспроизведеніе предыдущаго, съ исправленіями лишь опечатокъ.

1912 г.

Издатель.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
Предисловія къ 1-му, 2-му, и 3-му изданіямъ	I—VII
Лѣтопись Нестора	1—150
Поученіе Владимира Мономаха	117—129

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

1) Источники лѣтописи, <i>Ф. А. Терновскаго</i>	150
2) Составъ и характеръ лѣтописи, <i>М. Н. Сухомлинова</i>	159
3) Значеніе Поученія Владимира Мономаха, <i>С. Протопопова</i>	176
4) Словарь	191

ЛѢТОПИСЬ НЕСТОРА

ПО СПИСКУ МОНАХА ЛАВРЕНТІЯ.

Се повѣсти времяньныхъ ¹⁾ лѣтъ, откуда есть пошла Руская земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити, и откуда Руская земля стала есть.

Се начнемъ повѣсть сию.

По потоу тріе сынове Ноеви раздѣлиша землю; Симъ, Хамъ, Афетъ. И яся вѣстокъ Симови: (перечень восточныхъ странъ). Хамови же вся полуденная страна: (перечень южныхъ странъ). Афету же яшася полунощныя страны и западныя: (перечисленіе сѣверныхъ и западныхъ странъ).

Симъ же, и Хамъ, и Афетъ, раздѣливше землю, жребии метавше, не преступати никомуже въ жребий братень, и живяху каждо въ своей части; бысть языкъ единъ. И умножившемся челоукомъ на земли, и помыслиша создати столпъ до небесе, въ дни Нектана и Фалека. И собрашася на мѣстѣ Сенаръ поли здати столпъ до небесе и градъ около его Вавилонъ; и создаша столпъ тѣ за 40 лѣтъ, и не свершенъ бысть. И сниде Господь Богъ видѣти градъ и столпъ, и рече Господь: се родъ единъ и языкъ единъ. И съмѣси Богъ языки, и раздѣли на 70 и 2 языка, и расъсѣя по всей земли. По размѣшеніи же языкъ, Богъ вѣтромъ великимъ разруши столпъ, и есть останокъ его промежу Асюра и Вавилона, и есть въ высоту и въ ширину локоть 5433 локти, и в лѣта многа хранимъ останокъ. По размѣшеніи же столпа и по раздѣленіи языкъ, прияша сынове Симови вѣсточныя страны, а Хамови сынове полуденныя страны, Афетови же прияша

¹⁾ Прошлыхъ, прошедшихъ.

западъ и полунощныя страны. Отъ сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ Словѣнскъ, отъ племени Афетова, Нарци, еже суть Словѣне ¹⁾).

По мнозѣхъ же времяѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаевѣ, гдѣ есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ; яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ именемъ Марава, и прозвашася Морава, а друзии Чеси нарекошася; а се ти же Словѣни: Хорвате Бѣлии, и Серебѣ, и Хорутане. Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайския, и сѣдшемъ в нихъ и насилящемъ имъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ, и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзии Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне. Также и ти Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарекошася Поляне, а друзии Древляне, зане сѣдоша в лѣсѣхъ; а друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася Дреговичи; инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчки ради, яже втечетъ въ Двину, именемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочане. Словѣни же сѣдоша около озера Илмеря, и прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новъгородъ; а друзии сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, и по Сулѣ, и нарекошася Сѣверѣ. И тако разидеся Словѣньскій языкъ, тѣмже и грамота прозвася Словѣньская.

Поляномъ же жившимъ особѣ по горамъ симъ, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, и по Ловоти внити въ Илмерь озеро великое, из негоже озера потечеть Волховъ и втечетъ в озеро великое Нево, и того озера внидеть устье в море Варяжское, и по тому морю ити до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а отъ Царягорода прити въ Понтъ море, въ неже втечетъ Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече изъ Волковскаго лѣса, и потечеть на полъдне, а

¹⁾ Древн. форма, вм: Славяне (ѣ—я).

Двина ис того же лѣса потечеть, а идетъ на полунощѣ и внидеть в море Варяжское; ис того же лѣса потече Волга на вѣстокъ, и втечетъ семьюдесять жерель в море Хвалиское. Тѣмже и из Руси можетъ ити по Волзѣ в Болгары и в Хвалисѣ, и на вѣстокъ дойти въ жребий Симовъ, а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, отъ Рима-же и до племени Хамова. А Днѣпръ втечетъ в Понетское море ¹⁾ жереломъ, еже море словеть Руское, по немуже училъ святой Оньдрѣй ²⁾, братъ Петровъ, якоже рѣша ³⁾).

Оньдрѣю учащю въ Синопии и пришедшю ему в Корсунъ, увѣдѣ, яко ис Корсуна ⁴⁾ близъ устья Днѣпрское, и вѣсхотѣ поити в Римъ и проиде въ вустѣ Днѣпрское, и оттоле поиде по Днѣпру горѣ, и по приключаяу приде и ста подъ горами на березѣ. И заутра вѣставъ и рече к сущимъ с нимъ ученикомъ: „видите ли горы сия? яко на сихъ горахъ восияетъ благодать Божья; имать градъ великъ быти и церкви многи Богъ въздвигнути имать“. И вѣшедъ на горы сія, благослови я, и постави крестъ, и помолился Богу, и сълѣзъ съ горы сея, идѣже послѣже бысть Киевъ, и поиде по Днѣпру горѣ ⁵⁾. И приде въ Словѣни, идеже нынѣ Новъгородъ, и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ, и како ся мыють, и хвощются, и удивися имъ. И иде въ Варяги, и приде в Римъ, и исповѣда, елико научи и елико виде, и рече имъ: „дивно видѣхъ въ землѣ Словеньстѣ идущю ми сѣмо; видѣхъ бани древены, и пережгутъ я рамяно, и совлукуться, и будутъ назѣ, и облѣются квасомъ уснѣяномъ, и возмутъ на ся прутѣе младое, и бьютъ ся сами, и того ся добьютъ, едва слѣзутъ лѣ живи, и облѣются водою студеною, и тако оживутъ ⁶⁾); и то творять по вся дни немучими ни-

¹⁾ Понтъ-море, Черное море.

²⁾ Мѣстное произношеніе Андрей.

³⁾ Какъ говорятъ.

⁴⁾ Синопъ и Корсунъ—греческія поселенія въ Крыму.

⁵⁾ Вверхъ по Днѣпру.

⁶⁾ Ироническое описаніе бани.

кимже, но сами ся мучать, и то творять мовенъе собѣ, а не мученъе“. Слышащеи же се дивляхуся. Онѣдрѣи же, бывъ в Римѣ, приде в Синоцію.

Полемъ же жившемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху Поляне, и живяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще каждо родомъ своимъ. И быша 3 братья, единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра ихъ Лыбедь. Сѣдаяше Кий на горѣ, идѣ же нынѣ оувозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдаяше на горѣ, идѣ же нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ него же прозвася Хоривица; и створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Киевъ. И баше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь ¹⁾, бяху мужи мудри и смыслени, и нарицахуся Поляне, отъ нихъ же суть Поляне в Киевѣ и до сего дне.

Ини же не свѣдуше рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ, у Киева бо баше перевозъ тогда с оной стороны Днѣпра, тѣмъ глаголаху: на перевозъ на Киевъ. Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кий княжаше въ родѣ своемъ: и приходившю ему ко царю, якоже свазають, яко велику честь приялъ есть отъ царя, при котромъ приходивъ цари; идущю же ему вспять, приде къ Дунаеви, и възлюбилъ мѣсто и сруби ²⁾ градокъ малъ, и хоташе сѣсти с родомъ своимъ, и не даша ему ту близъ живущи; еже и доннѣ наричють Дунайци городище Киевецъ. Киеви же пришедшю въ свой градъ Киевъ, ту животь свой сконча; и братъ его Щекъ и Хоривъ и сестра ихъ Лыбедь ту скончашася.

И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженъе в Поляхъ, а в Деревляхъ ³⁾ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Поло-

¹⁾ Бяху ловяща—ловили.

²⁾ Выстроилъ.

³⁾ Древлянахъ.

чане. Отъ нихъ же Кривичи, иже сѣдять наверхъ Волги, и наверхъ Двины и наверхъ Днѣпра, ихже градъ есть Смоленскъ; тудѣ бо сѣдять Кривичи. Таже сѣверъ отъ нихъ на Бѣлѣозерѣ сѣдять Веси, а на Ростовскомъ озерѣ Мери, а на Клещинѣ озерѣ Мери же. А по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ втечетъ въ Волгу, Муромъ языкъ свой, и Черемиси свой языкъ, Морьдва свой языкъ. Се бо токмо Словѣнскъ языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьцы, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣ же Великияне. А се суть инии языци, иже данъ даютъ Руси: Чюдь, Мери, Веси, Муромъ, Черемисъ, Морьдва, Пермь, Печера, Ямъ, Литва, Зимигола, Корсь, Норова, Либы ¹⁾; си суть свой языкъ имуще, отъ колѣна Афетова, иже живутъ въ странахъ полуночныхъ.

Словѣнску же языку, якоже рекохомъ, живуцю на Дунаи, придоша отъ Скуеъ ²⁾, рекше отъ Козаръ, рекомъ Болгаре, и сѣдоша по Дунаеви, и населници ³⁾ Словѣномъ быша. Посемъ придоша Угри Бѣлии, и наслѣдиша землю Словѣнску; си бо Угри почаша быти при Ираклии цари, иже находаша на Хоздроя царя Перьскаго. Въ си же времяна быша и Обри ⁴⁾, иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша. Си же Обри воеваху на Словѣнѣхъ и примучиша Дулѣбы, сущая Словѣны, аще поѣхати будяше Обрину, не дадаяше въпрячи коня, ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ въ телѣгу и повезти Обрѣна; и тако мучаху Дулѣбы. Быша бо Обрѣ тѣломъ велики и умомъ горди, и Богъ потреби я, и помроша вси, и не остана ни единъ Обринъ, есть притѣча в Руси и до сего дне: погибоша аки Обрѣ, ихъ же нѣсть племени, ни наслѣдка. По сихъ же придоша

¹⁾ Перечисленіе народовъ, относящихся къ племенамъ—славянскимъ, литовскимъ и финскимъ.

²⁾ Скиѣ.

³⁾ Поселенцы.

⁴⁾ Обри—народъ рослый; самое имя у западн. славянъ служитъ нарицательн. великана. Иначе Авары.

Печенези; паки идоша Угри Чернии мимо Киевъ, послѣже при Олзѣ ¹⁾).

Поляномъ же живущимъ особѣ, якоже рекохомъ, сущимъ отъ рода Словѣнска, и нарекошася Поляне, а Деревляне отъ Словѣнъ же; и нарекошася Древляне; Радимичи бо и Вятичи отъ Ляховъ. Бяста бо 2 брата в Лясѣхъ, Радимъ, а другой Вятко; и пришедъша сѣдоста Радимъ на Съжю, и прозвашася Радимичи, а Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи. И живяху в мирѣ Поляне, и Деревляне, и Сѣверъ, и Радимичи, Вятичи и Хорватѣ. Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Вельняне, и Улучи и Тиверьци сѣдаху по Днѣстру, присѣдаху къ Дунаеву, бѣ множество ихъ, сѣдаху бо по Днѣстру оли до моря, и суть гради ихъ и до сего дне, да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуоѣ.

Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и преданья, каждо свой нравъ. Поляне бо своихъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ... брачныи обычаи имяху: не хожаше зять ²⁾ по невѣсту, но привожаху вечеръ, а заутра приношаху по ней что владуче. А Древляне живяху звѣринскимъ образомъ, живуще скотъски: убиваху другъ друга, ядаху все нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху уводы ³⁾ дѣвица. И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху в лѣсахъ, якоже и всякий звѣрь, ядуще все нечисто, и срамословье въ нихъ предъ отъци и предъ снохами, а браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, с нею же кто съ вѣща-шеся; имяху же по двѣ и по три жены. И аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ, и посемъ творяху кладу ⁴⁾ велику, и възложакуть и на кладу мертвеца сожъжаху, и по-

¹⁾ При Олзѣ, отъ Олзѣ.

²⁾ Женихъ.

³⁾ Обычай умыканія, т. е. похищенія невѣсты у воды.

⁴⁾ Костеръ.

семъ собравше кости, вложакху в судину малу и поставляху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычаи Кривичи и прочии поганин, не вѣдуще закона Божия, но творяще сами собѣ законъ.

Глаголетъ Георгій (Амартолъ) въ лѣтописаньи: ибо космуждо языку овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычаи, зане законъ безаконникомъ отечество мнится (перечисляются законы и обычаи разныхъ народовъ). Мы же христiane, елико земля, иже вѣрують въ святую Троицу и въ едино крещенье, въ едину вѣру, законъ имамы единъ, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся.

По сихъ же лѣтѣхъ, по смерти братьѣ сея, быша обидимы Древляны и инѣми околними, и наидоша я Козарѣ сѣдющая на горахъ сихъ в лѣсѣхъ, и рѣша Козари: „платите намъ данъ“. Съдумавше-же Поляне и вдаша отъ дыма ¹⁾ мечъ, и несоша Козари ко князю своему и къ старѣйшинамъ своимъ и рѣша имъ: „се налѣзохомъ данъ нову“. Они же рѣша имъ: „откуда?“ они же рѣша: „въ лѣсѣ на горахъ, надъ рѣкою Днѣпрскою“. Они же рѣша: „что суть вѣдали?“ Они же показаша мечъ. И рѣша старци Козарьстии: „не добра данъ, княже! мы ся доискахомъ оружьемъ одиною стороною остроумъ, рекше саблями, а сихъ оружье обоюду остро, рекше мечъ; си имуть имати данъ на насъ и на инѣхъ странахъ“. Се же сбысться все; не отъ своя воля рекоша, но отъ Божья повелѣнья. Яко и при Фаравонѣ цари Еюпетъстѣмъ, егда приведоша Моисѣя предъ Фаравона, и рѣша старѣйшина Фараона: сей хочеть смирить область Еюпетскую, якоже и бысть: погибоша Еюптjане отъ Моисѣя, а первое быша работающе имъ; такъ и си владѣша, а послѣже самѣми владѣють; якоже и бысть, володѣють бо Козары Русьскіи князи и до днешняго дне.

852. Въ лѣто 6360, индикта ²⁾ 15 день, наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руская земля. О семъ бо

¹⁾ Дымъ—жиле, домъ.

²⁾ Періодъ въ 15 лѣтъ.

увѣдахомъ, яко при семъ цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется въ лѣтописаньи Гречѣстѣмъ. Тѣмже отселе почнемъ и числа положимъ. (Далѣе слѣдуетъ хронологія).

853. Въ лѣто 6361.

854. Въ лѣто 6362.

855. Въ лѣто 6363.

856. Въ лѣто 6364.

857. Въ лѣто 6365.

858. Въ лѣто 6366. Михаилъ царь изиде с вои брегомъ и моремъ на Болгары; Болгаре же увидѣвши, яко не могоша стати противу, креститися просиша и покоритися Грекомъ. Царь же крести князя ихъ и боляры вся, и миръ сотвори с Болгары.

859. Въ лѣто 6367. Имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словѣнхъ, на Мери и на Всѣхъ и на Кривичѣхъ; а Козари имаху на Полянѣхъ, и на Сѣверѣхъ, и на Вятчѣхъ, имаху по бѣлѣй вѣверицѣ отъ дыма.

860. Въ лѣто 6368.

861. Въ лѣто 6369.

862. Въ лѣто 6370. Изыгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами въ собѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, и быша в нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. И рѣша сами в себѣ: „поищемъ собѣ князя, иже бо володѣлъ нами и судилъ по праву“. И идоша за море к Варягомъ, к Руси, сице бо тии зваху ся Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свие, друзии же Урмане, Англыане, друзии Гѣте тако и си. Рѣша Руси Чюдъ, и Словѣни, и Кривичи и вси: „земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣти княжить и володѣти нами“. И избрашася 3 братья съ роды своими, и пояша по собѣ всю Русь, и придоша; старѣйшій Рюрикъ сѣдѣ Новѣгородѣ, а другой Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третій Изборъстѣ Труворѣ. И отъ тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля, Новгородъци, ти суть люди Новгородъци отъ рода Варяжска,

преже бо бѣша Словѣни. По двою же лѣту Синеусъ умре и братъ его Труворъ; и прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находници Варязи, а первѣи насельници въ Новѣгородѣ Словѣне, въ Полотѣстѣ Кривичи, въ Ростовѣ Мери, въ Бѣлѣозерѣ Веси¹⁾, въ Муромѣ Муромъ; и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ. И бяста у него два мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родомъ своимъ. И поидоста по Днѣпру, и идуче мимо, и узрѣста на горѣ градокъ и упропаста и рѣста: „чий се градокъ?“ Они же рѣша: „была суть 3 братья, Кій, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокось, и изгибоша, и мы сѣдимъ платяче дань родомъ ихъ Козаромъ“. Аскольдъ же и Диръ остаа въ градѣ семъ, и многи Варяги свокуписта, и начаста владѣти Польскою землею. Рюрику же княжашу въ Новѣгородѣ.

863. Въ лѣто 6371.

864. Въ лѣто 6372.

865. Въ лѣто 6373.

866. Въ лѣто 6374, иде Аскольдъ и Диръ на Греки, и придоша въ 14 лѣто Михаила цесаря. Цесарю же отведшю на Огаряны²⁾ и дошедшю ему Черныя рѣки, вѣсть епархъ посла к нему, яко Русь на Царьгородъ идетъ, и вратися царь. Си же внутрь Суду³⁾ вшедше, много убійство крестьяномъ створиша, и въ двою сту корабль Царьградъ отступниша. Царь же едва въ градъ вниде, и съ патрярхомъ съ Фотѣемъ приде къ сущей церкви святѣй Богородицѣ Влахѣрнѣ и всю ночь молитву створиша, таже божественную святыя Богородица ризу с пѣсньми изнесѣше в рѣку омочиша, тишинѣ сущи и морю укротившюся, абѣ буря вѣста с вѣтромъ, и волнамъ вельямъ вѣставшимъ засобѣ безбожныхъ Руси ко-

¹⁾ Финское племя Веси.

²⁾ Арабы.

³⁾ Гавань цареградская.

рабля смяте, и к берегу приверже, и изби я, яко мало ихъ
отъ таковыя бѣды избѣгнути, и въсвоися възвратишася.

867. Въ лѣто 6375.

868. Въ лѣто 6376. Поча царствовати Василій.

869. Въ лѣто 6377. Крещена бысть вся земля Болъ-
гарская.

870. Въ лѣто 6378.

871. Въ лѣто 6379.

872. Въ лѣто 6380.

873. Въ лѣто 6381.

874. Въ лѣто 6382.

875. Въ лѣто 6383.

876. Въ лѣто 6384.

877. Въ лѣто 6385.

878. Въ лѣто 6386.

879. Въ лѣто 6387. Умершю Рюрикови, предасть кня-
женъе свое Олгови, отъ рода ему суща, въдавъ ему сынъ
свой на руцѣ Игоря, бѣ бо дѣтескъ вельми.

880. Въ лѣто 6388.

881. Въ лѣто 6389.

882. Въ лѣто 6390. Поиде Олегъ, поимъ воя многи, Варяги,
Чюдъ, Словѣни, Мерю, Вель, Кривичи, и приде къ Смоленъ-
ску съ Кривичи, и прія градъ, и посади мужъ свои; оттуда
поиде внизъ, и взя Любецъ, и посади мужъ свои. И придо-
ста къ горамъ Киевскимъ, и увѣда Олегъ, яко Осколдъ и
Диръ княжита, и похорони вои в лодьяхъ, а другія назади
остави, а самъ приде нося Игоря дѣтска. И приплу подъ
Угорское, похоронивъ вои своя, и посла ко Асколду и Ди-
рови, глаголя: „яко гость¹⁾ есмь, и идемъ въ Греки отъ
Олга и отъ Игоря княжича; да придѣта к намъ к родомъ
своимъ“. Асколдъ же и Диръ придоста, и выскакаша вси
прочии изъ лодья, и рече Олегъ Асколду и Дирови: „вы
нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа“, и

¹⁾ Купецъ.

вынесоша Игоря, „а се есть сынъ Рюриковъ“. И убиша Ас-
колда и Дира, и несоша на гору, и погребоша и на горѣ,
еже ся нынѣ зоветь Угорское, кдѣ нынѣ Ольминъ дворъ;
на той могилѣ поставилъ церковь святого Николу, а Дирова
могила за святою Ориною. И сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ, и
рече Олегъ: „Се буди мати градомъ Русскимъ“. И бѣша у
него Варязи и Словѣни и прочи прозвашася Русью. Се же
Олегъ нача города ставити, и устави дани Словѣномъ, Кри-
вичемъ и Мери, и устави Варягомъ данъ даяти отъ Новаго-
рода гривень¹⁾ 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти
Ярославлѣ даяше Варягомъ.

883. Въ лѣто 6391. Поча Олегъ воевати Деревляны, и
примучивъ а имаше на нихъ данъ по чернѣ кунѣ.

884. Въ лѣто 6392. Иде Олегъ на Сѣверяне, и побѣди
Сѣверяны, и възложи на нѣ данъ легку, и не дасть имъ
Козаромъ дани платити рекъ: „азъ имъ противенъ, а вамъ
нечему“.

885. Въ лѣто 6393. Посла къ Радимичемъ рѣка: „кому
данъ даете?“ Они же рѣша: „Козаромъ“. И рече имъ Олегъ:
„не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте“, и въдаша Ольгови по
щѣлягу, якоже и Козаромъ даяху. И бѣ обладая Олегъ По-
ляны и Деревляны, и Сѣверены и Радимичи, а съ Уличи и
Тѣверци имаше рать.

886. Въ лѣто 6394.

887. Въ лѣто 6395. Левонъ царствова, сынъ Васильевъ,
иже Левъ прозвася, и братъ его Олександръ, иже царство-
васта лѣтъ 20 и 6.

888—897. Въ лѣто 6396. Въ лѣто 6397. Въ лѣто 6398.
Въ лѣто 6399. Въ лѣто 6400. Въ лѣто 6401. Въ лѣто 6402.
Въ лѣто 6403. Въ лѣто 6404. Въ лѣто 6405. Въ лѣто 6406.
Идоша Угри мимо Киевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Угорское,
и пришедъше къ Днѣпру стаща вежами²⁾; бѣша бо ходяще аки

¹⁾ Гривна—древне русская монетная единица.

²⁾ Шатрами.

се Половци. Пришедше отъ вѣстока и устремившася черезъ горы великія, яже прозвашася горы Угорскія, и почаша воевати на живущая ту Волохи и Словѣни. Сѣдяху бо ту преже Словѣни, и Волохове пріяша землю Словенскую; посемъ же Угри прогнаша Волѣхи, и наслѣдиша землю ту, и сѣдоша съ Словѣны, покоривше я подъ ся, и оттоле прозвася земля Угорска. И начаша воевати Угри на Греки, и поплѣниша землю Фрачскую и Макидонскую доже и до Селуня; и начаша воевати на Мораву и на Чехи. Бѣ единъ языкъ Словѣнскъ: Словѣни, иже сѣдяху по Дунаеви, ихъ же пріяша Угри, и Морава, и Чеси, и Ляхове, и Поляне, яже нынѣ зовомоя Русь. Симъ бо первое предложены книги Моравѣ, яже прозвася грамота Словѣнская, яже грамота есть в Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ.

Словѣномъ живущимъ крещенымъ и княземъ ихъ Ростиславъ, и Святополкъ, и Коцель послаша ко царю Михаилу, глаголюще: „земля наша крещена, и нѣсть у насъ учителя, иже бы ны наказалъ и поучалъ насъ, и протолковалъ святыя книги; не разумѣмъ-бо ни Греческу языку, ни Латынскую; они бы ны инако учать, а они бо ны и инако; тѣмъже не разумѣмъ книжнаго образа, ни силы ихъ. И послѣте ны учителя, иже ны могутъ сказати книжная словеса и разумъ ихъ“. Се слышавъ царь Михаилъ, и созва философы вся, и сказа имъ рѣчи вся Словѣнскихъ князь. И рѣша философи: „есть мужъ въ Селуни, именемъ Левъ, и суть у него сынове разумими языкъ Словѣнскую, хитра два сына у него философа“. Се слышавъ, царь посла по ня въ Селунь ко Львови, глаголя: „посли к намъ въскорѣ сына своя Меоодія и Костянтина“. Се слышавъ Левъ, въскорѣ посла я, и придоста ко цареви, и рече има: „се прислалася ко мнѣ Словѣнская земля, просящи учителя собѣ, иже бы могль имъ протолковати святыя книги; сего бо желаютъ“. И умолена быста царемъ, и посла я въ Словѣнскую землю къ Ростиславу, и Святополку, и Къцьлови. Сима же приходѣшема, начаста съставляти писмена азбукъовная Словѣнски, и преложиста Апостолъ и

Еуангелъе; и ради быша Словѣни, яко слышаша величья Божья своимъ языкомъ. Посемъ же преложиста Псалтырь и Охтанкъ, и прочая книги. И всташа нѣдци на ня ропщюще и глаголюще: „яко не достойтъ некоторому же языку имѣти буквѣ своихъ, развѣ Еврѣи, и Грекъ, и Латинѣ, по Пилатову писанью, еже на крестѣ Господни написа“. Се же слышавъ папѣж Римскій, похули тѣхъ, иже ропщють на книги Словенскія, река: „да ся исполнить книжное слово, яко въсхвалять Бога вся языци; другое же: вси възглаголють языки величья Божья, якоже дастъ имъ святой Духъ отвѣщевати; да аще кто хулитъ Словенскую грамоту, да будетъ отлученъ отъ церкви, донде ся исправитъ; ти бо суть волци, а не овца, яже достойтъ отъ плода знати я и хранитися ихъ. Вы же, чада Божья, послушайте ученья и не отрините наказанья церковнаго, якоже вы наказалъ Меоодій учитель вашъ“. Костянтинъ же възвратися въспать, и иде учить Болгарскаго языка, а Меоодій оста въ Моравѣ. Посемъ же Коцель князь постави Меоодья епископа въ Паніи, на столѣ святаго Онѣдроника апостола единого отъ 70, ученика святаго апостола Павла. Меоодій же посади 2 попа скорописца зѣло, и преложи вся книги исполнь отъ Греческа языка въ Словѣнскъ 6-ю мѣсяць, наченъ отъ марта мѣсяца до двудесяту и 6-ю день октября мѣсяца. Окончавъ же достойну хвалу и славу Богу въздасть, дающему таку благодать епископу Меоодью, настоянику Анѣдроникову. Тѣмъже словѣнску языку учитель есть Анѣдроникъ апостолъ, въ Моравы бо ходилъ: и апостолъ Павелъ, училъ ту; ту бо есть Илюрикъ, его же доходилъ апостолъ Павелъ, ту бо бѣша Словѣне первое. Тѣмъже и Словѣнску языку учитель есть Павелъ, отъ него же языка и мы есмо Русь, тѣмъже и намъ Руси учитель есть Павелъ, понеже училъ есть языкъ Словѣнскъ и поставилъ есть епископа и намѣстника по себѣ Анѣдроника Словѣнску языку. А Словѣнский языкъ и Рускый одно есть, отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша Словѣне; аще и Поляне звахуса, но Словѣнская рѣчь бѣ. Полями же

прозвани быша зане въ полѣ сѣдяху, а языкъ Словеньски имъ единъ.

898—901. Въ лѣто 6407. Въ лѣто 6408. Въ лѣто 6409. Въ лѣто 6410. Леонъ царь на Угры на Болгары, Угре же нашедше всю землю Болгарьску плѣноваху; Семионъ же увѣдѣвъ на Угры възратися, и Угре противу поидоша и побѣдиша Болгары, яко одва Семионъ въ Дерѣстрѣ убѣжа.

902. Въ лѣто 6411. Игоревѣ же възрастъшю, и хожаше по Олѣ и слушаше его; и приведоша ему жену отъ Пскова, именемъ Олгу.

903—906. Въ лѣто 6412. Въ лѣто 6413. Въ лѣто 6414. Въ лѣто 6415. Иде Олегъ на Греки, Игоря оставивъ Киевѣ; поя же множество Варягъ, и Словѣнъ, и Чюдъ, и Кривичи, и Мерю, и Деревляны¹⁾ и Радимичи, и Поляны, и Сѣверо, и Вятичи, и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверци яже суть *Толковины*²⁾: си вся звахуться отъ Грекъ Великая Скуѣ. И съ сими со всѣми поиде Олегъ на конѣхъ и на кораблѣхъ, и бѣ числомъ кораблей 2000, и прииде къ Царюграду; и Греци замкоша Судь³⁾, а градъ затвориша. И выиде Олегъ на брегъ, и воевати нача, и много убійство сотвори около града Грекомъ, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви; а ихъ же имаху плѣнники, овѣхъ посѣкаху, другия же мучаху, иныя же разстрѣляху, а другия въ море вметаху, и ина многа зла творяху Русь Грекомъ, елико же ратнии творять. И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и воставити на колеса корабля; и бывшую покосну вѣтру, въспяша парусы съ поля, и идяше къ граду. И видѣвше Греци и убояшася и рѣша, выславше ко Олгови: „не погубляй града, имемъся по дань, якоже хочещи“. И устави Олегъ воя, и вынесоша ему брашно и вино, и не прія его; бѣ бо устроено со отравою. И убояшася Греци и рѣша: „нѣсть се Олегъ, но святой Дмитрей,

¹⁾ Деревляны—полногласная форма, вм. древляне.

²⁾ Строевъ читаетъ „Воляныне“.

³⁾ Судъ—цареградская гавань. См. стр. 9.

посланъ на ны отъ Бога“. И заповѣда Олегъ дань даяти на 2000 корабль, по 12 гривенъ на человѣкъ, а въ корабли по 40 мужъ; и яшася Греци по се, и почаша Греци мира просити, дабы не воевалъ Грецкыи земли. Олегъ же мало отступивъ отъ града, нача миръ творити со царьма Грецкимъ, со Леономъ и Александромъ, посла къ нима въ градъ Карла, Фарлоа, Вельмуда, Рулава и Стемида¹⁾, глаголя: „имите ми ся по дань“. И рѣша Греци: „чего хочещи дамы ти“. И заповѣда Олегъ дати воемъ на 2000 корабль, по двѣнадцать гривенъ на ключъ²⁾, и потомъ даяти уклады на Рускыя грады: первое на Киевъ, таже на Черниговъ, и на Переяславль, и на Полтѣскъ³⁾ и на Ростовъ, и на Любечъ и на прочая городы, по тѣмъ бо городомъ сѣдяху велиции князи подъ Ольгомъ суще: „да приходячи Русь слюбное⁴⁾ емлють, елико хотячи, а иже придуть гости, да емлють мѣсячину на 6 мѣсяць, „хлѣбъ, и вино, и мясо, и рыбы, и овоць; и да творять имъ „мовь⁵⁾, елико хотять; поидучи же домовъ, въ Русь, да емлють у царя нашего на путь брашно, и якори, и ужа⁶⁾, и „парусы, и елико имъ надобе“. И яшася Греци, и рѣста царя и боярство все: „аще придуть Русь безъ купли, да не взимають мѣсячины; да запретитъ князь словомъ своимъ приходящимъ Руси здѣ, да не творять пакости в селѣхъ в „странѣ нашей; приходяще Русь да витають у святаго Мамы⁷⁾, и послеть царство наше, и да испишють имена ихъ, „и тогда возьмутъ мѣсячное свое,—первое отъ города Кіева, „и паку изъ Чернигова и изъ Переяславля, и прочія гради; „и да входятъ в градъ одними вороты со царевымъ мужемъ,

¹⁾ Германскія имена членовъ варяжской дружины.

²⁾ Т. е. на корабль, имѣвшій багоръ, которымъ судно притягивалось къ берегу.

³⁾ Полоцкъ.

⁴⁾ Отъ *слаг*—посоль: слѣдующее посламъ.

⁵⁾ Мовь—омовеніе, баня.

⁶⁾ Ужа, канать, веревка.

⁷⁾ Предмѣстье города.

„без оружья, мужь 50, и да творять куплю, якоже имъ „надобе, не платяче мыта ни в чемъ же. Царь же Леонъ 1) „со Олександромъ миръ сотвориста со Олгомъ, импеса по дань „и ротъ 2) заходивше межи собою, цѣловавше сами крестъ, а „Олга водивше на роту, и мужи его по Рускому закону кляшася „оружьемъ своимъ, и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ „скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ“. И рече Олегъ: „ис- „пийте парусы паволочиты Руси, а Словѣномъ кропиньныя“, и бысть тако; и повѣси щитъ свой въ вратехъ, показуа по- „бѣду, поиде отъ Царяграда. И воспаша Русь парусы па- „волочиты, а Словѣне кропиньны, и раздра а вѣтръ; и рѣша Словѣни: „имемся своимъ толстинамъ, не даны суть Словѣ- „номъ прѣ кропиньны“. И приде Олегъ к Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье. И прозваша Олга вѣщій: бяху бо людѣ погани и невѣголови 3).

907—910. Въ лѣто 6416. Въ лѣто 6417. Въ лѣто 6418. Въ лѣто 6419. Явися звѣзда велика на западѣ копейнымъ образомъ.

911. Въ лѣто 6420. Посла мужи свои Олегъ построити мира и положить рядъ межу Русью и Греки, глаголя: „Равно другаго свѣщанія, бывшаго при тѣхъ же цархъ Лва и Але- ксандра. Мы отъ рода Рускаго, Карлы, Инегелдъ, Фарлооъ, Веремудъ, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнъ, Фрелавъ, Руаръ, Актеву, Труанъ, Лидулъ, Фостъ, Стемидъ, иже послани отъ Олга, великаго князя Рускаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ и великихъ князь, и его великихъ боярь, к вамъ, Лвови и Александру и Костянтину, вели- кимъ о Бозѣ самодержьцемъ, царемъ Греческимъ, на удер- жание и на извѣщение отъ многихъ лѣтъ межи Христианы и Русью бывшую любовь, похотѣньемъ нашихъ великихъ князь

1) Левъ VI Философъ, сынъ императора Василія Македонянина, импе- раторъ Византійскій.

2) Рота—клятва.

3) Погани (pagani)—язычники и невѣжды.

и по повелѣнію отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его су- щихъ Руси. Наша свѣтлость болѣ инѣхъ хотящи еже о Бо- зѣ удержати извѣстити такую любовь, бывшую межи Хре- стьяны и Русью многожды, право судихомъ, не точью просто словесемъ, но и писаніемъ и клятвою твердою кленшеся оружьемъ своимъ, такую любовь утвердити и известити по вѣрѣ и по закону нашему. Суть, яко понеже мы ся имали о Божьи вѣрѣ и о любви, главы таковыя: по первому убо слову да умиримся с вами, Греки, да любимъ другъ друга отъ всеа душа и изволения, и не вѣдимъ, елико наше из- воление, быти отъ сущихъ подъ рукою нашихъ князь свѣт- лыхъ никакому же соблазну или винѣ; но подшимся, елико по силѣ, на сохранение прочихъ и всегда лѣтъ съ вами, Греки, исповѣданиемъ и написаніемъ со клятвою извѣщаемую любовь непревратну и непостыжну. Также и вы, Греки, да храните таку же любовь ко княземъ нашимъ свѣтлымъ Рус- кымъ и ко всѣмъ, иже суть подъ рукою свѣтлаго князя на- шего, несоблазну и непреложну всегда и въ вся лѣта. А о главахъ, иже ся ключить проказа, урядимся сие: да елико явѣ будетъ показаніи явленными, да имѣють вѣрное о тацѣхъ явленіи; а ему же начнутъ не яти вѣры; да кленеться часть та, иже ищетъ неятю вѣры; да егда кленеться по вѣ- рѣ своей, и будетъ казнъ, якоже явиться согрѣшенъ о семъ. Аще кто убьетъ или хрестянина Русинъ или хрестянинъ Русина, да умереть, идѣже аще сотворитъ убійство. Аще ли убѣжитъ сотворивый убійство, да аще есть домовитъ, да часть его, сирѣчь иже его будетъ по закону, да возметъ ближний убьенаго, а и жена убившаго да имѣетъ толицемъ же пребудетъ по закону; аще ли есть неимовитъ сотворивый убой и убѣжавъ, да держиться тяжи дондеже обрящется, яко да умереть. Аще ли ударить мечемъ или убьетъ кацѣмъ любо сосудомъ, за то ударение или бьенье да вдасть литръ 5 сребра по закону Рускому; аще ли неимовитъ тако сотвори- вый, да вдасть елико можетъ, и да соиметъ съ себе и ты самыя порты, в нихъ же ходить, да о процѣ да ротѣ хо-

дять своею вѣрою, яко никакоже иному помощи ему, да пребываетъ тяжа отолѣ не взыскаема о семъ. Аще украдетъ что Русинъ либо у хрестянина, или паки хрестянинъ у Русина, и ятъ будетъ в томъ часѣ татъ, егда татбу сѣтворить, отъ погубившаго что либо, аще приготовиться, татъ творяи, а убѣнъ будетъ, да не взищется смерть его ни отъ хрестянь, ни отъ Руси; но паче убо да возметъ свое, иже будетъ погубилъ. Аще вдасть руцѣ свои украдый, да ятъ будетъ тѣмъ же, у него же будетъ украдено, и звязанъ будетъ, и отдасть тое, еже смѣ створити и сотворитъ триичи о семъ. Аще кто отъ хрестянь, или отъ Руси мученья образомъ искусь творити, и насильемъ явѣ возметъ что либо дружне, да въспятитъ тронче. Аще вывержена будетъ лодья вѣтромъ великимъ на землю чюжую, и обряшутъ ся тамо иже отъ насъ Руси, да аще кто идетъ снабдѣти лодію с рухломъ своимъ и отослати паки на землю хрестяньскую, да проводимъ ю сквозѣ всяко страшно мѣсто, дондеже приидеть въ бестрашно мѣсто; аще ли таковая лодья ли отъ буря, или бороненія земнаго боронима, не можетъ возборонитися въ своа си мѣста, спотружаемся гребцемъ тоя лодья мы, Русь, допроводимъ с куплею ихъ поздорову, ти аще ключиться близъ земля Грецкаа; аще ли ключиться также проказа лодьи Руской, да проводимъ ю в Рускую землю, да продають рухло тоя лодьи, и аще что можетъ продати отъ лодья, во волочимъ мы, Русь; да егда ходимъ въ Греки, или с куплею, или въ солбу ко цареви вашему, да пустимъ с честію проданное рухло лодьи ихъ; аще ли ключиться кому отъ лодьи убѣну быти отъ насъ, Руси, или что взято либо, да повинни будутъ то створшии прежереченною епитемьею, отъ тѣхъ. Аще полоняникъ обою страну держимъ есть или отъ Руси или отъ Грекъ, проданъ въ ону страну, аще обрящется ли Русинъ ли Гречинъ, да искупятъ и възратятъ искомное лице въ свою сторону, и возмутъ цѣну его купящи, или мниться в куплю на день челядиннаа цѣна; также аще отъ рати ятъ будетъ отъ тѣхъ Грекъ, также да воз-

ратится въ свою страну, и отдана будетъ цѣна его, якоже речено есть, якоже есть купля. Егда же требуетъ на войну ити, и сиі хотять почтити царя вашего, да аще въ кое время елико ихъ приидеть, и хотять остатися у царя вашего своею волею да будутъ. Отъ Руси отъ полоненіи, множайши отъ коеа либо страны пришедшимъ в Русь и продаемыхъ въ хрестяны, и еще же и о хрестянехъ о полоненныхъ отъ коеа либо страны приходящимъ в Русь, се продаемы бывають по 20 золота, и да приидутъ въ Греки. О томъ аще украденъ будетъ челядинъ Рускій, или ускочить, или по нужи проданъ будетъ, и жаловати начнутъ Русь, да покажетъ ся таковое отъ челядина и да поймутъ и в Русь; но и гостие аще погубиша челядинъ и жалуютъ, да ищутъ, обрѣтаемое да поймутъ е; аще ли кто искушенья сего не дастъ створити, мѣстникъ да погубитъ правду свою. И о работающихъ бо Грекохъ Руси у хрестянского царя. Аще кто умереть, не урядивъ своего имѣнья, ци своихъ не имать, да възратиться имѣніе к малымъ ближикамъ в Русь; аще ли сотворитъ обряжение таковой, возметъ уряженое его, кому будетъ писалъ наслѣдити имѣнье его, да наслѣдитъ е отъ взимающихъ куплю Руси отъ различныхъ ходящихъ во Греки и удолжающихъ. Аще злодѣи не възратиться в Русь, да жалуютъ Русь хрестянскому царству, и ятъ будетъ таковой и възвращенъ будетъ, не хотя, въ Русь. Си же вся да створять Русь Грекомъ, идѣже аще ключиться таково. На утверженіе же неподвижне быти меже вами хрестяны и Русью, бывший миръ сотворихомъ Ивановымъ написаниемъ на двою харатью, царя вашего и своею рукою, подлежащимъ честнымъ крестомъ и святою единосущною Троицею единого истиннаго Бога вашего извѣсти и дастъ нашимъ посломъ; мы же кляхомся ко царю вашему иже отъ Бога суще яко Божіе зданіе по закону и по закону языка нашего, не преступити намъ, ни оному отъ страны нашеа отъ уставленныхъ главъ мира и любви. И таковое написание дахомъ царства вашего на утверженіе обоему пребывати таковому совѣщанію,

на утверждение и на извѣшание межи вами бывающаго мира. Мѣсяца сентебря 2, недѣли 15, въ лѣто созданія мира 6420⁴.

Царь же Леонъ почти послы Рускыя дарми, златомъ, и паволоками, и фофудьбами ¹⁾ и пристави к нимъ мужи свои показати имъ церковную красоту, и полаты златыя и в нихъ сущаа богатество, злато много и паволоки и камъне драгое, и страсти Господня, и вѣнецъ, и гвоздие, и хламиду багряную, и мощи святыхъ, учаше я к вѣрѣ своей и показующе имъ истинную вѣру, и тако отпусти а во свою землю с честию великою. Послании же Олгомъ послы приидоша ко Олгови и повѣдаша вся рѣчи обою царю, како сотвориша миръ, и урядъ положиша межю Грецкою землею и Рускою и клятвы не приступити ни Грекомъ, ни Руси. И живяше Олегъ миръ имѣя ко всѣмъ странамъ, княжа в Киевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити и не всѣдати на нь ²⁾, бѣ бо въпрашалъ волхвовъ и кудесникъ: „Отъ чего ми есть умерети?“ И рече ему кудесникъ одинъ: „княже! конь, его же любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти умерети“. Олегъ же пріимъ въ умѣ, си рече: „николи же всяду на нь, ни вижу его болѣ того;“ и повелѣ кормити и не водити его к нему, и пребы нѣколько лѣтъ не видѣ его, дондеже на Греки иде. И пришедшу ему к Киеву и пребывшю 4 лѣта, на пятое лѣто помяну конь, отъ него же бяхуть рекли волсви умерети, и призва старейшину конюхомъ, рече: „кое есть конь мѣй, его же бѣхъ поставилъ кормити и блюсти его?“ Онъ же рече: „умерлъ есть“. Олегъ же посмѣяся и укори кудесника, река: „то ти неправо глаголють волсви, но все лжа есть: конь умерлъ есть, а я живъ“. И повелѣ осѣдлати конь: „а то вижю кости его“. И приде на мѣсто, идѣже бѣша лежаще кости его голы и лобъ голъ, и ссѣде с коня, и посмѣяся рече: „отъ сего ли лба смѣрть было взяти мнѣ?“ и вступи ногою на лобъ; и вы-

¹⁾ Одежды.

²⁾ Нѣ—ъ. вм. и, съ призвукомъ н—него.

никнувши змиа изо лба и уклону в ногу, и съ того разболѣся и умре. И плакашася людие вси плачемъ великимъ, и несоша и погребоша его на горѣ, еже глаголется Щековица; есть же могила его и до сего дни, словеть могила Ольгова⁴⁾. И бысть всѣхъ лѣтъ княження его 33.

Се же дивно, яко отъ волхованья случается чародѣйство, якоже бысть во царство Доментіаново: нѣкій волхвъ, именемъ Аполоній Тіяннинъ, знаемъ бѣяше шествуя и творя всюду и въ градѣхъ и въ селехъ бѣсовская чудеса: отъ Рима бо пришедъ въ Византію, умоленъ бывъ отъ живущихъ ту, сотвори сія: отгнавъ множество змій и скоропій изъ града, яко не врежатися челоуѣкомъ отъ нихъ; ярость коньскую обуздавъ, егда ссхожахуся боаре. Также и во Антиохию пришедъ, и умоленъ бывъ отъ нихъ, томимомъ бо Антиахия номъ отъ скоропій и отъ комаръ, сотворивъ мѣдянь скоропій и погребе его в земли, и малъ столпъ, мраморенъ постави надъ нимъ, и повелѣ трость держати челоуѣкомъ, и ходити по городу и звати, тростемъ трясомомъ: „безъ комара граду“, и тако исчезнуша изъ града скоропія и комарѣ. И просиша же пакы о лежащимъ на градѣ трусу въздохну, списа на дщицѣ сія: „уви тобѣ, оканьный граде, яко потрясѣши много, и огнемъ одержимъ будеши, оплатеть же ты и при березѣ сый Оронтий. О немъ же и великій Анастасій Божья града рече: „Аполонию же даже и доннѣ на нѣцехъ мѣстехъ случаются створенаа стоащаа, ова на отвращение

⁴⁾ Такое же сказаніе встрѣчается и въ скандинавскихъ сагахъ о Норвежскомъ Оддурѣ. Послѣ многолѣтняго отсутствія, воротившись въ Норвегію, Оддуръ сказалъ своей дружинѣ: „Посмотримъ на погрязшій въ болото курганъ, подъ которымъ погребли мы коня Факса“. Пришедши же къ кургану, сказалъ: „теперь нѣтъ уже никакой опасности отъ предсказанія вороженъ, угрожавшей мнѣ смертію отъ Факса“. Между тѣмъ, загорѣлось болото и никакихъ слѣдовъ не осталось отъ кургана: лежала только голая гнилая голова коня. Увидѣвъ ее, онъ сказалъ: „Узнаете ли голову коня?“ Кругомъ стоящіе подтвердили. „И это Факсова голова!“ Тутъ выскочила изъ конской головы змѣя (ящерица) и уязвила его въ пятю, отчего все тѣло его заразилось ядомъ. (Буслаевъ).

животенъ четверногъ, птицамъ, могущимъ вредите челоѣкъ, другія же на воздержание струамъ рѣчнымъ, невоздержанно, текущимъ, но ина нѣкаа на тлѣнѣ и вредъ челоѣкомъ сущая на побѣжение стоать. Неточью бо за живота его така и таковая сотвориша бѣсове его ради, но и по смерти его пребывающе у гроба его знаменія творяху во имя его на прелщение оканнимъ челоѣкомъ, боляма крадомымъ на таковаа отъ дьявола“. Кто убо что речеть о творящихъ ся волшвеннымъ прелщениемъ дѣлехъ? яко таковой гораздъ бысть волшебствомъ, яко выну зазяще вѣдый Аполоний, яко неистовъ на ся философскую хитрость имуще; подобашеть бо ему, рещи, якоже азъ словомъ точью творити, ихже хотяше, а не свершениемъ творити повелѣваемаа отъ него. Также и вся ослаблениемъ Божьимъ и творениемъ бѣсовскимъ бываетъ, таковыми вещьми искушати на шеа православныя вѣры, аще тверда есть и крѣпка, пребывающи Господеви и не влекома врагомъ мечетныхъ ради чюдесъ и сотонинъ дѣлъ, творимыхъ отъ врагъ и слугъ злобы. Еще же но именемъ Господнимъ пророчествоваша нѣции, яко Валамъ, и Саулъ, и Каиафа, и бѣси паки изгнаша, яко Иуда и сынове Скевави. Убо и не на достойныхъ благодать дѣйствуетъ многая, да етеры свидѣтельствуеть, ибо Валамъ обоихъ бѣщюжь, житя изящна и вѣры, но о обаче съдѣйствова в немъ благодать инѣхъ ради смотрѣннѣ. И Фараонъ таковой бѣ, но и тому будущаа предпоказа. И Новходоносоръ законопреступный, но и сему паки по мнозѣхъ сущихъ послѣдѣже родѣхъ открь, тѣмъ являя, яко мнози, прекостни имущемъ, предъ образомъ Христовымъ знаменія творять иною кознью на прелесть челоѣкомъ не разумѣвающимъ добраго, якоже бысть Симонъ волхвъ, и Менандръ и ини таковы, ихъ ради, по истинѣ, рече: не чюдеса прелщати.

913. Въ лѣто 6421. Поча княжити Игорь по Олѣ. В се же время поча царьствовати Костянтинъ, сынъ Леонтовъ. И Деревляне затворишася отъ Игоря по Олговѣ смерти.

914. Въ лѣто 6422. Иде Игорь на Деревляне, и побѣдивъ а, и возложи на ня данъ болши Олговы. Въ то же лѣто прииде Семионъ Болгарьскій на Царьградъ, и сотворивъ миръ и прииде восвося.

915. Въ лѣто 6423. Придоша Печенѣзи первое на Рускую землю, и сотворивше миръ со Игоремъ, и придоша къ Дунаю. Въ си же времена прииде Семионъ плѣнныа Фракію, Греки же послаша по Печенѣги; Печенѣгомъ пришедшимъ и хотящимъ на Семеона, разсваришася Греческия воеводы; видѣвше Печенѣзи, яко сами на ся рать имуть, отъидоша въсвося, а Болгаре со Греки соступишася, и пересѣчени быша Греки, Семионъ же прия градъ Ондрѣнь, иже первое Арестовъ градъ нарицашеся, сына Агамемнонъ, иже во трехъ рѣкахъ купався недуга избы, ту сего ради градъ во имя свое нарече, послѣди-же Андрианъ кесарь и обнови, въ свое имя нарече Андрианъ, мы же зовемъ Андрѣянемъ градомъ.

916—920. Въ лѣто 6424. Въ лѣто 6425. Въ лѣто 6426. Въ лѣто 6427. Въ лѣто 6428. Поставленъ царь Романъ въ Грекохъ. А Игорь воеваше на Печенѣги.

921—929. Въ лѣто 6429. Въ лѣто 6430. Въ лѣто 6431. Въ лѣто 6432. Въ лѣто 6433. Въ лѣто 6434. Въ лѣто 6435. Въ лѣто 6436. Въ лѣто 6437. Приде Симеонъ на Царьградъ, и поплѣни Фракію и Макидонью, и приде ко Царюграду въ силѣ въ велицѣ, въ гордости, и створи миръ съ Романомъ царемъ, и възратися въсвося.

930—934. Въ лѣто 6438. Въ лѣто 6439. Въ лѣто 6440. Въ лѣто 6441. Въ лѣто 6442. Первое придоша Угре на Царьградъ, и плѣноваху всю Фракію; Романъ сотвори миръ со Угры.

935—941. Въ лѣто 6443. Въ лѣто 6444. Въ лѣто 6445. Въ лѣто 6446. Въ лѣто 6447. Въ лѣто 6448. Въ лѣто 6449. Иде Игорь на Греки, яко послаша Болгаре вѣсть ко царю, яко идуть Русь на Царьградъ скѣдїи ¹⁾ 10 тысящъ. Иже придо-

¹⁾ Судна.

ша, и приплуша и почаша воевати Вефиньскія страны, и воеваху по Понту до Ираклия и до Фафлогоньски земли, и всю страну Никомидийскую поплѣнивше, и Судъ весь пожьгоша; ихъ же емше, овѣхъ растинаху, другія аки странѣ¹⁾ поставляюще и стрѣлаху въ ня, изимахуть, опаки руцѣ съвязвахуть, гвозди желѣзныи посреди главы въбивахуть имъ; много же святыхъ церквий огневи предаша, монастырѣ и села пожьгоша, и имѣнья немало отъ обою страну взяша. Потомъ же пришедшемъ воемъ отъ вѣстока. Панфиръ деместикъ съ 40-ми тысящъ, Фока же патрекій съ Макидоны, Оедоръ же стратилатъ съ Фраки, съ ними же и сановници боярьстии, обидоша Русь около. Съвѣщаша Русь, изидоша въружившеся, на Греки, и брани межю ими бывши злыи одва одолѣша Грци; Русь же възвратиса къ дѣружинѣ своей къ вечеру, и на ночь влѣзоша в лодыи и отбѣгоша. Феофанъ же²⁾ сустрѣте я въ олядахъ со огнемъ, и пуцати нача трубами огнь на лодѣ Рускія, и бысть видѣти страшно чудо. Русь же видящій пламянь, вметахуся въ воду морьскую, хотяще убрести; и тако прочіи възвратиса въсвои. Тѣмже пришедшимъ въ землю свою, и повѣдаху каждо своимъ о бывшемъ и о ляднѣмъ огни: „якоже молонья“, рече, „иже на небесѣхъ, Грци имуть у собе, и се пуцающе жежатаху насъ, сего ради не одолѣхомъ имъ“. Игорь же пришедъ нача совкупляти воѣ многи, и посла по Варяги многи за море, вабя е на Греки, паки хотя поити на ня.

942. Въ лѣто 6450. Семеонъ иде на Храваты, и побѣженъ бысть Храваты, и умре, оставивъ Петра князя, сына своего Болгаромъ.

943. Въ лѣто 6451. Паки придоша Угри на Царьградъ и миръ створивше съ Романомъ, възвратиса въсвои.

944. Въ лѣто 6452. Игорь же совкупивъ вои многи, Варяги, Русь, и Поляны, Словѣни, и Кривичи, и Тѣверьце, и Пече-

¹⁾ Цѣль.

²⁾ Грекъ, патрицій.

нѣги на а, и тали¹⁾ у нихъ поя, поиде на Греки в лодяхъ и на конихъ, хотя мѣстити себе. Се слышавше Корсунци, послаша къ Раману, глаголюще: „се идуть Русь безъ числа корабль, покрыли суть море корабли“. Такоже и Болгаре послаша вѣсть, глаголюще: „идуть Русь, и наiali суть к собѣ Печенѣги“. Се слышавъ царь, посла къ Игорю лучіѣ боляре, моля и глаголя: „не ходи, но возьми дань, юже ималъ Олегъ, придамъ и еще къ той дани“. Такоже и къ Печенѣгомъ посла паволоки и злато много. Игорь же дошедъ Дуная, созва дружину и нача думати, и повѣда имъ рѣчь цареву. Рѣша же дружина Игорева: „да аще сие глаголетъ царь, то что хотимъ болѣ того, не бившеся имати злато, и сребро, и паволоки? егда кто вѣсть, кто одолѣетъ, мы ли, онѣ ли? ли съ моремъ кто свѣтенъ? се бо не по земли ходимъ, но по глубинѣ морьстѣй; обѣча смерть всѣмъ“. Послуша ихъ Игорь, и повелѣ Печенѣгомъ воевати Болгарьскую землю; а самъ возьмъ у Грекъ злато и паволоки и на вся воя, и възвратиса въспять, и приде къ Кіеву въсвои.

945. Въ лѣто 6453. Присла Романъ, и Костянтинъ и Степанъ слы къ Игореву построи мира первого; Игорь же глагола съ ними о мирѣ. Посла Игорь мужѣ своя къ Роману, Романъ же созва боляре и сановники. Приведоша Рускія слы, и велѣша глаголати и писати обоихъ рѣчи на харатѣ: (Далѣ текстъ договора).

Послании же слы Игоремъ придоша къ Игореву со слы Гречьскими и повѣдаша вся рѣчи царя Романа. Игорь же призва слы Гречьскія, рече имъ: „глаголите, что вы казалъ царь?“ И рѣша слы цареви: „се посла ны царь, радъ есть миру, хошетъ миръ имѣти со княземъ Рускимъ и любьве; твои слы водили суть царѣ наши ротѣ, и насъ послаша ротѣ водить тебе и мужъ твоихъ“. Обѣщася Игорь сие створити. Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, кдѣ стояше Перунъ, и покладоша оружье свое, и щиты и золото, и ходи

¹⁾ Заложникъ.

Игорь ротѣ и люди его, елико поганыхъ Руси; а хрестеяную Русь водиша ротѣ въ церкви святаго Ильи, яже есть надъ ручаемъ, конецъ Пасынчѣ бесѣды и Козарѣ: се бо бѣ сборная церкви, мнози бо бѣша Варязи хрестеяни. Игорь же утвердивъ миръ съ Греки, отпусти слы, одаривъ скорою ¹⁾ и челядью и воскомъ, и отпусти я; сля же придоша ко цареви, и повѣдаша вся рѣчи Игоревы и любовь юже къ Грекомъ. Игорь же нача княжити въ Киевѣ, миръ имѣя ко всѣмъ странамъ. И приспѣ осень, и нача мыслити на Деревляны, хотя примыслити большою дань.

945. Въ лѣто 6453. В се же лѣто рекоша дружина Игоревы: „отроци Свѣнльжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази; поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы“. И послуша ихъ Игорь, иде в Древа в дань, и примышляше къ первой дани, и насилыше имъ, и мужи его; воземавъ дань, поиде въ градъ свой. Идушу же ему въспять, размысливъ рече дружинѣ своей: „идѣте съ данью домови, а я возвращаюся, похожую и еще“. Пусты дружину свою домови, съ маломъ же дружины возвратися, желая больша имѣнья. Слышавше же Деревляне, яко опять идетъ, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ: „аще ся въвадитъ волкъ в овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьютъ его; тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубитъ“, и послаша къ нему, глаголюще: „почто идеши опять? поималъ еси всю дань“. И не послуша ихъ Игорь, и выпедше изъ града Изъкорьстѣня ²⁾ Деревляне убиша Игоря и дружину его; бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь, и есть могила его у Искорьстѣня града въ Деревѣхъ и до сего дне. Волга же бѣше въ Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтскимъ Святославомъ, и кормилецъ ³⁾ его Асмудъ, и воевода бѣ Свѣнелдъ, то же

¹⁾ Шкурами животныхъ, мѣхами.

²⁾ Искоростень, главный г. Древлянъ, нынѣ въ память его наз. Искорость мѣстечко въ Волынской губ.

³⁾ Воспитатель.

отецъ Мистишинъ. Рѣша же Деревляне: „се князя убихомъ Рускаго; поимемъ жену его Волгу за князь свой Малъ, и Святослава, и створимъ ему, якоже хощемъ“. И послаша Деревляне лучшіе мужи, числомъ 20, въ лоды к Ользѣ, и присташа подъ Боричевымъ в лоды. Бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы Киевския, и на Подольи не сидяху людье, но на горѣ; градъ же бѣ Киевъ, идѣже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ князь бѣше в городѣ, идѣже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чудинъ, а перевѣсище ¹⁾ бѣ внѣ града, и бѣ внѣ града дворъ другой, идѣже есть дворъ Демьстиковъ ²⁾ за святою Богородицею; надъ гороу дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ каменъ. И повѣдаша Ользѣ, яко Деревляне придоша; и возва я Ольга къ собѣ и рече имъ: „добре гостье придоша“; и рѣша Деревляне: „придохомъ, княгине“. И рече имъ Ольга: „да глаголите, что ради придосте сѣмо? Рѣша же Деревляне: „посла ны Дерьвьска земля, рекущи сиче: мужа твоего убихомъ, бѣше бо мужъ твой аки волкъ восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли ³⁾ суть Деревьску землю, да поиди за князь нашъ за Малъ“; бѣ бо имя ему Малъ, князю Деревьску. Рече же имъ Ольга: „люба ми есть рѣчь ваша, уже мнѣ мужа своего не крѣсити; но хочю вы почтити наутрия предъ людьми своими, а нынѣ идѣте в лодью свою и ляжите в лоды величающеса, и азъ утро послю по вы, вы же рыцѣте: не ѣдемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны въ лодѣ; и възнесутъ вы в лоды“; и отпусти я въ лодью. Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоку, на дворѣ теремѣстѣмъ, внѣ града. И заутра Волга, сидящи въ теремѣ, посла по гости, и придоша къ нимъ, глаголюще: „зоветь вы Ольга на честь велику“. Они же рѣша: „не ѣдемъ на конихъ, ни на

¹⁾ Мѣсто для ловли птицъ.

²⁾ Доместикъ (δωμέτικος)—установщикъ церковнаго пѣнія.

³⁾ Князя пасуть свой народъ. См. у Гомера названіе царя—пастухъ народовъ.

возѣхъ, ни пѣши ѣдемъ, понесѣти ны в лодыи“. Рѣша же Княне: „намъ неволя; князь нашъ убитъ, а княгиня наша хочеть за вашъ князь“, и понесоша я в лодыи. Они же сѣдяху в перегѣбѣхъ въ великихъ сустугахъ гордящися; и принесоша я на дворъ к Ользѣ, и несѣше, вринуша е въ яму и с лодьею. Приникши Ольга и рече имъ: „добра ли вы честь?“ они же рѣша: „пуще ны Игоревы смерти“, и повелѣ засыпати я живы, и посыпаша я. И пославши Ольга къ Деревлянѣмъ, рече имъ: „да аще мя просите право, то пришлите мужа нарочиты, да в велицѣ чти приду за вашъ князь, еда ¹⁾ не пустятъ мене людѣ Киевѣстин“. Се слышавше Деревляне, избраша лучышии мужи, иже деръжаху Деревьску землю, и послаша по ню. Деревлянѣмъ же пришедъшимъ, повелѣ Ольга мовѣ створити, ркуще сице: „измывшеся придите ко мнѣ“. Они же пережыгоша истопку ²⁾, и влѣзоша Деревляне, начаша ся мыти; и запроша о нихъ истобку, и повелѣ зажечи я отъ дверей, ту изгорѣша вси. И посла къ Деревлянѣмъ, ркущи сице: „се уже иду къ вамъ, да пристроите меды многи въ градѣ, идѣже убисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его, и створю трызну мужю своему“. Они же то слышавше, съвезоша меды многи зѣло, и възвариша. Ольга же, поимше мало дружины, легко идуще приде къ гробу его, и плакася по мужи своему; и повелѣ людемъ своимъ съсуги могилу велику, и яко соспоша, и повелѣ трызну творити. Посемъ сѣдоша Деревляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити предъ ними; и рѣша Деревляне къ Ользѣ: „кдѣ суть дружина наша, ихъ же послахомъ по тя?“ она же рече: „идуть по мнѣ съ дружиною мужа моего“. И яко упишася Деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня, а сама отъиде кромѣ, и повелѣ дружинѣ своей сѣчи Деревляны; и истреби ихъ 5000. А Ольга возвратися Киеву, и пристрои вой на прокъ ихъ.

¹⁾ Не то.

²⁾ Истопка, отсюда истѣба и наше изба.

Начало княженія Святослава, сына Игорева.

946. Въ лѣто 6454. Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вой многи и храбры, и иде на Деревьску землю. И изидоша Деревляне противу, и сънемъшемася обѣма полкома на скупѣ, суну копьемъ Святославъ на Деревляны, и копье летѣ сквозѣ уши коневы, и удари в ноги коневы, бѣ бо дѣтескъ. И рече Свѣнелдъ и Асмолдъ: „князь уже почалъ; потягнѣте, дружина, по князѣ“. И побѣдиша Деревляны, Деревляне же побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ. Ольга же устремися съ сыномъ своимъ на Искоростѣнь градъ, яко тѣе бяху убили мужа ея, и ста около града съ сыномъ своимъ, а Деревляне затворишася въ градѣ и боряхуся крѣпко изъ града, вѣдѣху бо, яко сами убили князя и на что ся предати. И стоя Ольга лѣто, и не можаше взяти града, и умысли сице: посла ко граду глаголющи: „что хочете досѣдѣти? а вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и землѣ своя; а вы хочете изъмерети гладомъ, не имучеся по дань“. Деревляне же рекоша: „ради ся быхомъ яли по дань, но хоцещи мыщати мужа своего“. Рече же имъ Ольга: „яко азъ мстила уже обиду мужа своего, когда придоша Киеву, второе, и третье когда твориху трызну мужевы своему; а уже не хоцю мыщати, но хоцю дань имати помалу, и смирившися съ вами понду опять“. Рекоша же Деревляне: „што хоцещи у насъ? ради даемъ медомъ и скорою“. Она же рече имъ: „нынѣ у васъ нѣсть меду, ни скоры, но мало у васъ прошю: дадите ми отъ двора по 3 голуби да по 3 воробьи; азъ бо не хоцю тяжьки дани възложити, якоже и мужъ мой, сего прошю у васъ мало, вы бо есте изънемогли в осадѣ, да сего у васъ прошю мала“. Деревляне же ради бывше, и собраша отъ двора по 3 голуби и по 3 воробьи, и послаша к Ользѣ с поклономъ. Ольга же рече имъ: „се уже есте покорилися мнѣ и моему дѣтяти, а идѣте въ градъ, а я заутра отступлю отъ града и понду во градо сый“. Де-

ревляне же ради бывше внидоша въ градъ, и повѣдаша людемъ, и обрадовашася людѣ въ градѣ. Волга же раздая воемъ по голуби комуждо, а другимъ по воробьеви, и повелѣ къ коемуждо голуби и къ воробьеви привязывати цѣрь, обертывающе въ платки малы, нитъкою поверзывающе къ коемуждо ихъ; и повелѣ Ольга, яко смерчеся, пустити голуби и воробьи воемъ своимъ. Голуби же и воробьеви полетѣша въ гнѣзда своя, голуби въ голубники, вѣрбѣе же подъ стрѣхи; и тако възгарахуся голубники, ово клѣти, ово вежѣ, ово ли одрины, и не бѣ двора, идѣже не горяще, и не бѣ лѣзѣ гасити, вси бо двори възгорѣшася. И побѣгоша людѣ изъ града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати я, яко взя градъ и пожже и; старѣйшины же града изынима, и прочая люди овыхъ изби, а другія работѣ предасть мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити дань. И възложи на ня дань тяжьку, 2 части дани идета Киеву, а третья Вышегороду к Ользѣ, бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ. И иде Вольга по Дерѣвѣстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляючи уставы и уроки; и суть становища еѣ и ловища. И приде въ градъ свой Киевъ съ сыномъ своимъ Святославомъ, и пребывши лѣто едино.

947. Въ лѣто 6455, иде Вольга Новугороду и устави по Мѣстѣ повосты и дани, и по Лузѣ оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знамянья и мѣста и повосты, и сани ея стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ея Ольжичи и доселѣ. И изрядивши възратися къ сыну своему Киеву и пребываше съ нимъ въ любви.

948—955. Въ лѣто 6456. Въ лѣто 6457. Въ лѣто 6458. Въ лѣто 6459. Въ лѣто 6460. Въ лѣто 6461. Въ лѣто 6462. Въ лѣто 6463. Иде Ольга въ Греки и приде Царюгороду. Бѣ тогда царь Костянтинъ, сынъ Леоновъ; и приде к нему Ольга, и видѣвъ ю добру сущю зѣло лицемъ и смыслу, удивився царь разуму ея, бесѣдова к ней и рекъ ей: „подобна еси царствовати въ градѣ с нами“. Она же разумѣв-

ши рече ко царю: „азъ пагана есмь, да аще мя хоцещи крестити, то крести мя самъ; аще ли ни, то не крещюся“, и крести ю царь съ патреархомъ. Просвѣщена же бывъши, радовашеся душею и тѣломъ; и поучи ю патреархъ о вѣрѣ, и рече ей: „благословена ты въ женахъ Рускихъ, яко возлюби свѣтъ, а тьму остави; благословити тя хотять сынове Рустіи и в послѣдній родъ внукъ твоихъ“. И заповѣда ей о церковномъ уставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милостыни и о въздержаньи тѣла чиста; она же поклонивши главу, стояше аки губа напаяема, внимаючи ученья; и поклонившись патреарху, глаголющи: „молитвами твоими, владыко, да сохранена буду отъ сѣти непріязньны“. Бѣ же речено имя ей во крещеніи Олена, якоже и древняя царица, мати великаго Костянтина. И благослови ю патреархъ и отпусти ю. И по крещеніи возва ю царь и рече ей: „хоцю ты пояти собѣ женѣ“. Она же рече: „како хочещи мя пояти, крестивъ мя самъ и нарекъ мя дщерею? а въ хрестеянехъ того нѣсть закона, а ты самъ вѣси“. И рече царь: „переклюкала мя еси, Ольга“; и дастъ ей дары многи, злато и сребро, поволоки и съсуды различныя, и отпусти ю, нарекъ ю дщерею собѣ. Она же хотящи домови, приде къ патреарху, благословенья просящи на домъ, и рече ему: „людѣ мои погани и сынъ мой, дабы мя Богъ съблюлъ отъ всякого зла“. И рече патреархъ: чадѣ вѣрное! во Христа крестилася еси, и во Христа облечеся, Христосъ имать схранити тя; якоже схрани Еноха въ первыя роды, и потомъ Ноя въ ковчезѣ, Аврама отъ Авимелеха, Лота отъ Содомлянъ, Моисѣя отъ Фараона, Давыда отъ Саула, 3 отроци отъ пещи, Данила отъ звѣрий, тако и ты избавить отъ непріязни и отъ сѣтий его; и благослови ю патреархъ, и иде с миромъ въ свою землю, и приде Киеву. Се же бысть, якоже при Соломанѣ приде царица Еѣиопская к Соломану, слышати хотящи премудрости Соломани, и многу мудрость видѣ и знамянья: такоже и си блаженная Ольга искаше доброѣ мудрости Божья, но она человѣчески, а си Божья. Ищущи бо мудрости обрѣщють, премудрость на ис-

ходищихъ поется, на путехъ же дерзновенье водить, на краихъ же забральныхъ проповѣдаетъ, во вратѣхъ же градныхъ держаючи глаголетъ: елико бо лѣтъ незлобивии держатся по правду, не постыдятся. Си бо отъ вѣзроста блаженная Ольга искаше мудростію все въ свѣтѣ семъ, налѣзе бисеръ многоцѣненъ, еже есть Христосъ. Рече бо Соломанъ: желанье благовѣрныхъ наслаждаетъ душу; и приложивши сердце твое в разумъ; азъ любящая мя люблю, и ищущи мене обрящють мя. Господь рече: приходящаго ко мнѣ не изжену вонъ. Си же Ольга приде Киеву, и присла къ ней царь Греческій, глаголя: „яко много дарихъ ты; ты бо глаголаше ко мнѣ, яко аще возвращающа в Русь, многи дары прислюти: челядь, воскъ и скѣру, и вой в помощь“. Отвѣщавши Ольга, и рече къ слову: „аще ты“, рыци, „такоже постоиши у мене в Почайнѣ, якоже азъ в Суду, то тогда ты дамъ“; и отпусти слы съ рекыши. Живяше же Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ, и учашеть имати креститися, и не брежаше того ни во уши примати; но аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому. Невѣрнымъ бо вѣра хрестіянська уродство есть; не смыслиша бо, ни разумѣша во тѣмъ ходящи, и не вѣдять славы Господня, одебелѣша бо сердца ихъ, ушима тяжко слышати, а очима видѣти. Рече бо Соломанъ: дѣла нечестивыхъ далече отъ разума; понеже звахъ вы и не послушасте мене, прострохъ словеса, и не внимасте, но отместе моя свѣты, моихъ же обличений не внимасте; възненавидѣша бо премудрость, а страха Господня не изволиша, ни хотяху моихъ внимати свѣтъ, подражаху же мои обличенья. Якоже бо Ольга часто глаголашеть: „азъ, сыну мой, Бога познахъ и радуюся; аще ты познаеши, и радоватися почнешь“. Онъ же не внимаше того, глаголя: „како азъ хочю инъ законъ прияти единъ? а дружина моя сему смѣяться начнутъ“. Она же рече ему: „аще ты крестишися, вси имуть тоже створити“. Онъ же не послуша матере, творяше норовы поганьскія, не вѣдый, аще кто матере не послушаетъ, въ бѣду впадаетъ; якоже рече: аще

кто отца, ли матере не послушаетъ, то смерть приметъ. Се же кътому гнѣвашеся на матерь. Соломанъ бо рече: кажай злыя приѣмлетъ собѣ досаженіе, обличая нечестиваго поречетъ себе; обличенья бо нечестивымъ мозолие суть; не обличай злыхъ, да не възненавидятъ тебе. Но обаче любяше Ольга сына своего Святослава, рыкущи: „воля Божья да будетъ; аще Богъ хочеть помиловати рода моего и землѣ Рускіѣ, да възложитъ имъ на сердце обратитися къ Богу, якоже и мнѣ Богъ дарова“. И се рекши, моляшеся за сына и за люди по вся нощи и дни, кормящи сына своего до мужества его и до вѣзроста его.

956 — 964. Въ лѣто 6464 — 6472. Князю Святославу вѣзростѣшю и вѣзмужавшю, нача вой совокупляти многи и храбры, и легкѣо ходя аки пардусъ ¹⁾ войны многи творяше. Ходя возъ по собѣ не возяше, ни котла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ испекъ ядыше, ни шатра имаше, но подѣкладъ поставъ и сѣдло в головахъ; такоже и прочии вой его вси бяху. И посылаше къ странамъ, глаголя: „хочю на вы ити“. И иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе Вятичи, и рече Вятичемъ: „кому дань даете?“ они же рѣша: „Козаромъ по щѣлягу отъ рала ²⁾ даемъ“.

965. Въ лѣто 6473. Иде Святославъ на Козары; слышавше же Козари, изидоша противу съ княземъ своимъ Каганомъ, и съступишася битися; и бывши брани, одолѣ Святославъ Козаромъ и градъ ихъ Бѣлугѣю взя. И Ясы побѣди и Касогы.

966. Въ лѣто 6474. Вятичи побѣди Святославъ, и дань на нихъ възложи.

967. Въ лѣто 6475. Иде Святославъ на Дунай на Болгары. И бившемся обоемъ, одолѣ Святославъ Болгаромъ, и взя городъ 80 по Дунаеву, и сѣде, княжа ту в Переяславци, емля дань на Грыцѣхъ.

¹⁾ Пардусъ (παρδος; съ латинскимъ окончаніемъ us)—барсъ.

²⁾ Отъ каждой сохи.

968. Въ лѣто 6476. Придоша Печенѣзи на Руску землю первое, а Святославъ бѣше Переяславци, и затворися Волга въ градѣ со унуки своими, Ярополкомъ и Ольгомъ и Володимѣромъ, въ градѣ Киевѣ. И оступиша Печенѣзи градъ в силѣ велицѣ, бещислено множество около града, и не бѣ лѣзѣ изъ града вылѣзти, ни вѣсти послати; изнемогаху же людѣ голодомъ и водою. Собравшеся людѣ оной страны Днѣпра в лодѣхъ, обѣ ону страну стояху, и не бѣ лѣзѣ внити в Киевъ ни единому ихъ, ни изъ града к онѣмъ. И вѣстужа людѣ въ градѣ и рѣша: „нѣсть ли кого, иже бы могъ на ону страну дойти и рещи имъ: аще не подступите завтра, предатися имамъ Печенѣгомъ?“ И рече единъ отрокъ: „азъ преиду“; и рѣша: „иди“. Онъ же изиде изъ града с уздою и ристаше сквозѣ Печенѣги, глаголя: „не видѣли коня никтоже?“ бѣ бо умѣя Печенѣжски, и мняхуть и своего. И яко приближися к рѣкѣ, свергъ порты сунуся въ Днѣпръ, и побреде; видѣвше же Печенѣзи, устремившася на нь, стрѣляюще его, и не могоша ему ничтоже створити. Они же видѣвше с оной страны, и приѣхаша в лодѣи противу ему, и взяша и в лодѣи и привезоша и къ дружинѣ; и рече имъ: „аще не подступите завтра къ городу, предатися хотятъ людѣ Печенѣгомъ“. Рече же воевода ихъ, именемъ Прѣтичъ: „подѣступимъ завтра в лодѣхъ, и попадше княгиню и княжичѣ умчимъ на сю страну; аще ли сего не створимъ, погубити ны имать Святославъ“. Яко бысть завтра, всѣдше в лодѣи противу свѣту и вѣструбиша вельми, и людѣ въ градѣ кликнуша; Печенѣзи же мнѣша князя приведша, побѣгоша разнѣ отъ града; и взиде Ольга со унуки и с людьми к лодѣямъ. Видѣвъ же се князь Печенежскій, вѣзратися единъ къ воеводѣ Прѣтичу и рече: „кто се приде?“ и рече ему: „людѣ оной страны“. И рече князь Печенежскій: „а ты князь ли еси?“ онъ же рече: „азъ есмь мужъ его, и пришелъ есмь въ сторожѣхъ¹⁾, и по мнѣ идетъ полкъ со княземъ,

¹⁾ Въ сторожевомъ отрядѣ, авангардѣ.

безъ числа множество“; се же рече, грозя имъ. Рече же князь Печенежскій къ Прѣтичу: „буди ми другъ“; онъ же рече: „такѣ створю“. И подаста руку межю собою, и вѣдасть Печенежскій князь Прѣтичу конѣ, саблю, стрѣлы; онъ же дасть ему бронѣ, щитъ, мечъ. И отступиша Печенѣзи отъ града, и не бѣше лѣзѣ коня напоити: на Лебеди Печенѣзи. И послаша Кияне къ Святославу, глаголюще: „ты, княже, чюжея земли ищещи и блюдеши, а своя ся охабивъ, малы бо насъ не взяша Печенѣзи, и мать твою и дѣти твои; аще ни поидеши, ни обраниши насъ, да паки ны возмутъ, аще ти не жалъ отчины своя, ни матери стары суща, и дѣтий своихъ“. То слышавъ Святославъ вборзѣ всѣде на конѣ съ дружиною своею, и приде Киеву, цѣлова мать свою и дѣти своя, и съжалися о бывшемъ отъ Печенѣгъ; и собра вои, и прогна Печенѣги в поли, и бысть миръ.

868. Въ лѣто 6477. Рече Святославъ къ матери своей и къ бояромъ своимъ: „нелюбо ми есть въ Киевѣ быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середѣ земли моеи, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ золото, паволоки, вина и оwoщеве разноличныя, изъ Чехъ же, изъ Угоръ серебро и комони, изъ Руси же скоро и воскъ, медъ и челядь“. Рече ему Волга: „видиши мя болну сущю; камо хощеши отъ мене ити? бѣ бо разболѣлася уже“, рече же ему: „погребѣ мя, иди яможе хощеши“. По трехъ днѣхъ умре Ольга, и плакася по ней сынъ ея, и внуци ея и людѣ вси плачемъ великомъ, и несоша и погребоша ю на мѣстѣ; и бѣ заповѣдала Ольга не творити трызны надъ собою, бѣ бо имущи презвутерь¹⁾, сей похорони блаженую Ольгу. Си бысть предѣтекуция²⁾ крестьянствѣ³⁾ земли аки деньница предѣ солнцемъ и аки зоря предѣ свѣтомъ, си бо съяше аки луна в нощи, тако и си в невѣрныхъ челоуцѣхъ свѣтащеся

¹⁾ Вм. пресвитеръ, священникъ.

²⁾ Предтеча, предвѣстникъ.

³⁾ Вм. христианской, согласно древне-русскому произношенію.

аки бисеръ къ калѣ; калѣни бо бѣша грѣхомъ, неомовени крещеньемъ святымъ. Си бо омыся купѣлю святою, и совлечеса грѣховныя одеже ветхаго человѣка Адама, и въ новый Адамъ облечеса, еже есть Христосъ. Мы же рцѣмъ к ней: радуйся, Руской земли познанье, къ Богу начатокъ примиренью быхомъ. Си первое вниде в царство небесное отъ Руси, сїю бо хвалятъ Рустіе сынове, аки начальницу; ибо по смерти моляше Бога за Русь. Праведныхъ бо душа не умирають: якоже рече Соломанъ похваляему праведному възвеселятся людье, безсмертье бо есть память его, яко отъ Бога познавается и отъ человѣкъ. Се бо вси человѣци прославляютъ, видяще лежащую в тѣлѣ на многа лѣта; рече бо Пророкъ: прославляющая мя прославлю. О сяковыхъ бо Давыдъ глаголаше: в память вѣчную праведникъ будетъ, отъ слуха зла не убоятся; готово сердце его уповати на Господа, утвердися сердце его и не подвижется. Соломанъ бо рече: праведници вѣвѣки живутъ, и отъ Господа мзда имъ есть и строенье отъ Вышняго; сего ради примуть царствие красотъ и вѣнецъ добротъ отъ руки Господня, яко десницею покрыть я и мышцею защитить я. Защитилъ бо есть сїю блажену Вольгу отъ противника и супостата дьявола.

970. Въ лѣто 6478. Святославъ посади Ярополка в Киевѣ, а Ольга в Деревѣхъ. В се же время придоша людье Ноугородьстїи, просяще князя собѣ: „аще не поидите к намъ, то налѣземъ князя собѣ“, и рече к нимъ Святославъ: „абы пошелъ кто к вамъ“. И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ; и рече Добрыня: „просите Володимера ¹⁾“. Володимеръ бо бѣ отъ Малуши, ключницѣ Ользины; сестра же бѣ Добрыни, отецъ же бѣ има Малкъ Любечанинъ, и бѣ Добрыня уй Володимеру. И рѣша Ноугородьци Святославу: „вѣдай ны Володимера“; онъ же рече имъ: „вотъ вы есть“. И поаша Ноугородьци Володимера к собѣ, и иде Володимеръ съ Добрынею уемъ своимъ Ноугороду, а Святославъ Переяславцю.

¹⁾ Вм. Владиміръ, по древне-русскому произношенію.

971. Въ лѣто 6479. Приде Святославъ в Переяславецъ, и затворишася Болгаре въ градѣ. И излѣзша Болгаре на сѣчу противу Святославу, и бысть сѣча велика, и одолаху Болгаре; и рече Святославъ воемъ своимъ: „уже намъ сдѣ пасти; потягнемъ мужьски, братья и дружино!“ И къ вечеру одолѣ Святославъ, и взя градъ копьемъ, и посла къ Грекомъ глаголя: „хочю на вы ити, и взяти градъ вашъ, яко и сей“. И рѣша Грѣци: „мы недужи противу вамъ стати, но возми дань на насъ, и на дружину свою, и повѣжьте ны колько васъ, да вдамы по числу на главы“. Се же рѣша Грѣци, лстяче подъ Русью; суть бо Грѣци лстивы и до сего дни. И рече имъ Святославъ: „есть насъ 20 тысящъ“, и прирече 10 тысящъ, бѣ бо Руси 10 тысящъ толко. И пристроиша Грѣци 100 тысящъ на Святослава, и не даша дани; и поиде Святославъ на Греки, и изидоша противу Руси. Видѣвше же Русь убояшася зѣло множества вой, и рече Святославъ: „уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посрамимъ землѣ Рускіѣ, но ляжемъ костыми ту, мертвые бо срама ни имамъ, аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ; ни имамъ убѣжати; но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду, аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою“; и рѣша вой: „идѣже глава твоя, ту и свои главы сложимъ“. И исполчшася Русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Святославъ, и бѣжаша Грѣци; и поиде Святославъ ко граду, воюя и грады разбивая, яже стоятъ и до днешняго дне пусты. И созва царь бояре своя в полату, и рече имъ: „что створимъ, яко не можемъ противу ему стати?“ И рѣша ему бояре: „посли к нему дары, искусимъ и, любезнивъ ли есть злату, ли паволокамъ?“ И посла к нему злато, и паволоки, и мужа мудра, рѣша ему: „глядай взора, и лица его, и смысла его“, онъ же возьмъ дары, приде къ Святославу. И повѣдаша Святославу, яко придоша Грѣци с поклономъ, и рече: „въведѣте я сѣмо“. Придоша и поклоншася ему, и положиша предъ нимъ злато и паволоки; и рече Святославъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ: „схороните“.

Они же придоша ко царю, и созва царя бояры, рѣша же послании: „яко придохомъ к нему и вдохомъ дары, и не возрѣ на ня, и повелѣ схоронити“. И рече единъ: „искуси и еще, послѣ ему оружье“. Они же послушаша его, и послаша ему мечъ и ино оружье, и принесоша ему: онъ же приимъ, нача хвалити и любити, и цѣловати царя. Придоша опять ко царю, и повѣдаша ему вся бывшая, и рѣша бояре: „лють се мужъ хочетъ быти, яко имѣнья не брежетъ, а оружье емлетъ; имися по дань“. И посла царь, глаголя сиче: „не ходи къ граду, возми дань, еже хоцещи“, за маломъ бо бѣ не дошелъ до Царяграда. И даша ему дань; имашеть же и за убѣнныя, глаголя: „яко родъ его возметъ“. Взя же и дары многы, и възратися в Переяславецъ с похвалою великою. Видѣвъ же мало дружины своея, рече в собѣ: „еда како прельстивше избѣбють дружину мою и мене“, бѣша бо многи погубли на полку; и рече: „пойду в Русь, приведу болѣ дружины“. И посла слы ко цареви въ Деревьстрѣ¹⁾, бо бѣ ту царь, рѣка сиче: „хочу имѣти миръ с тобою твердъ и любовь“. Се же слышавъ царь, радъ бысть и посла къ нему дары больша первыхъ. Святославъ же прия дары и поча думати съ дружиною своею, рѣка сиче: „аще не створимъ мира со царемъ, а увѣсть царь, яко мало насъ есть, пришедше отступать ны въ градъ; а Руска земля далеча, а Печенѣзи с нами ратьни, а кто ны поможетъ? но створимъ миръ со царемъ, се бо ны ся по дань яли, и то буди довольно намъ; аще ли почнетъ не управляти дани, да изнова изъ Руси, совкупивше вой множайша, поидемъ Царюгороду“. Люба бысть рѣчь си дружинѣ, и послаша лѣпшиѣ мужи ко цареви; и придоша въ Деревьстрѣ, и повѣдаша цареви. Царь же наутрия призва я, и рече царь: „да глаголють слы Рустин“. Они же рѣша: „такъ глаголетъ князь нашъ: хочю имѣти любовь со царемъ Гречьскимъ свершеную прочая вся лѣта“. Царь же радъ бысть и повелѣ писцю пи-

¹⁾ Ныѣшняя Силистрія.

сати вся рѣчи Святославѣ на харатью; нача глаголати солъ вся рѣчи, и нача писецъ писати. Глагола сиче:

„Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ велицѣмъ князи Рустѣмъ и при Свѣналдѣ, писано при Фефелѣ Синкелѣ и к Ивану, нарицаемому Цѣмьскію, царю Гречьскому, въ Дерестрѣ, мѣсяца июля, индикта въ 14, въ лѣто 6479. Азъ Святославъ князь Рускій, якоже кляхъся, и утверждаю на свѣщанѣ семъ роту свою: хочю имѣти миръ и свершену любовь со всякимъ великимъ царемъ Гречьскимъ, съ Васильемъ и Костантиномъ, и съ богодохновенными цари, и со всѣми людми вашими, и иже суть подо мною Русь, бояре и прочии, до конца вѣка. Яко николиже помышлю на страну вашу ни собираю вой, ни языка иного приведу на страну вашу и елико есть подъ властью Гречьскою, ни на власть Корсуньскую и елико есть городовъ ихъ, ни на страну Болгарьску; да аще инъ кто помыслитъ на страну вашу, да и азъ буду противенъ ему и борюся съ нимъ. Якоже кляхъся ко царемъ Гречьскимъ, и со мною бояре и Русь вся, да схранимъ правая свѣщанья; аще ли отъ тѣхъ самѣхъ прежереченыхъ не съхранимъ, азъ же и со мною и подо мною, да имѣемъ клятву отъ Бога, въ него же вѣруемъ, в Перуна и въ Волоса скотьяго бога, и да будемъ золоти яко золото, и своимъ оружьемъ да исѣчени будемъ. Се же имѣйте во истину, якоже створихомъ нынѣ къ вамъ, и написахомъ на харатьи сей и своими печатями запечатахомъ“.

Створивъ же миръ Святославъ съ Греки, поиде в лодяхъ къ порогомъ, и рече ему воевода отень Свѣналдъ: „пойди, княже, на конихъ около, стоятъ бо Печенѣзи в порозѣхъ“. И не послуша его, и поиде в лодяхъ, и послаша Переяславци къ Печенѣгомъ, глаголюще: „се идеть вы Святославъ в Русь, возьмъ имѣнье много у Грекъ и полонъ безчисленъ, съ маломъ дружины“. Слышавше же се Печенези, заступивша пороги; и приде Святославъ къ порогомъ, и не бѣ лъзѣ проити порогъ; и ста зимовати в Бѣлобе-

режи¹⁾, и не бѣ у нихъ брашна уже, и бѣ гладъ великъ, яко по полугривнѣ глава коняча, и зимова Святославъ ту. Веснѣ же приспѣвши.

972. в лѣто 6480, поиде Святославъ в пороги, и нападе на нѣ Курия, князь Печенѣжскій, и убиша Святослава, и взяша главу его и во лѣбъ его сѣдѣлаша чашю, оковавши лѣбъ его, и пяху изъ него. Свѣналдъ же приде Кіеву къ Ярополку. И всѣхъ лѣтъ княженья Святослава лѣтъ 20 и 8.

973. Въ лѣто 6481. Нача княжити Ярополкъ.

974—975. Въ лѣто 6482. Въ лѣто 6483. Ловъ дѣюще Свѣналдичю, именемъ Лютъ, ишедъ бо изъ Кіева гна по звѣри въ лѣсѣ; и узрѣ и Олегъ, и рече: „кто се есть?“ И рѣша ему: „Свѣналдичъ“, и заѣхавъ уби и, бѣ бо ловы дѣя Олегъ. И о томъ бысть межи ими ненависть Ярополку на Ольга, и моляше всегда Ярополку Свѣналдъ: „поиди на братъ свой и прими волость его“, хотя отмстити сыну своему.

976—977. Въ лѣто 6484. Въ лѣто 6485. Поиде Ярополкъ на Олга, брата своего, на Деревьску землю, и изиде противу его Олегъ, и ополчистася; ратившемася полкома, побѣди Ярополкъ Ольга. Побѣгъшю же Ольгу с вой своими въ градъ, рекомый Вручий, бѣше черезъ гроблю мостъ ко вратомъ граднымъ, тѣснячеся другъ друга пихаху въ гроблю; и спехнуша Ольга с мосту в дебрь, падаху людѣ мнози, и удавиша кони челоуѣци. И въшедъ Ярополкъ въ градъ Ольговъ, перея власть его и посла искать брата своего; и искавши его не обрѣтоша; и рече единъ Деревлянинъ: „азъ видѣхъ, яко вчера спехнуша с мосту“. И посла Ярополкъ искать брата, и влачиша трущѣ изъ гробли отъ утра и до полудне, и налѣзша и Ольга выподи трущя, вынесоша и, и положиша и на коврѣ. И приде Ярополкъ, надъ немъ плакася, и рече Свѣналду: „вижъ, сего ты еси хотѣлъ?“ И погребоша Ольга на мѣстѣ у города Вручего, и есть могила его и до сего дне у Вручего. И прія власть его Ярополкъ. У Ярополка же жена

¹⁾ При устьѣ Днѣпра.

Грекини бѣ, и бѣше была черницею; бѣ бо привелъ ю отецъ его Святославъ, и вда ю за Ярополка, красoty ради лица ея. Слышавъ же се Володимѣръ в Новѣгородѣ, яко Ярополкъ уби Ольга, убоявся бѣжа за море; а Ярополкъ посади своя посади в Новѣгородѣ, и бѣ володѣя единъ в Руси.

978—980. Въ лѣто 6486. Въ лѣто 6487. Въ лѣто 6488. Приде Володимѣръ съ Варяги Ноугороду, и рече посадникомъ Ярополчимъ: „идѣте къ брату моему и рѣште ему: Володимѣръ ти идеть на тя, пристраивайся противу битъся“. И сѣде в Новѣгородѣ, и посла ко Рогъволоду Полотъску, глаголя: „хочу пояти дщерь твою собѣ женѣ“. Онъ же рече дщери своей: „хочеши ли за Володимѣра?“ она же рече: „не хочу розути робичича, но Ярополка хочу“. Бѣ бо Рогъволодъ пришелъ изъ заморья, имяше власть свою в Полотъскѣ, а Туры Туровѣ, отъ него же и Туровци прозвашася. И придоша отроки Володимѣрови, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину, дщери Рогъволождѣ, князя Полотъскаго; Володимѣръ же собра вой многи, Варяги и Словѣни, Чюдъ и Кривичи, и поиде на Рогъволода. В се же время хотяху Рогънѣдѣ вести за Ярополка; и приде Володимѣръ на Полотескъ, и уби Рогъволода и сына его два и дѣчерь его поя женѣ, и поиде на Ярополка. И приде Володимѣръ Кіеву съ вой многи, и не може Ярополкъ стати противу, и затворися Кіевъ с людьми своими и съ Блудомъ; и стояше Володимѣръ обрывся на Дорогожичи, межю Дорогожичемъ и Капичемъ, и есть ровъ и до сего дне. Володимѣръ же посла къ Блуду, воеводѣ Ярополчю, съ лестью глаголя: „попріай ми, аще убью брата своего, имѣти тя хочу во отца мѣсто, и многу честь возьмешъ отъ мене; не язъ бо почалъ братью бити, но онъ; азъ же того убоявся придохъ на нѣ“. И рече Блудъ къ посломъ Володимѣремъ: „азъ буду тобѣ в сердце и въ пріязньство“. О злая лѣсть челоуѣческа! Якоже Давидъ глаголетъ: ядъ хлѣбъ мой възвеличилъ есть на мя лѣсть. Се бо лукавствоваше на князя своего лѣстью. И паки: языки своими лѣстя-

хуся; суди имъ, Боже, да отпадутъ отъ мыслей своихъ, по множеству нечестья ихъ изрини а, яко прогнѣваша тя, Господи. И паки той же рече Давыдъ: мужъ въ крови лъстивъ не приплювить дний своихъ. Се есть совѣтъ золь, иже свѣщеваютъ на кровопролитѣ; то суть неистовии, иже приемше отъ князя или отъ господина своего чествъ ли дары, ти мыслять о главѣ князя своего на погребленѣ, горьше суть бѣсовъ таковии: якоже Блудъ преда князя своего, и приемъ отъ него чѣти многи, се бо бысть повиненъ крови той. Се бо Блудъ затворися съ Ярополкомъ; лъстя ему, слаше къ Володимеру часто, веля ему пристряпати къ граду браню, а самъ мысля убити Ярополка; гражаны же не бѣ лъзѣ убити его: Блудъ же не възмогъ, како бы погубити и, замысли лъстѣю, веля ему ни излазити на брань изъ града; рече же Блудъ Ярополку: „Кияне слются къ Володимеру, глаголюще: „приступай къ граду, яко предамы ти Ярополка; побѣгни за градъ.“ И послуша его Ярополкъ, и избѣгъ предъ нимъ затворися въ градъ Родни на усть Рси рѣки, а Володимеръ вниде в Киевъ и осѣде Ярополка в Роднѣ, и бѣ гладъ великъ в немъ, и есть притча и до сего дне: бѣда аки в Роднѣ. И рече Блудъ Ярополку: „видиши, сколько вой у брата твоего? нама ихъ не перебороти; твори миръ съ братомъ своимъ“; лъстя подъ нимъ се рече. И рече Ярополкъ: „такъ буди“. И посла Блудъ къ Володимеру, сиче глаголя: „яко сбысться мысль твоя, яко приведу къ тобѣ Ярополка, и пристрой убити и“. Володимеръ же то слышавъ, вѣшедъ въ дворъ теремный отень, о немъ же прежде сказахомъ, сѣде ту с вой и съ дружиною своею; и рече Блудъ Ярополку: „пойди къ брату своему и рчи ему: что ми ни вѣдаси, то язъ прииму“. Поиде же Ярополкъ, и рече ему Варяжко: „не ходи, княже, убьютъ тя; побѣгни в Печенѣги и приведеша вонъ“; и не послуша его. И приде Ярополкъ къ Володимеру; яко полѣзе въ двери, и подъяста и два варяга мечьми подъ пазусѣ, Блудъ же затвори двери и не да по немъ ити своимъ; и тако убьенъ бысть Ярополкъ. Варяшко же видѣвъ, яко

убьенъ бысть Ярополкъ, бѣжа съ двора в Печенѣги, и много воева Володимера с Печенѣги, одва приваби и, заходивъ к нему ротѣ... Посемъ рѣша Варязи Володимеру: „се градъ нашъ; мы прияхомъ и да хотимъ имати окупъ на нихъ, по 2 гривнѣ отъ человѣка“. И рече имъ Володимеръ: „пождѣте, да же вы купы соберуть, за мѣсяць“. И ждаша за мѣсяць, и не дасть имъ, и рѣша Варязи: „солъстилъ еси нами, да покажи ны путь въ Греки“; онъ же рече имъ: „идѣте“. И избра отъ нихъ мужи добры, смыслены и храбры, и раздая имъ грады; прочии же идоша Царюграду въ Греки. И посла предъ ними слы, глаголя сиче царю: „се идуть к тебѣ Варязи, не мози ихъ держати въ градѣ, оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи я разнѣ, а сѣмо не пушай единого“. И нача княжити Володимеръ въ Киевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна дровяна, а главу его сребрену, а усь златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарыгла, и Мокошь. И жряху имъ, наричюще я богы, и привожаху сыны своя и дѣщери, и жряху бѣсомъ, и оскверняху землю требами своими, и оскверниша кровьюми земля Руска и холмо-тъ. Но преблагий Богъ не хотя смерти грѣшникомъ, на томъ холмѣ нынѣ церкви стоять, святаго Василья есть, якоже послѣди скажемъ. Мы же на преднее възратимся. Володимеръ же посади Добрыну уя своего в Новѣгородѣ; и пришедъ Добрына Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людѣ Ноугородьстѣи аки Богу.

981. Въ лѣто 6489. Иде Володимеръ к Ляхомъ и зая грады ихъ, Перемышль, Червенъ и ины грады, иже суть и до сего дне подъ Русью. В семъ же лѣтѣ и Вятичи побѣди, и възложи на ня дань отъ плуга, якоже и отецъ его имаше.

982. Въ лѣто 6490. Заратишася Вятичи, и иде на ня Володимеръ, и побѣди я второе.

983. Въ лѣто 6491. Иде Володимеръ на Ятвягы, и побѣди Ятвягы, и взя землю ихъ. И иде Киеву, и творяше требу кумиромъ с людьми своими; и рѣша старци и бояре: „ме-

чемъ жребий на отрока и дѣвицу; на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ.“ Бяше Варягъ единъ, и бѣ дворъ его, идѣже есть церкви Святая Богородица, юже сдѣла Володимеръ: бѣ же Варягъ той пришелъ изъ Грекъ, и держаше вѣру хрестеянскую, и бѣ у него сынъ красенъ лицомъ и душею; на сего паде жребий по зависти дьяволи. Не терпашеть бо дьяволъ, власть имъ надо всѣми, и сей бяшетъ ему аки тернъ въ сердци, и тычашеся потребити оканъный и наустити люди. И рѣша пришедше послании к нему: „яко паде жребий на сынъ твой, изволиша бо ѿ бози собѣ; да сотворимъ требу богомъ.“ И рече Варягъ: „не суть то бози, но древо; днесь есть, а утро изыгнеть; не ядятъ бо, ни пьютъ, ни молвятъ, но суть дѣлани руками в деревѣ; а Богъ есть единъ, ему же служатъ Грѣци и кланяются, иже створилъ небо и землю, и звѣзды, и луну, и солнце, и человекъ, и далъ есть ему жити на земли; а си бози что сдѣлаша? сами дѣлани суть; не дамъ сына своего бѣсомъ.“ Они же шедше повѣдаша людямъ; они же взявше оружье, поидоша на нь и розъяша дворъ около его, онъ же стояше на сѣнехъ съ сыномъ своимъ. Рѣша ему: „вдай сына своего, да вдамы богомъ его.“ Онъ же рече: „аще суть бози, то единого собе послють бога, да имуть сынъ мой; а вы чему претребуете?“ И кликнуша, и посѣкоша сѣни подъ нима, и тако побивша я, и не свѣсть никто же, гдѣ положиша я. Бяху бо тогда человекѣ невѣголови и погани. Дьяволъ радовашеся сему, не вѣдый, яко близъ погибель хотяше быти ему. Тако бо тицашеся погубити родъ хрестѣанскій, но прогонимъ бяше хрестомъ честнымъ и въ инѣхъ странахъ; сѣде же мняшеся оканъный: яко сѣде ми есть жилище, сдѣ бо ни суть апостоли учили, ни пророци прорекли, не вѣдый пророка глаголюща: и нареку не люди моя люди моя; о апостолѣхъ бо рече: во всю землю изидоша вѣщанья ихъ, и в конецъ вселенныя глаголи ихъ. Аще и тѣлома апостоли не суть сдѣ были, но ученья ихъ аки трубы гласятъ по вселеннѣй в церквахъ, ихъ же ученьемъ побѣждаемъ противнаго врага, попирающе

подъ нози, якоже попраста и си отечника, примивша вѣнецъ небесный съ святыми мученики и праведники.

984. Въ лѣто 6492. Иде Володимеръ на Радимичи. Бѣ у него воевода Волѣчій Хвостъ, и посла и Володимеръ передъ собою, Волѣчя Хвоста; сѣрѣте я на рѣцѣ Пищанѣ и побѣди Радимичѣ Волѣчій Хвостъ; тѣмъ и Русь корятся Радимичемъ, глаголюще: Пищанѣци волѣчя хвоста бѣгають. Быша же Радимичи отъ рода Ляховъ; прешедше ту ся вселиша, и платять дань Руси, повозъ везуть и до сего дне.

985. Въ лѣто 6493. Иде Володимеръ на Болгары съ Добрынею съ уемъ своимъ, въ лодяхъ, а Торки берегомъ приведе на конихъ; и побѣди Болгары. Рече Добрыня Володимеру: „сѣглядахъ колодникъ, и суть вси в сапозѣхъ; симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ“. И створи миръ Володимеръ съ болгары, и ротѣ заходиша межю собѣ, и рѣша Болгаре: „толи не будетъ межю нами мира, оли камень начнетъ плавати, а хмель почнетъ тонуть“. И приде Володимеръ Киеву.

986. Въ лѣто 6494. Придоша Болгары вѣры Бохъмичѣ¹⁾, глаголюще: „яко ты князь еси мудръ и смысленъ, не вѣси закона; но вѣруй въ законъ нашъ и поклонися Бохъмиту“. И рече Володимеръ: „како есть вѣра ваша?“ Они же рѣша: „вѣруемъ Богу, а Бохмиту ны учить, глаголя:... свинины не ясти, вина не пити, а по смерти... дастъ Бохмиту комуждо по семидесять женъ красныхъ, исбереть едину красну, и всѣхъ красоту възложить на едину, та будетъ ему жена...; на семь свѣтъ аще будетъ кто убогъ, то и тамъ;“ и ина многа лествяже нѣ лѣзѣ псати срама ради. Володимеръ же слушаше ихъ... сладко; но се ему бѣ нелюбо... о неяденнѣ мясъ свинныхъ, а о питыи отнудъ, рѣка: „Руси есть веселье питье, не можемъ бес того быти“. Потомъ же придожа Нѣмци, глаголюще: „придохомъ послании отъ папежа“; и рѣша ему:

¹⁾ Бохмичъ — Магометъ; отсюда Бохъмичѣ — магометанское племя болгаръ.

„рекль ти тако папезь: земля твоя яко и земля наша, а вѣра ваша не яко вѣра наша; вѣра бо наша свѣтъ есть, кланяемся Богу, иже сотворилъ небо и землю, звѣзды, мѣсяцъ и всяко дыханье, а бози ваши древо суть“. Володимерь же рече: „какъ заповѣдь ваша?“ Они же рѣша: „пощенье по силѣ; аще кто пьетъ или ястъ, то все въ славу Божию, рече учитель нашъ Павелъ“. Рече же Володимерь Нѣмцемъ: „идѣте опять, яко отци наши сего не приняли суть“. Се слышавше Жидове Козарьстии придоша, рекуще: „слышахомъ, яко приходиша Болгаре и Хрестеяне, учаще тя ктоже вѣрѣ своей; Хрестеяне бо вѣрують, его же мы распяхомъ, а мы вѣруемъ единому Богу Аврамову, Исакову, Яковлю“. И рече Володимерь: „что есть законъ вашъ?“ Они же рѣша: „обрѣзатися, свинины не ясти, ни зайчины, субботу хранити“. Онъ же рече: „то гдѣ есть земля ваша?“ Они же рѣша: „въ Ерусалимѣ“. Онъ же рече: „то тамо ли есть?“ Они же рѣша: „разгнѣвася Богъ на отци наши, и расточи ны по странамъ грѣхъ ради нашихъ, и предана бысть земля наша Хрестеяномъ“. Онъ же рече: „то како вы инѣхъ учите, а сами отвержени отъ Бога и расточени? аще бо Богъ любилъ васъ и законъ вашъ, то не бысте расточени по чужимъ землямъ; еда намъ тоже мыслите пріяти“. Посемъ же прислаша Грьци къ Володимеру философа, глаголюще сиче: „слышахомъ, яко приходили суть Болгаре, учаще тя пріяти вѣру свою, ихъ же вѣра оскверняетъ небо и землю, иже суть прокляти паче всѣхъ чловѣкъ, уподоблешся Содому и Гомору, на не же пусти Господь камень горюще, и потопа я, и погрязоша; яко и сихъ ожидаетъ день погибели ихъ, егда придетъ Богъ судить земли и погубити вся творящая безаконья и скверны дѣющія.... Слышахомъ же и се, яко приходиша отъ Рима поучить васъ к вѣрѣ своей, ихъ же вѣра маломъ съ нами развращена, служатъ бо опрѣсноки, рекше оплатки, ихъ же Богъ не преда, но повелѣ хлѣбомъ служити; и преда апостоломъ, пріемъ хлѣбъ рекъ: се есть тѣло мое, ломимое за вы; такоже и чашю приемъ, рече: се есть кровь моя новаго за-

вѣта; си же того не творять, суть не исправили вѣры“. Рече же Володимерь: „придоша ко мнѣ Жидовѣ, глаголюще: яко Нѣмци и Грьци вѣрують, его же мы распяхомъ“. Философъ же рече: „въистину в того вѣруемъ, тѣхъ бо пророци прорѣцаху, яко Богу родитися, а друзии—распять быти и погребену, а въ 3-й день воскреснути и на небеса взити; они же тии пророки избиваху, другія претируху. Егда же сбьтсѣ прореченье сихъ, съниде на землю, и распятье прія, и въскресъ на небеса взиде, на сихъ же ожидаше покаенья за 40 и за 6 лѣтъ, и не покаяшася, и посла на ня Римляны, грады ихъ разбиша и самы расточиша по странамъ, и работаютъ въ странахъ“. Рече же Володимерь: „то что ради сниде Богъ на землю, и страсть такову прія?“ Отвѣщавъ же философъ, рече: „аще хочещи послушати, да скажу ти из начала, чѣсо ради сниде Богъ на землю“. Володимерь же рече: „послушаю радъ“. И нача философъ глаголати сиче:

„Въ начало сотвори Богъ небо и землю въ первый день“ и проч. (Слѣдуетъ изложеніе Священной исторіи Вѣтхаго Завѣта и жизни Спасителя). И се рекъ, показа Володимеру запову, на ней же бѣ написано судище Господне, показываше ему одесну праведныхъ в весельи предъидуща в рай, а ошюю грѣшники идуща в муку. Володимерь же вздохнувъ рече: „добро симъ одесную, горе симъ ошюю“. Онъ же рече: „аще хочещи одесную съ праведными стати, то крестися“. Володимерь же положи на сердци своемъ, рекъ: „пожду и еще мало“, хотя испытати о всѣхъ вѣрахъ. Володимерь же сему дары многи вдавъ, отпусти и с честию великою.

987. Въ лѣто 6495. Созва Володимерь бояры своя и старци градскіѣ ¹⁾, и рече имъ: „се приходиша ко мнѣ Болгаре, рькуще: прими законъ нашъ; посемъ же приходиша Нѣмци, и ти хваляху законъ свой; по сихъ придоша Жидове. Се же послѣже придоша Грьци, хуляще вси законы, свой же хва-

¹⁾ Старѣйшіе въ городѣ.

ляще, и многа глаголаша сказующе отъ начала миру, о бытии всего мира; суть же хитро сказующе, и чудно слышати ихъ, любо комуждо слушати ихъ, и другий свѣтъ¹⁾ повѣдаютъ быти: да еще кто, дѣеть²⁾, в нашу вѣру ступить, то паки, умеръ, встанетъ, и не умрети ему вѣки; аще ли во инъ законъ ступить, то на ономъ свѣтѣ в огнѣ горѣти. Да что ума придасте? что отвѣщаете?“ И рѣша бояре и старци: „вѣси, княже, яко своего никто же не хулить, но хвалить; аще хоцещи испытати гораздо, то имаши у собѣ мужи: по-славъ испытай кождо ихъ службу, и кто како служить Богу“. И бысть любя рѣчь князю и всѣмъ людямъ; избраша мужи добры и смыслены, числомъ 10, и рѣша имъ: „идѣте первое в Болгары, и испытайте вѣру ихъ“. Они же идоша, и пришедше видѣша скверная дѣла и кланянье въ ропати; придоша в землю свою. И рече имъ Володимеръ: „идѣте паки в Нѣмци, съглядайте такоже, и отудѣ идѣте въ Греки“. Они же придоша в Нѣмци, и съглядавши церковную службу ихъ, придоша Царюгороду, и внидоша ко царю; царь же испыта, коея ради вины придоша; они же сповѣдаша ему вся бывшая. Се слышавъ царь, радъ бывъ, и честь велику створи имъ въ той же день. Наутрѣя посла къ патрарху, глаголя сице: „придоша Русь, пытающе вѣры нашея, да пристрой церковь и крилось, и самъ причинися въ святительскія ризы, да видятъ славу Бога нашего“. Си слышавъ патрархъ³⁾, повелѣ создати крилось⁴⁾, по обычаю створиша праздникъ, и кадила вожьгоша, пѣнья и лики съставиша. И иде с ними в церковь, и поставиша я на про-страннѣ мѣстѣ, показующе красоту церковную, пѣнья и службы архіерѣйски, престоанье дьяконъ, сказующе имъ служенье Бога своего; они же во изумѣньи бывше, удивившися, похвалиша службу ихъ. И призваша я царя Василий и

¹⁾ Будущая жизнь.

²⁾ Дѣеть, рече—молъ, де.

³⁾ Вм. патріархъ, согласно народному произношенію.

⁴⁾ Вм. клиръ, вслѣдствіе перестановки звуковъ.

Костянтинъ, рѣста имъ: „идѣте въ землю вашу“, и отпустиша я с дары велики и съ честию. Они же придоша в землю свою, и созва князь боляры своя и старца, рече Володимеръ: „се придоша послании нами мужи, да слышимъ отъ нихъ бывшее“, и рече: „скажите предъ дружиною“. Они же рѣша: „яко ходихомъ въ Болгары, смотрихомъ, како ся поклоняють въ храмѣ, рекше въ ропати, стояще безъ пояса; поклонився сядеть, и глядитъ сѣмо и онамо, яко бѣшенъ, и нѣсть веселья въ нихъ, но печаль и смрадъ великъ, нѣсть добръ законъ ихъ. И придохомъ в Нѣмци, и видѣхомъ въ храмѣхъ многи службы творяща, а красоты не видѣхомъ никакой же. И придохомъ же въ Греки, и vedoша ны, идѣже служатъ Богу своему, и не свѣмы¹⁾, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такого вида, ли красоты такая, и недоумѣемъ бо сказати; токмо то вѣмы, яко онѣдѣ Богъ с человѣки пребываетъ, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя; всякъ бо человѣкъ аще вкусить сладка, послѣди горести не принимаетъ, тако и мы не имамы сде быти“. Отвѣщавше же боляре рекоша: аще бы лихъ законъ Гречьскій, то не бы баба твоя прияла Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣхъ человѣкъ“. Отвѣщавъ же Володимеръ, рече: „гдѣ крещенье пріимемъ?“ Они же рекоша: „гдѣ ти любо“. И минувшую лѣту.

988. Въ лѣто 6496, иде Володимеръ съ вои на Корсунъ, градъ Гречьскій, и затворишася Корсуняне в градѣ; и ста Володимеръ объ онъ полъ города в лимени, дали града стрѣлище едино, и боряхуся крѣпко изъ града, Володимеръ же обстоя градъ. Изнемогаху въ градѣ людье, и рече Володимеръ къ гражданамъ: „аще ся не вдасте, имамъ стояти и за 3 лѣта“. Они же не послушаша того. Володимеръ же изряди воа своя; и повелѣ приспу сыпати къ граду. Симъ же спущимъ, Корсуняне, подъкопавше стѣну градскую, крадуще сыплемую переть, и ношаху к собѣ въ градъ, сыплеще

¹⁾ Не знаемъ.

посредѣ града; воины же присыпаху болѣ, а Володимеръ стояше. И се мужъ Корсунянинъ стрѣли, имянемъ Настасъ, напсавъ сице на стрѣлѣ: „кладязи, яже суть за тобою отъ вѣстока, изъ того вода идетъ по трубѣ, копавъ переями“. Володимеръ же се слышавъ, возрѣвъ на небо, рече: „аще се ся сбудетъ, и самъ ся крещю“. И ту абѣ повелѣ копати преки трубамъ, и прѣяша воду; людѣ изнемогоша водною жажею и предашася. Вниде Володимеръ въ градъ и дружина его, и посла Володимеръ ко царема Василью и Костянтину, глаголя сице: „се градъ ваю славный взяхъ; слышу же се, яко сестру имата дѣвою, да аще еѣ не вѣдста за мя, створю граду вашему, якоже и сему створихъ“. И слышаста царя, быста печальна, и вѣдста вѣсть, сице глаголюща: „не достонть хрестеяномъ за поганья даяти; аще ся крестини, то и се получишь, и царство небесное примѣши, и с нами единовѣрникъ будеши; аще ли сего не хочѣши створити, не можемъ дати сестры своею за тя“. Си слышавъ Володимеръ, рече посланнымъ отъ царю: „глаголите царема тако: яко азъ крещюся, яко испытахъ преже сихъ дней законъ вашъ, и есть ми любя вѣра ваша и служенѣ, еже бо ми сповѣдаша послании нами мужи“. И си слышавша царя рада быста, и умолиста сестру свою, имянемъ Аньну, и посласта къ Володимеру, глаголюща: „крестися, и тогда послевѣ сестру свою к тобѣ“. Рече же Володимеръ: „да пришедъше съ сестрою вашею крестятъ мя“. И послушаста царя и посласта сестру свою, сановники нѣкїи и прозвутеры; она же не хотяше ити: „яко въ полонъ“, рече, „иду, лучше бы ми zde умерти“. И рѣста ей брата: „еда како обратитъ Богъ тобою Рускую землю въ покаянѣ, а Гречскую землю избавишь отъ лютыя рати; видиши ли, колько зла створиша Русь Грекомъ? и нынѣ аще не идеши, тоже имутъ створити намъ“; и одва ю принудиша. Она же сѣдъши въ кубару, цѣловавши ужики своя съ плачемъ, поиде чрезу море; и приде къ Корсуню, и изидоша Корсуняне съ поклономъ, и вѣведоша ю въ градъ, и посадиша ю въ палатѣ. По Божью же устрою въ се время раз-

болѣся Володимеръ очима и не видяше ничтоже, и тужаше велми и не домышляшеться, что створити; и посла къ нему царица, рекущи: „аще хочѣши избыти болѣзни сея, то вѣскорѣ крестися, аще ли ни, то не имаша избыти недуга сего“. Си слышавъ Володимеръ, рече, „да аще истина будетъ, то поистинѣ великъ Богъ будетъ хрестеянескъ“; и повелѣ креститися. Епископъ же Корсунскій съ попы царицины, огласивъ, крести Володимера; яко възложи руку на нь, абѣ прозрѣ. Видивъ же се Володимеръ напрасное ицѣленѣ, и прослави Бога рекъ: „топерво увѣдѣхъ Бога истиннаго“. Се же видѣвше дружина его, мнози крестияшася. Крести же ся въ церкви святаго Василья, и есть церкви та стоящи въ Корсунѣ градѣ, на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣють Корсуняне; полата же Володимера съ края церкви стоитъ и до сего дне, а царицина полата за олтаремъ. По крещенїи же приведе царицу на браченѣ. Се же не свѣдущѣ право, глаголють, яко крестилъся есть въ Киевѣ; инни же рѣша: въ Василевѣ; друзии же инако скажуть. Крещену же Володимеру, предаша ему вѣру хрестеянскую, рекуще сице: „да не прельстятъ тебе нѣции отъ еретикъ, но вѣруй, сице глаголя:

„Вѣрую во единого Бога Отца Вседержителя Творца небу и земли. (Слѣдуетъ изложеніе исповѣданїя православной вѣры).

Володимеръ же посемъ ¹⁾ поемъ царицу, и Настасу, и попы Корсунски, съ мощми святаго Климента и Фифа, ученика его, поима съсуды церковныя и иконы на благословенѣ себѣ. Постави же церковь въ Корсунѣ на горѣ, идѣже съсыпаша средѣ града, крадущѣ, приспу, яже церкви стоитъ и до сего дне. Взя же ида мѣдянь двѣ капищи ²⁾ и 4 конѣ мѣдяны, иже и нынѣ стоятъ за святою Богородицею; якоже невѣдущи мнѣть я мрамаряны ³⁾ суща. Вѣдѣть же за вѣно ⁴⁾

¹⁾ Послѣ сего.

²⁾ Отъ капи—изображеніе: статуи.

³⁾ Мраморныя.

⁴⁾ Вмѣсто вѣна, т. е. платы за невѣсту.

Грекомъ Корсунъ опять царицѣ дѣля, а самъ приде Киеву. Яко приде, повелѣ кумиры испроврещи, овы исѣщи, а другия огневи предати. Перуна же повелѣ привязати коневу къ хвосту, и влещи с горы по Боричеву на Ручай ¹⁾, 12 мужа ²⁾ пристави тети жезлемъ. Се же не яко древу чующую, но на поруганье бѣсу, иже прелщаше симъ образомъ чловѣкъ, да възмездье приметъ отъ чловѣкъ. Велій если Господи, чудная дѣла твоя! вчера чтимъ отъ чловѣкъ, а днесъ поругаемъ. Влекому же ему по Ручаю к Днѣпру, плакахуся его невѣрнии людье, еще бо не бяху прияли святаго крещенья; и привлекше, вринуша и въ Днѣпръ. И пристави Володимеръ, рекъ: „аще кдѣ пристанеть вы, отрѣвайте его отъ берега, дондеже пороги проидеть; то тогда охабитесь его“. Они же повелѣнная створиша. Яко пустиша и, проидѣ сквозѣ пороги, изверже и вѣтръ на рѣнь, и оттолѣ прослу ³⁾ Перуна Рѣнь ⁴⁾, якоже и до сего дне словеть. Посемъ же Володимеръ посла по всему граду глаголя: „аще не обрящется кто завтра на рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищъ, ли работникъ, противенъ мнѣ да будетъ“. Се слышавше людье, съ радостью идяху, радуящися и глаголюще: „аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли“. Наутрия же изиде Володимеръ с попы царицины и с Корсуньскими на Днѣпръ, и снидеса безъ числа людей: влѣзоша в воду и стояху овы до шие, а друзии до персий, младенци же по перси отъ берега, друзии же младенци держаще свершении же бродяху ⁵⁾, попове же стояще молитвы творяху. И бяхе си видѣти радость на небеси и на земли, толико душъ спасаемыхъ; а дьявола стена глаголаше: увы мнѣ, яко отсюда прогонимъ есмь! сде бо мнѣхъ жилище имѣти, яко сде не суть ученья

¹⁾ Ручей Почайна, впадающій въ Днѣпръ.

²⁾ Здѣсь въ Л. рукописи начинается другой почеркъ. (Примѣч. Археогр. Ком.).

³⁾ Прослыла.

⁴⁾ Перуна Рѣнь—урочище на Днѣпрѣ, песчаная полоса.

⁵⁾ Т. е. стоя въ бродѣ.

апостольска, ни суть вѣдуще Бога, но веселяхъся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ; и се уже побѣженъ есмь отъ невѣигласа сего, а не отъ апостоль, ни отъ мученикъ, не имамъ уже царствовати въ странахъ сихъ. Крестившимъ же ся людемъ, идоша каждо в дома своя. Володимеръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людье его, възрѣвъ на небо рече: „Боже, сотворивый небо и землю! призри на новыя люди сия, и дажь имъ, Господи, увѣдѣте тебе, истиннаго Бога, якоже увѣдѣша страны хрестьянскыя; утверди и вѣру в нихъ праву и несовратну, и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни его“. И се рекъ, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идѣже стояху кумиры; и постави церковь святаго Василья на холмѣ, идѣже стояше кумиръ Перунъ и прочии, идѣже творяху потребности князь и людье; и нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ. Пославъ нача поимати у нарочитые чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное; матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, аще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвыхъ плакахуся. Симъ же раздаюмъ на ученье книгамъ, събысться пророчество на Русьстѣй земли, глаголющее: во оны дни услышать глусии словеса книжная, и яснѣ будетъ языкъ гугнивыхъ...

989. Въ лѣто 6497. Посемъ же Володимеръ живяше въ законѣ хрестьянствѣ, помысли создати церковь пресвятыя Богородица, и пославъ приведе мастера отъ Грекъ. И наченшу же здати, и яко сконча зижа, украси ю иконами, и поручи ю Настасу Корсунянину, и попы Корсуньскыя пристави служити в ней, вдавъ ту все, еже бѣ взялъ в Корсунѣ: иконы, и съсуды, и кресты.

991. Въ лѣто 6499. Володимеръ заложи градъ Бѣльгородъ, и наруби въ нь отъ инѣхъ городовъ, и много людей сведе въ оны; бѣ бо любя градъ съ.

992. Въ лѣто 6500. Иде Володимеръ на Хорваты. Пришед-
шо бо ему с войнѣ Хорватскыя, и се Печенѣзи придоша по
оной сторонѣ отъ Сулы; Володимеръ же поиде противу имъ,
и срѣте я на Трубежи на бродѣ, кде нынѣ Переяславль. И
ста Володимеръ на сей сторонѣ, а Печенѣзи на оной, и не
смаху си на ону страну, ни они на сю страну. И прѣхаша
князь Печенѣжскый к рѣкѣ, возва Володимера и рече ему:
„выпусти ты свой мужъ, а я свой, да ся борета; да аще
твой мужъ ударить мoinъ, да не воюемъ за три лѣта; аще
ли нашъ мужъ ударить, да воюемъ за три лѣта;“ и рази-
достася разнo. Володимеръ же приде въ товары и посла
биричи по товаромъ, глаголя: нѣту ли такого мужа, иже
бы ся ялъ с Печенѣжиномъ“? и не обрѣтеся никдѣже. За-
утра прѣхаша Печенѣзи и свой мужъ приведоша, а у на-
шихъ не бысть. И поча тужити Володимеръ, сля по всѣмъ
воемъ, и приде единъ старъ мужъ ко князю и рече ему:
„княже! естъ у мене единъ сынъ меншей дома, а с четырьми
есмь вышелъ, а онъ дома; отъ дѣтства бо его нѣсть кто
имъ ударилъ: единою бо ми и сварящю ¹⁾, и оному мнущю
усние, разгнѣвався на мя, преторже череву руками.“ Князь
же се слышавъ радъ бысть, посла по нь, и приведоша и
ко князю, и князь повѣда ему вся; сей же рече: „княже!
не вѣдѣ, могу ли со нь, и да искусятъ мя: нѣту ли быка
велика и силна?“ И налѣзоша быкъ великъ и силенъ, и по-
велѣ раздражити быка; возложиша на нь желѣза горяча, и
быка пустиша, и побѣже быкъ мимо и, и похвати быка ру-
кою за бокъ, и выня кожу с мясы, елико ему рука зая ²⁾;
и рече ему Володимеръ: „можеша ся съ нимъ бороти“. И
наутриа придоша Печенѣзи, почаша звати: „нѣ ли мужа? се
нашъ досидѣлъ“. Володимеръ же повелѣ той ноци облещися
въ оружие, и приступиша ту обои. Выпустиша Печенѣзи мужъ
свой, бѣ бо превеликъ зѣло и страшнѣ; и выступи мужъ

¹⁾ Когда однажды я его бранилъ.

²⁾ Захватила.

Володимеръ, и узрѣ и Печенѣзинъ и посмѣлся, бѣ бо серед-
ний тѣломъ. И размѣривше межи обѣма полкома, пустиша
я къ собѣ ¹⁾, и ястася, и почаста ся крѣпко держати, и
удави Печенѣзина въ рукахъ до смерти и удари имъ о землю;
и кликнуша, и Печенѣзи побѣгоша, и Русь погнаша по нихъ
сѣкуще, и прогнаша я ²⁾. Володимеръ же радъ бывъ, зало-
жи городъ на бродѣ томъ и нарече и Переяславль, зане пе-
рея славу отроко-тъ. Володимеръ же великимъ мужемъ
створи того и отца его. Володимеръ же възратися въ Къевъ
с побѣдою и съ славою великою.

994—996. Въ лѣто 6502. Въ лѣто 6503. Въ лѣто 6504.
Володимеръ видѣвъ церковь свершену, вшедъ в ню и помо-
лися Богу, глаголя: „Господи Боже! призи съ небесе и вижь,
и посѣти винограда своего, и сверши, яже насади десница
твоя, новыя люди си, имъ же обратилъ еси сердце в ра-
зумъ, познати тебе Бога истинного, и призи на церковь
твою си, юже создахъ недостойный рабъ твой, во имя рож-
шая те Матере Приснодѣвныя Богородица; аще кто помолиться
въ церкви сей, то услыши молитву его молитвы ради пре-
чистыя Богородица“. И помолившюся ему, рекъ сице: „даю
церкви сей святѣй Богородицы отъ имѣнья моего и отъ градъ
моихъ десятую часть“. И положи написавъ клятву въ церкви
сей, рекъ: „аще кто сего посудить, да будетъ проклятъ.“
И вдасть десятину Настасу Корсунянину, и створи празд-
никъ великъ въ тѣ день боляромъ и старцемъ градскимъ,
и убогимъ раздая имѣнье много. По сихъ же придоша Пе-
ченѣзи къ Василеву, и Володимеръ с малою дружиною
изыде противу, и съступившимся, и не могъ стерпѣти про-
тиву, подѣбѣгъ ста подъ мостомъ, одва укрыся противныхъ;
и тогда обѣщася Володимеръ поставити церковь Василевъ
святаго Преображенъя, бѣ бо въ тѣ день Преображенъе Гос-

¹⁾ Пустили ихъ другъ на друга.

²⁾ Преданіе о силачѣ Кожемякѣ, по имени Кириллѣ, доселѣ сохра-
няется между малоросами.

подне, егда си бысть сѣча. Избывъ же Володимеръ сего, постави церковь, и створи праздникъ великъ, варя 300 проваръ меду, и съзываше боляры своя, и посадники, старѣйшины по всѣмъ градомъ, и люди многи, и раздая убогимъ 300 гривенъ. Праздновавъ князь дний 8, и възвращашеться Киеву на Успенье святыя Богородицы, и ту пакы сотворяше праздникъ великъ, сзывая безчисленное множество народа. Видя же люди хрестыяны суща, радовашеся душою и тѣломъ, и тако по вся лѣта творяше. Бѣ бо любя словеса книжная; слыша бо единою Еуангелъе чтомо: блажени милостивии, яко ти помиловани будутъ; и пакы: продайте имѣнья ваша и дадите нищимъ; и пакы: не скрываете собѣ скровищъ на земли, идѣже тля тлѣть и татѣ подѣкопываютъ, но скрываете собѣ скровище на небесѣхъ, идѣже ни тля тлѣть, ни татѣ крадутъ. И Давыда глаголюща: блаженъ мужъ милуя и дая; Соломона же слыша глаголюща: вдаяй нищему, Богу в заимъ даетъ, си слышавъ, повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу, питье и яденъе, и отъ скотыницъ кунами. Устрои же и се, рекъ: „яко немощни и болнии не могутъ долѣзти двора моего;“ повелѣ пристроити кола, и въскладше хлѣбы, мяса, рыбы, овощъ разноличный, медъ въ бчелкахъ, а въ другихъ квасъ, возити по городу, въпрашающимъ: „где болный и нищъ, не могы ходити?“ тѣмъ раздаваху на потребу. Се же пакы творяше людямъ своимъ по вся недѣля, устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити боляромъ, и гридемъ, съцьскимъ, и десятицкимъ, и нарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя; бываше множество отъ мяса, отъ скота и отъ звѣрины, баше по изобилъю отъ всего. Егда же подѣпыхуться, начыняхуть роптати на князь, глаголюще: „зло есть нашимъ головамъ, да намъ ясти деревянными лжицами, а ни серебряными.“ Се слышавъ Володимеръ, повелѣ исковати лжицѣ серебряны ясти дружинѣ, рекъ сиде: „яко серебромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу серебро и злато, якоже дѣдъ мой и отецъ мой

доискася дружиною злата и серебра.“ Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и съ ними думая о строи земленѣмъ, и о ратехъ, и о уставѣ земленѣмъ¹⁾; и бѣ жива съ князи околними миромъ, съ Болеславомъ Лядьскимъ, и съ Стефаномъ Угрьскимъ, и съ Андрихомъ Чешьскимъ, и бѣ миръ межю ими и любы. Живяше же Володимеръ в страстѣ Божьи, и умножишася еело разбоеве, и рѣша епископи Володимеру: „се умножишася разбойници; почто не казниши ихъ?“ Онъ же рече имъ: „боюся грѣха.“ Они же рѣша ему: „ты поставленъ еси отъ Бога на казнѣ злымъ, а добрымъ на помилованье; достойтъ ти казнити разбойника, но со испытумъ.“ Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбойники, и рѣша епископи и старци: „ратъ многа; оже вира, то на оружьи и на конихъ буди.“ И рече Володимеръ: „такъ буди.“ И живяше Володимеръ по устроенью отню и дѣдню.

997. Въ лѣто 6505. Володимеру же шедшу Новугороду по верховнѣй вой²⁾ на Печенѣгы, бѣ бо ратъ велика безперестани, въ се же время увѣдѣша Печенѣзи, яко князя нѣту, и придоша и сташа около Бѣлагорода. И не дадаху вылѣзти изъ города, и бысть гладъ великъ в городѣ, и не бѣ лѣзъ Володимеру помочи, не бѣ бо вой у него, Печенѣгъ же множество много. И удолжися остоя³⁾ въ городѣ, и бѣ гладъ великъ, и створиша, вѣче въ городѣ, и рѣша: „се уже хотимъ померети отъ глада, а отъ князя помочи нѣту; да лучше ли ны померети? дадимъся Печенѣгомъ, да кого живять, кого ли умертвять; уже помираемъ отъ глада;“ и тако совѣтъ створиша. Бѣ же единъ старецъ не былъ на вѣчи томъ, и впраша: „Что ради вѣче было?“ и людѣ повѣдаша ему, яко утро хотять ся людѣ передати Печенѣгомъ. Се слышавъ, посла по старѣйшины градскыя, и рече имъ: „слышашъ, яко хочете ся передати Печенѣгомъ;“ они же рѣша: „не

¹⁾ Земскомъ, народномъ.

²⁾ За верховыми, за конницей.

³⁾ Обстояніе, осада.

стерпять людѣе глады.“ И рече имъ: „послушайте мене, не передайтеся за 3 дни, и я вы что велю, створите.“ Они же ради общашася послушати, и рече имъ: „сберѣте аче и по горсти овса, или пшеницѣ, ли отрубей;“ они же шедше ради снискаша. И повелѣ женамъ створити цѣжь, в немъ же варять кисель, и повелѣ ископати колодязь, и вставити тамо кадъ, и налить цѣжа кадъ. И повелѣ другой колодязь ископати, и вставити тамо кадъ, и повелѣ искати меду; они же шедше взяша меду лукно, бѣ бо погребено въ княжи медуши; и повелѣ разсытити велми и вѣлѣяти въ кадъ в другѣмъ колодязи. Утро же повелѣ послати по Печенѣгъ; и горожане же рѣша шедше к Печенѣгомъ: „поймѣте к собѣ таль нашъ, а вы поидѣте до 10 мужъ в градъ, да видите, что ся дѣеть в градѣ нашемъ.“ Печенѣзи же ради бывше, мняше, яко предатися хотѣть, пояша у нихъ тали, а сами избраша лучшіѣ мужи и послаша в градъ, да розгладяють в городѣ, что ся дѣеть. И придоша в городъ, и рѣкоша имъ людѣе: „почто губите себѣ? коли можете престоити насъ? аще стоите за 10 лѣтъ, что можете створити намъ? имѣемъ бо кормлю отъ землѣ; аще ли не вѣруете, да узрите своима очима.“ И приведоша я къ кладязю, цѣже цѣжь, и почерпоша ведромъ и лѣша в латки, и яко свариша кисель, и поймше придоша с ними к другому кладязю, и почерпоша сыты, и почаша ясти сами первое, потомъ же Печенѣзи. И удивившася, и рекоша: „не имуть вѣры наши князи, аще не ѣдятъ сами.“ Людѣе же налѣша корчагу цѣжа и сыты отъ колодязя, вдаша Печенѣгомъ; они же пришедше повѣдаша вся бывшая. И варивше яша князи Печенѣзѣстии, и подивившася, и поймше тали своя и онѣхъ пустивше, вѣсташе отъ града, вѣсвоиша идоша ¹⁾).

1014. Въ лѣто 6522. Ярославъ же сущю Новѣгородѣ, и урокому дающю Киеву двѣ тысячѣ гривенъ отъ года до года,

¹⁾ Сказаніе о Бѣгородскомъ киселѣ наглядно выражаетъ мысль, что въ земледѣльческомъ быту земля—общая всѣмъ мать-кормилица.

а тысячу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху; и тако даяху вси посадници Новѣгородѣстии, а Ярославъ сего не даяше к Киеву отцю своему. И рече Володимиръ: „требите путь и мостите мость“, хотѣшеть бо на Ярослава ити, на сына своего, по разболѣся.

1015. Въ лѣто 6523. Хотящю Володимеру ити на Ярослава, Ярославъ же пославъ за море, приведе Варягы, бояся отца своего; но Богъ не вдасть дѣяволу радости. Володимеру бо разболѣвшюся, въ се же время баше у него Борисъ; Печенѣгомъ идущемъ на Русь, посла противу имъ Борису, самъ бо боляше велми, въ ней же болѣсти и скончася мѣсяца іюля въ 15 день. Умре же на Берестовѣмъ, и потаиша и, бѣ бо Святополкъ Киевѣ. Ночью же межю двема клѣтми проиравше помость, обертѣвше в коверъ, и ужѣ свѣсѣша на землю; възложше и на сани, везше поставиша и въ святѣй Богородици, юже бѣ създалъ самъ. Се же увѣдѣвше людѣе, безъ числа снискашася и плакашася по немъ, боляре акы заступника ихъ земли, убозии акы заступника и кормителя; и вложиша и въ корсту мороморяну, схраниша тѣло его с плачемъ, блаженаго князя. Се есть новый Костянтинъ великого Рима, иже крестися самъ и люди своя: тако и сътвори, подобно ему.... Дивно же есть се, колико добра створилъ Русьстѣй земли, крестивъ ю. Мы же, хрестіане суще, не въздаемъ почестѣя противу оногю възданью. Аще бо онъ не крестилъ бы насъ, то нынѣ были быхомъ в прельсти дѣяволи, якоже и прародители наши погынуша.

О убьеніи Борисовѣ. Святополкъ же сѣде Киевѣ по отци своемъ, и съзва Кѣяны и нача даяти имъ имѣнне; они же приимаху, и не бѣ сердце ихъ с нимъ, яко братья ихъ бѣша с Борисомъ. Борису же възвратившюся съ вои, не обрѣтшю Печенѣгъ, вѣсть приде къ нему: „отецъ ти умерлъ.“ И плакася по отци велми, любимъ бо бѣ отцемъ своимъ паче всѣхъ, и ста на Лѣтъ ¹⁾ пришедъ. Рѣша же ему

¹⁾ Рѣчка Альта.

дружина огня: „се дружина у тебе огня и вои; поиди, сяди Киевѣ на столѣ отни“. Онъ же рече: „не буди мнѣ възняти ¹⁾ руки на брата своего старѣйшаго; аще и отецъ ми умре, то съ ми буди въ отца мѣсто“. И се слышавше вои, разидошася отъ него, Борисъ же стояша съ отроки своими. Святополкъ же исполнивъсь безаконья, Каиновъ смыслъ примѣ, посылая к Борису, глаголаше: „яко с тобою хочу любовь имѣти, и къ огню придамъ ти“; а лѣстѣя подъ нимъ ²⁾, како бы и погубити. Святополкъ же приде ночью Вышегороду, отай призва Путшю и Вышегородскыя болярыцѣ, и рече имъ: „пріѣдете ли ми всѣмъ сердцемъ?“ Рѣче же Путша и Вышегородци: „можемъ главы своя сложити за тя“. Онъ же рече имъ: „не повѣдуче никому же, шедше убийте брата моего Бориса“. Они же вскорѣ обѣщашася ему се створити. О сяковыхъ бо Соломонъ рече: скорѣ суть пролити кровь безъ правды; ти бо общаются крови, собираютъ собѣ злая; сихъ путѣ суть скончавающихся безаконье, нечестьемъ бо свою душу емлютъ. Послании же придоша на Лѣто ночью, и подѣступниша ближе, и слышаша блаженаго Бориса поюща заутреню; бѣ бо ему вѣсть уже, яко хотять погубити и.... И помолвившюся ему, възлеже на одрѣ своемъ. И се нападоша акы звѣрье дивни около шатра, и насунуша и копыи, и прободоша Бориса, и слугу его, падша на немъ, прободоша с нимъ. Бѣ бо се любимъ Борисомъ; бѣше отрокъ с родомъ сынъ Угърскъ, именемъ Георги, его же любляше повелику Борисъ, бѣ бо възложилъ на нь гривну злату велику ³⁾, въ ней же предстояше предъ нимъ. Избиша же и ины отроки Борисовы многи. Георгеви же сему не могуще вборзѣ сняти гривны съ шиѣ, усѣкнуша главу его, и тако сняша гривну, а главу отвергоша прочь; тѣмже ⁴⁾ послѣже не обрѣтоша тѣла сего въ тру-

¹⁾ Поднять.

²⁾ Подкапываться подъ него, строя ковы.

³⁾ Золотую металлическую цѣпь на шею, родъ украшенія.

⁴⁾ И потому.

пи ¹⁾. Бориса же убивше оканьнии, увертѣвше в шатеръ, възложивше на кола ²⁾, повезоша и, и еще дышюцю ему. Увѣдѣвъ же се оканьный Святополкъ, яко еще дышетъ, посла два Варяга прикончатъ его; онѣма же пришедшема и видѣвшема, яко еще живъ есть, единъ ею извелъ мечъ, пронъзе и къ сердцю. И тако скончася блаженный Борисъ, вѣнецъ примѣ отъ Христа Бога съ праведными, причетъся съ пророки и апостолы, съ лики мученичскими водваряся, Авраму на лонѣ почивая, видя неизреченную радость, възспѣвая съ ангелы и веселяся с лики святыхъ. И положиша тѣло его, принесше отай Вышегороду, у церкви святаго Василія. Оканьнии же си убійцѣ придоша къ Святополку, акы хвалу имуще, безаконьници. Суть же имена симъ законопреступникомъ: Путша, и Талець, Еловить, Ляшкко, отецъ же ихъ сотона. Сици бо слугы бѣси бываютъ, бѣси бо на злое посылаеми бываютъ, ангелы на благое посылаеми. Ангелы бо челоуѣку зла не творять, но благое мыслять ему всегда, паче же хрестьяномъ помогаютъ и заступають отъ супротивнаго дьявола; а бѣси на злое всегда ловять, завидяще ему, понеже видять челоуѣка Богомъ почтена, и завидяще ему, на зло слемѣ скорѣ суть. Золъ бо челоуѣкъ, тѣсая на злое, не хужи есть бѣса; бѣси бо Бога боятся, а золъ челоуѣкъ ни Бога боится, ни челоуѣкъ ся стыдитъ; бѣси бо креста ся боятъ Господня, а челоуѣкъ золъ ни креста ся боить.

Святополкъ же оканьный помысли въ собѣ, рѣкъ: „се убихъ Бориса; како бы убити Глѣба?“ И примѣ помыслъ Каиновъ, съ лѣстѣю посла къ Глѣбу, глаголя сиче: „поиди вборзѣ, отецъ тя зоветъ, не здравить бо велми“. Глѣбъ же вборзѣ всѣдъ на конѣ, съ малою дружиною поиде, бѣ бо послушливъ отцю. И пришедшю ему на Волгу, на поли потчеса конь въ рѣѣ, и наломи ему ногу мало; и приде Смоленську, и поиде отъ Смоленска яко зрѣмо ³⁾ и ста на

¹⁾ Собирает. им. трупѣ.

²⁾ На телѣгу.

³⁾ Сколько можно окинуть взглядомъ.

Смядинѣ въ насадѣ. В се же время пришла бѣ вѣсть къ Ярославѣ отъ Передѣславы о отни смерти, и посла Ярославъ къ Глѣбу, глаголя: „не ходи, отецъ ти умерлъ, а братъ ти убьенъ отъ Святополка“. Се слышавъ Глѣбъ възни велми съ слезами, плачася по отци, паче же по братѣ, и нача молитися съ слезами, глаголя: „уви мнѣ, Господи! лучше бы ми умрѣти съ братомъ, нежели жити на свѣтѣ семь; аще бо быхъ, брате мой, видѣлъ лице твое ангельское, умерлъ быхъ съ тобою: нынѣ же что ради остахъ азъ единъ? кдѣ суть словеса твоя, яже глагола къ мнѣ, брате мой любимый? нынѣ уже не услышу тихаго твоего наказанья¹⁾; да аще еси получилъ дерзновение у Бога, молися о мнѣ, да и азъ быхъ ту же страсть принялъ; лучше бо ми было съ тобою умрети, неже въ свѣтѣ семь прелестнѣмъ жити“. И сие ему молящюся съ слезами, се внезапно придоша послании отъ Святополка на погубленіе Глѣбу, и ту абѣ послании яша корабль Глѣбовъ, и обнажиша оружье. Оτροци Глѣбови уныша; оканьный же посланный Горясѣръ повелѣ въборзѣ зарѣзати Глѣба; поваръ же Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, вынезъ²⁾ ножъ, зарѣза Глѣба. Аки агня непорочно принесся на жертву Богови, въ воню благоуханья, жертва словесная, и прія вѣнецъ; вшедъ въ небесныя обители, и узрѣ желаемаго брата своего, и радовашеся с нимъ неиздреченною радостью, юже уллучиста братолубьемъ своимъ. Се коль добро и коль красно, еже жити братома вкушѣ! Оканьный же възратиса въспять, якоже рече Давыдъ: да възратятся грѣшници въ адъ. Онѣмъ же пришедшимъ; и повѣдаша Святополку: „яко створихомъ повелѣнная тобою“. Онъ же се слышавъ, възнесся сердце его болма, не вѣдый Давыда глаголюща: что ся хвалиши о злѣбѣ, сильный? безаконье весь день умысли языкъ твой. Глѣбу же убьену бывшу и повержену на брезѣ межи двѣма колодами посемъ же взявше везоша и, и положиша и у бра-

¹⁾ Поученія, наставленія.

²⁾ Извлекъ.

та своего Бориса у церкви святаго Василья. И стѣкуплена тѣлома, паче же душама, у Вѣладыкы Всецаря пребывающа, въ радости безконечнѣй, во свѣтѣ неизреченнѣмъ, подающа цѣлебныя дары Русьстѣй земли, и инѣмъ приходящимъ страннымъ съ вѣрою даета ицѣленье: хромымъ ходити, слѣпымъ прозрѣнье, болящимъ цѣлбы, окованнымъ разрѣшеніе, темницамъ отверженіе, печальнымъ утѣху, напастнымъ избавленіе, и еста заступника Русьстѣй земли, и свѣтилника сіяюща и молящася вонну къ Владыцѣ о своихъ людехъ...

Святополкъ же съ оканьный и злый уби Святослава, пославъ, ко горѣ Угорьстѣй, бѣжащю ему въ Угры, и нача помышляти: „яко избью всю братью свою, и приму власть Русьскую единъ“. Помысливъ високоумьемъ своимъ, не вѣдый, яко Богъ даетъ власть, ему же хоцетъ; поставляетъ бо цесаря и князя Вышний, ему же хоцетъ, дастъ... Святополкъ же оканьный нача княжити Киевѣ. Созвавъ люди, нача даяти овѣмъ корзна; а другимъ кунами, и раздая множество. Ярославу же не вѣдущю отъгнѣ смерти, Варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху Новгородцемъ и женамъ ихъ. Вставше Новгородци, избива Варягы во дворѣ Поромони, и разгнѣвася Ярославъ, и шедъ на Рокомъ, сѣде въ дворѣ; пославъ к Новгородцемъ, рече: „уже мнѣ сихъ не крѣсити“. И позва къ собѣ нарочитѣ мужи, иже бяху иссѣкли Варягы, и обольстивъ я исѣче. В ту же ноцъ приде ему вѣсть ис Києва отъ сестры его Передѣславы: „си отецъ ти умерлъ, а Святополкъ сѣдитъ ти Киевѣ, убивъ Бориса, а на Глѣба посла; а блюдися его повелику“. Се слышавъ, печаленъ бысть о отци и о брати и о дружинѣ; заутра же собравъ избытокъ Новгородецъ, Ярославъ рече: „о любя моя дружина, юже вчера избихъ, а нынѣ быша надобѣ“. Утерлъ слезъ, и рече имъ на вѣчи: „отецъ мой умерлъ, а Святополкъ сѣдитъ Киевѣ, избивая братью свою“. И рѣша Новгородци: „аще, княже, братья наша исѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти“. И събра Ярославъ Варягъ тысячу, а прочихъ вой 40000, и поиде на Святополка, нарекъ Бога, рекъ: „не я

почахъ избивати братью, но онъ; да будетъ отместникъ Богъ крове братья моея, зане безъ вины пролья кровь Борисову и Глѣбову праведную: еда и мнѣ сие же створить? но суди ми, Господи, по правдѣ, да скончается злоба грѣшнаго“. И поиде на Святополѣ; слышавъ же се Святополѣ, идуща Ярослава, пристрои бесъ числа вой, Ручи и Печенѣгъ, и изыде противу ему къ Любичю объ онъ полъ Днѣпра, а Ярославъ объ сю.

1016. Начало княженья Ярослава Кыевѣ. Въ лѣто 6524. Приде Ярославъ на Святополѣ, и стаща противу обѣа полы Днѣпра, и не смяху ни си онѣхъ, ни они сихъ начати, и стояша мѣсяцѣ 3 противу собѣ. И воевода нача Святополѣ, ѣздя възлѣ берегъ, укарати Новгородѣ, глаголя: „что придосте с хромъцемъ симъ, а вы плотници суще? а приставимъ вы хоромовъ рубити нашихъ“. Се слышавше Новгородци, рѣша Ярославу: „яко заутра перевеземъся на ня; аще кто не поидеть с нами, сами потнемъ его“. Бѣ бо уже в заморозъ. Святополѣ стояше межи двѣма озеромъ, и всю ночь пилъ бѣ с дружиною своею; Ярославъ же заутра исполчивъ дружину свою, противу свѣту перевезеся. И вышедше на берегъ, отринуша лодѣ отъ берега, и поидоша противу собѣ, и сступишася на мѣстѣ; бысть сѣча зла, и не бѣ лзѣ озеромъ Печенѣгомъ помагати, и притиснуша Святополѣ с дружиною ко озеру, и вѣступиша на ледъ, и обломися с ними ледъ, и одалати нача Ярославъ, видѣвъ же Святополѣ и побеже, и одолѣ Ярославъ. Святополѣ же бѣжа в Ляхы, Ярославъ же сѣде Кыевѣ на столѣ отъни и дѣдни; и бы тогда Ярославъ лѣтъ 28.

1017. Въ лѣто 6525. Ярославъ иде в Кыевъ, и погорѣ церкви.

1018. Въ лѣто 6526. Приде Болеславъ съ Святополкомъ на Ярослава с Ляхы; Ярославъ же совокупивъ Русь, и Варягы, и Словѣнѣ, поиде противу Болеславу и Святополку, и приде Вельню, и стаща оба полъ рѣкы Буга. И бѣ у Ярослава кормилецъ и воевода, именемъ Буды нача укарати Бо-

слава, глаголя: „да то ти прободемъ трѣскою черевъ твоѣ толѣстое“. Бѣ бо Болеславъ великъ и тяжелъ, яко и на кони не могъ сѣдѣти, но бѣше смысленъ; и рече Болеславъ къ дружинѣ своей: „аще вы сего укора не жалѣ, азъ единъ погину“. Вѣдъ на конѣ, възбрѣде въ руку и по немъ вои его, Ярославъ же не утягну исполчитися, и побѣди Болеславъ Ярослава; Ярославъ же убѣжа съ 4-ми мужи Новугороду, Болеславъ же вниде в Кыевъ съ Святополкомъ. И рече Болеславъ: „разведѣте дружину мою по городомъ на покорѣмъ“, и бысть тако. Ярославу же прибѣгшу Новугороду, и хотяше бѣжати за море, и посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрынь, с Новгородци расѣкоша лодѣ Ярославлѣ, рекуще: „хочемъ ся и еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомъ“. Начаша скотъ събирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старость по 10 гривень, а отъ бояръ по 18 гривень; и приведоша Варягы, в вдаша имъ скотъ, и совокупи Ярославъ вои многы. Болеславъ же бѣ Кыевѣ сѣдя, оканъный же Святополѣ рече: „елико же Ляховъ по городомъ, избивайте я“; и избива Ляхы. Болеславъ же побѣже ис Кыева, възма имѣнье и бояры Ярославлѣ и сестрѣ его, и Настаса пристави Десятиннаго ко имѣнью, бѣ бо ся ему вѣрилъ лестью, и людей множество веде с собою, и города Червеньскыя зая собѣ, и приде в свою землю. Святополѣ же нача княжити Кыевѣ, и поиде Ярославъ на Святополѣ, и бѣжа Святополѣ в Печенѣгы.

1019. В лѣто 6527. Приде Святополѣ с Печенѣгы в силѣ тяжѣ, и Ярославъ собра множество вой, и изыде противу ему на Лѣто. Ярославъ ста на мѣстѣ, идѣже убиша Бориса, въздѣвъ руцѣ на небо, рече: „кровь брата моего вопъетъ к тобѣ, Владыко! мести отъ крове праведнаго сего, якоже мстилъ еси крове Авелевы, положивъ на Каинѣ стенанье и трясенье; тако положи и на семь“. Помоливъся, рекъ: „брата моя! аще еста и тѣломъ отошла отсюда, но молитвою помози ми на противнаго сего убийцю и гордаго“. И се ему

рекшю, поидоша противу собѣ, и покрыша поле Летское ¹⁾ обои отъ множества вой. Ба же пятокъ тогда, въсходящю солнцю, и сступишася обои, бысть сѣча зла, яка же не была в Руси, и за руки емлюче сечахуся, и сступишася трижды, яко по удольемъ крови тещи; к вечеру же одолѣ Ярославъ, а Святополкъ бѣжа. И бѣжащю ему, нападе на нь бѣсъ, и раслабѣша кости его, не можаше сѣдѣти на кони, и несяхуть и на носилѣхъ; принесоша и къ Берестью ²⁾, бѣгающе с нимъ: онъ же глаголаше: „побѣгните со мною, женуть ³⁾ по насъ“. Отроки же его всылаху противу ⁴⁾: „еда кто женеть по насъ?“ и не бѣ никого же вслѣдъ гонящаго, и бѣжаху с нимъ; онъ же в немощи лежа, и въ схопивъся глаголаше: „осе женуть, о женуть, побѣгните“. Не можаше терпѣти на единомъ мѣстѣ, и пробѣжа Лядскую землю ⁵⁾, гонимъ Божиимъ гнѣвомъ, прибѣжа в пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже злѣ животъ свой в томъ мѣсте....

1022. Въ лѣто 6530. Приде Ярославъ къ Берестию. Въ си же времена Мѣстиславу сущю Тмуторокани, поиде на Касоги. Слышавъ же се князь Касожьскый Редедя, изиде противу тому, и ставшема обѣма полкома противу собѣ, и рече Редедя къ Мѣстиславу: „что ради губивѣ дружину межю собою? но сидеве ся сама бороть; да аще одолѣши ты, то возмеша имѣнье мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою; аще ли азъ одолѣю, то възму твое все.“ И рече Мѣстиславъ: „такъ буди“. И рече Редедя ко Мѣстиславу: „не оружьемъ ся бевѣ, но борьбою“. И яста ся бороти крѣпко, и надолзѣ борющемася има нача изнемагати Мѣстиславъ: бѣ бо великъ и силенъ Редедя; и рече Мѣстиславъ: „о Пречистая Богородице! помози ми; аще бо одолѣю сему, съзижду ⁶⁾ церковь во

¹⁾ Прилагательное отъ р. Лѣто (Альта).

²⁾ Брестъ.

³⁾ Гонять.

⁴⁾ Посылали развѣдчиковъ, не гонятся ли за ними.

⁵⁾ Землю ляховъ, польскую.

⁶⁾ Созижду.

имя твое“. И се рекъ удари имъ о землю, и вынзе ножъ, и зарѣза Редедю, и шедъ в землю его, взя все имѣнье его, и жену и дѣти его, и дань възложи на Касоги. И пришедъ Тмутороканю, заложилъ церковь святыя Богородица, и созда ю, аже стоитъ и до сего дне Тмуторокани ¹⁾.

1023. Въ лѣто 6531. Поиде Мѣстиславъ на Ярослава, с Козары и съ Касоги.

1024. Въ лѣто 6532. Ярославу сущю Новѣгородѣ, приде Мѣстиславъ ис Тмутороканя Кыеву, и не прияша его Кыеане; онъ же шедъ сѣде на столѣ Черниговѣ, Ярославу сущю Новѣгородѣ тогда. В се же лѣто вѣсташа волъсви в Суждали избиваху старую чадъ по дьяволу наущенью и бѣсованью, глаголюще, яко си держать гобино. Бѣ мятежъ великъ и голодъ по всей той странѣ; идоша по Волзѣ вси людье в Болгары, и привезоша жито, и тако ожиха. Слышавъ же Ярославъ волхвы, приде Суздалию; изымавъ волхвы, расточи, а другыя показни, рекъ сице: „Богъ наводитъ по грѣхомъ на куюждо землю гладомъ, или моромъ, ли ведромъ, ли иною казнью, а человекъ не вѣсть ничтоже“. И възративъся Ярославъ, приде Новугороду, и посла за море по Варягы; и приде Якунъ с Варягы, и бѣ Якунъ слѣпъ ²⁾, и луда бѣ у него золотомъ истѣкана. И приде къ Ярославу; и иде Ярославъ съ Якуномъ на Мѣстислава, Мѣстиславъ же слышавъ взиде противу има к Листвену. Мѣстиславъ же с вечера исполчивъ дружину, и постави Сѣверъ въ чело противу Варягомъ, а самъ ста с дружиною своею по крилома. И бывши нощи, бысть тма, молонья, и громъ и дождь. И рече Мѣстиславъ дружину своей: „поидемъ на ня“. И поиде Мѣстиславъ, и Ярославъ противу ему, и сступиса чело Сѣверъ съ Варягы, и трудишася Варязи сѣкуще Сѣверъ, и посемъ наступи Мѣсти-

¹⁾ Эпизодъ объ единоборствѣ, упоминаемый въ Словѣ о полку Игоря и нерѣдко изображаемый въ нашихъ былинахъ.

²⁾ Якунъ, по Варяжски Гаконъ, что значить: одноглазый. Нѣкоторые предлагаютъ такое чтеніе: съ *лпнъ*.

славъ со дружиною своею, и нача сѣчи Варяги, и бысть сѣча силна, яко посвѣтяше молонья, блещашеться оружье, и бѣ гроза велика и сѣча силна и страшна. Видѣвъ же Ярославъ, яко побѣждаемъ есть, побѣже съ Якуномъ, княземъ Варяжскимъ, и Якунъ ту отбѣже луды златоѣ; Ярославъ же приде Новугороду, а Якунъ иде за море. Мьстиславъ же, о светѣ заутра, видѣвъ лежачиѣ сѣчени отъ своихъ Сѣверъ Варягы Ярославлѣ, и рече: „кто сему не радъ? се лежить Сѣверянинъ, а се Варягъ, а дружина своя цѣла“. И посла Мьстиславъ по Ярослава, глаголя: „сяди на своемъ столѣ Киевѣ, ты еси старѣйшей братъ, а мнѣ буди си сторона“; и не смяше Ярославъ ити в Киевъ, дондеже смирилася. И сѣдѣше Мьстиславъ Черниговѣ, а Ярославъ Новѣгородѣ, и бѣяху Киевѣ мужи Ярославли. В семъ же лѣтѣ родися у Ярослава другій сынъ, и нарече имя ему Изяславъ.

1026. Въ лѣто 6534. Ярославъ совокупи воя многы, и приде Киеву, и створи миръ с братомъ своимъ Мьстиславомъ у Городѣця. И раздѣлиста по Днѣпръ Русьскую землю: Ярославъ прия сю сторону, а Мьстиславъ ону; и начаста жити мирно и в братолюбствѣ, и уста особица и мятежъ, и бысть тишина велика в земли.

1027. Въ лѣто 6535. Родися 3-й сынъ Ярославу, и нарече имя ему Святославъ.

1028. Въ лѣто 6536. Знаменье змиево явися на небеси, яко видѣти всей земли.

1029. Въ лѣто 6537. Мирно бысть.

1034—1036. Въ лѣто 6542. Въ лѣто 6543. Въ лѣто 6544. Мьстиславъ изиде на ловы, разболѣся и умре; и положиша и в церкви у святаго Спаса, юже бѣ самъ заложилъ, бѣ бо въздано ея при немъ възвыше, яко на кони стояще рукою досящи. Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломъ, чермень лицомъ, великыма очима, храборъ на рати, милостивъ, любяше дружину по велику, имѣнья не щадѣше, ни питья, ни ѣденья браняше. Посемъ же перее власть его всю Ярославъ; и бысть самовластецъ Русьскѣй земли. Иде Ярославъ Новугороду, и по-

сади сына своего Володимера Новѣгородѣ, епископа постави Жидяту; и в се время родися Ярославу сынъ, нарекоша имя ему Вячеславъ. Ярославу же сущю Новѣгородѣ вѣсть приде ему, яко Печенѣзи остоятъ Киевъ, Ярославъ събра воя многы, Варягы и Словѣни, приде Киеву; и вниде в городъ свой. И бѣ Печенѣгъ бес числа. Ярославъ выступи ис града, и исполни дружину, и постави Варягы по средѣ, а на правѣй сторонѣ Кыяне, а на лѣвѣмъ крилѣ Новгородци; стаща предъ градомъ. Печенѣзи приступати почаша, и сступипася на мѣсте, идеже стоитъ нынѣ святая Соѣя, митрополю Русьская; бѣ бо тогда поле внѣ града. И бысть сѣча зла, и одва одолѣ к вечеру Ярославъ. И побегоша Печенѣзи разны, и не вѣдахуся камо бѣжати, и овии бѣгающе то-няху въ Сѣтомли, инѣ же въ инѣхъ рѣкахъ, а прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дне. В се же лѣто всади Ярославъ Судислава в порубѣ, брата своего, Плесковѣ, оклеветанъ бѣ к нему.

1037. Въ лѣто 6545. Заложилъ Ярославъ городъ великый Киевъ ¹⁾, у него же града суть Златая врата; заложилъ же и церковь святыхъ Соѣя, митрополю, и посемъ церковь на Золотыхъ воротѣхъ святыхъ Богородица Благовѣщенье, посемъ святаго Георгия монастырь и святыхъ Ирины. И при семъ нача вѣра хрестыаньска плодиться и раширять, и черноризьци почаша множиться, и монастыреве починаху быти. И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше повелѣку, излиха же черноризьцѣ, и книгамъ прилежалъ и почиталъ е часто в нощи и въ дне; и собра писецѣ многы, и прекладаше отъ Грекъ на Словѣнское писмо, и списаша книги многы, и сниска, ими же поучащеся вѣрнии людѣ, наслаждаются ученья божественаго. Якоже бо се нѣкто землю разореть, другій же насѣть, ини же пожинають и ѣдятъ пищу бескудну, тако и съ: отецъ бо его Володимеръ взорѣ и умягчи, рекше крещеньемъ просвѣтивъ; съ же насѣя книж-

¹⁾ Здѣсь должно разумѣть сооруженіе вокругъ Кіева стѣнъ кремля, т. е. обнесеніе его стѣною.

ными словеса сердца вѣрныхъ людей, а мы пожинаемъ, ученіе приемлюще книжное. Велика бо бываетъ полза отъ ученія книжного, книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣкы, напаяющи вселеную, се суть исходяща мудрости, книгамъ бо есть неисчетная глубина, сими бо въ печали утѣшаеми есмы, си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть, яко же и Соломонъ похваляа глаголаше: азъ премудрость, вселихъ свѣтъ, и разумъ и смыслъ, азъ призвахъ страхъ Господень... мои свѣти, моя мудрость, мое утверженіе, моя крѣпость; мною цесареви царствуютъ, а силнии пишють правду; мною вельможа величаются и мучители держать землю; азъ любящая мя люблю, ищущи мене обрящють благодать. Аще бо поищещи въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящещи велику ползу души своей; иже бо книги часто чтеть, то бесѣдуеть с Богомъ, или святыми мужи; почитая пророческия бесѣды, и евангельская ученія и апостолская, и житія святыхъ отецъ, восприемлетъ души велику ползу. Ярославъ же сей, якоже рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ, и многи написавъ положи въ святѣй Софѣи церкви, юже созда самъ; украси ю златомъ и серебромъ и сосуды церковными, въ ней же обычныя пѣсни Богу въздають въ годы обычныя. И нынѣ церкви ставляше по градомъ и по мѣстамъ, поставляя поны и дая имъ отъ имѣнья своего урокъ¹⁾ веля имъ учить люди, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ, и приходити часто къ церквамъ; и умножися прозвутерии людье хрестіянъстии. Радовашеся Ярославъ, виня множество церквей и люди хрестіянъ, зѣло, а врагъ сѣтовашеться, побѣждаемъ новыми людьми хрестіянъскими.

1043. Въ лѣто 6551. Посла Ярославъ сына своего Володимера на Грькы, и вда ему вой многи, а воеводство поручи Вышатѣ, отцю Яневу. И поиде Володимеръ въ лодяхъ, и придоша въ Дунай, и поидоша ко Цесарюграду; и бысть буря ве-

¹⁾ Т. е. уреченное, назначенное.

лика, и разби корабли Руси, и князь корабль разби и взя князя в корабль Иванъ Творимиричъ, воевод славль. Прочіи же вой Володимери вывержени быша и числомъ 6000, и хотящемъ поити въ Русь, и не идяше с ними никтоже отъ дружины княжее. И рече Вышата: „азъ поиду съ ними;“ и высѣде ис корабля къ нимъ, рече: „аще живъ буду, то съ ними, аще погину, то съ дружиною.“ И поидоша хотяще въ Русь. И бысть вѣсть Грькомъ, яко избило море Русь, и посла царь, именемъ Мономахъ, по Руси оладій 14 Володимеръ же видѣвъ съ дружиною, яко идуть по немъ, вспятивъся изби олады Грьчскыя, и възвратися въ Русь, всѣдше въ корабль своѣ. Вышату же яша съ изверженными на брегъ, и приведоша я Цесарюграду, и слѣпниша Руси много; по трехъ же лѣтъхъ миру бывшу, пущенъ бысть Вышата въ Русь къ Ярославу. Въ си же времена вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и вдасть Кизимиръ за вѣно людій 8 сотъ, яже бѣ полонилъ Болеславъ, побѣдивъ Ярослава.

1044. Въ лѣто 6552. Выгребоша 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святослава, и крестѣша крестомъ ею, и положиша я въ церкви святыя Богородица. Въ се же лѣто умре Брячиславъ, сынъ Изяславъ, внукъ Володимеръ, отецъ Всеславъ, и Всеславъ, сынъ его, сѣде на столѣ его, его же роди мати отъ вѣлхванья, матери бо родивши его, бысть ему язвено на главѣ его, рекоша бо волсви матери его: „се язвено навязи на нь, да носить е до живота своего,“ еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ; сего ради немилостивъ есть на кровъпролитѣ.

1045. Въ лѣто 6553. Заложилъ Володимеръ святую Софью Новѣгородѣ.

1051. Въ лѣто 6559. Поставилъ Ярославъ Ларіона¹⁾ митрополитомъ Руси въ святѣй Софѣи, собравъ епископы. И се да скажемъ, чего ради прозвася Печерскій монастырь: Бо-

¹⁾ По народному, вм. Иларіонъ.

голюбивому князю Ярославу любящу Берестовое, и церковь ту сущую Святыхъ Апостолъ, и попы многи набдящю, въ нихъ же бѣ презвутерь, именемъ Ларіонъ, мужъ благъ, книженъ и постникъ; и хожаше съ Берестоваго¹⁾ на Днѣпръ, на холмъ, кдѣ нынѣ ветхый монастырь Печерскій, и ту молитву творяше, бѣ бо ту лѣсъ великъ. Ископа печерку малу, двусажену, и приходя съ Берестового, отпѣваше часы и моляшеся ту Богу втайнѣ. Посемъ же Богъ князю вложи въ сердце, и постави и митрополитомъ въ святѣй Софѣи, а си печерка тако оста. И не по мнозѣхъ днѣхъ бѣ нѣкий человекъ, именемъ мирьскимъ отъ града Любча²⁾; и възложи сему Богъ въ сердце въ страну ити³⁾; онъ же устремися въ Святую Гору⁴⁾, и видѣ ту монастыря сущая, и обиходивъ, възлюбивъ чернецьскій образъ, приде въ монастырь ту, и умоли игумена того, дабы на нь възложилъ образъ мнишьскій. Онъ же послушавъ его, постриже и, нарекъ имя ему Антоній, наказавъ его и научивъ чернецьскому образу, и рече ему: „иди въ Русь опять, и буди благословеніе отъ Святыхъ Горы, яко отъ тебе мнози черньци быти имуть;“ благослови и и отпусти его, рекъ ему: „иди съ миромъ“. Антоній же приде Киеву, и мысляше, кдѣ бы жити; и ходи по монастыремъ, и не възлюби, Богу не хотящю; и поча ходити по дебремъ и по горамъ, ища кдѣ бы ему Богъ показалъ; и приде на холмъ, идѣже бѣ Ларіонъ ископалъ печерку, и възлюби мѣсто се, и вселися въ не, и нача молитися Богу со слезами, глаголя: „Господи! утверди мя въ мѣстѣ семъ, и да будетъ на мѣстѣ семъ благословеніе Святыхъ Горы и моего игумена, иже мя постригль“. И поча жити ту, моля Бога, ядый хлѣбъ сухъ, и то чересь день, и воды въ мѣру вкушая, копая печеру, и не да собѣ упокою

¹⁾ Берестово или Берестовъ, мѣстечко по Днѣпру, ниже Кіева, съ княжескимъ дворцомъ.

²⁾ Антипъ.—Любечъ городъ на лѣвомъ берегу Днѣпра.

³⁾ Т. е. странствовать.

⁴⁾ Авонскую.

день и ночь, въ трудѣхъ пребывая, въ бдѣннѣи и въ молитвахъ. Посемъ же увѣдѣша добріи человекъ, и приходяху къ нему, приносяще же ему, еже на потребу бѣ, и прослу якоже великій Антоній: приходяще къ нему просяху у него благословенія. Посемъ же преставльшюся великому князю Ярославу, пріа власть сынъ его Изяславъ, и сѣде Кіевѣ. Антоній же прославленъ бысть въ Русьскѣй земли; Изяславъ же увѣдѣвъ житѣе его, приде съ дружиною своею, прося у него благословенія и молитвы. И увѣданъ бысть всѣми великій Антоній и чтимъ, и начаша приходити къ нему братья и нача пріимати и постригати я; и собрася братьи къ нему числомъ 12; и ископаша печеру велику, и церковь, и кельи, яже суть и до сего дне въ печерѣ подъ ветхымъ монастыремъ. Совѣкупленѣ же братьи, рече имъ Антоній: „се Богъ васъ, братья, совокупи, и отъ благословенія есте Святыхъ Горы, имъ же мене постриже игумень Святыхъ горы, а язъ васъ постригалъ; да буди благословеніе на васъ первое отъ Бога, а второе отъ Святыхъ Горы;“ и се рекъ имъ: „живѣте же особѣ, и поставлю вы игумена, а самъ хочу въ ону гору ити единъ, якоже и преже бяхъ обыклъ, уединився (*жити*)“. И постави имъ игуменомъ Варлама, а самъ иде въ гору и ископа печеру, яже есть подъ новымъ монастыремъ, въ ней же сконча животъ свой, живъ въ добродѣтели, не выходя изъ печеры лѣтъ 40 никдаже, въ ней же лежатъ мощѣ его и до сего дне. Братья же съ игуменомъ живяху въ печерѣ, и умножившимся братьи въ печерѣ, и не имущимъ вмѣстити, и помыслиша поставити внѣ печеры монастырь; и приде игумень и братья ко Антонию, и рекоша ему: „отче! умножилось братьѣ, а не можемъ ся вмѣстити въ печеру; да бы Богъ повелѣлъ и твоя молитва, да быхомъ поставили церковьцю внѣ печеры;“ и повелѣ имъ Антоній. Они же поклониса ему, и поставиша церковьцю малу надъ пещерою во имя святыхъ Богородица Успеніе. И нача Богъ умножати черноризцѣ, молитвами святыхъ Богородица, и свѣтъ створиша братья со игуменомъ по-

ставити монастырь; и идоша братья ко Антоню и рѣша: „отче! братья умножаются, а хотѣли быхомъ поставити монастырь“. Антоній же радъ бывъ, рче: „благословенъ Богъ о всемъ, и молитва святѣя Богородица и сущихъ отецъ иже в Святѣй Горѣ да будетъ съ вами“. И се рекъ, посла единого отъ братьѣ ко Изяславу князю, река тако: „княже мой! се Богъ умножаетъ братю, а мѣстыце мало; да бы ны далъ гору ту, яже есть надъ печерою;“ Изяславъ же слышавъ и радъ бысть, посла мужъ свой, и вда имъ гору ту. Игумень же и братья заложиха церковь велику и монастырь огородиша столпеемъ, кельѣ поставиха многы, церковь свершиша и иконами украсиша. И оттолѣ почася Печерский монастырь, имже бѣша жили чернцы прежде въ печерѣ, а отъ того прозвася Печерский монастырь; есть же монастырь Печерский отъ благословенія Святѣя Горы пошелъ. Манастиреви же свершену, игуменьство держащу Варламови, Изяславъ же постави монастырь святаго Дмитрія, и выведе Варлама на игуменьство къ святому Дмитрію, хотя створити вышній сего монастыря, надѣяся богатству. Мнози бо монастыри отъ цесарь и отъ бояръ и отъ богатства поставлени, но не суть таци, каки суть поставлени слезами, пощеньемъ, молитвою, бдѣньемъ; Антоній бо не имѣ злата, ни сребра, но стяжа слезами и пощеньемъ, якоже глаголахъ. Варламу же шедъшу къ святому Дмитрію, совѣтъ створше братья, идоша къ старцю Антоню и рекоша: „постави намъ игумена“. Онъ же рече имъ: „кого хотите?“ Они же рѣша: „кого хочеть Богъ и ты“. И рече имъ: „кто болій въ васъ, акъ же Федосій, послушливый, кроткій, смѣренный; да съ будетъ вамъ игумень“. Братья же ради бывше, поклонихася старцю, и поставиха Феодосія игуменомъ братьѣ, числомъ 20. Феодосиеви же приѣмшу монастырь, почта имѣти въздержанье, и велико пощенье, и молитвы съ слезами, и совокупляти нача многы черноризцы, и совокупи братьѣ числомъ 100. И нача искати правила чернечскаго, и обрѣтесе тогда Михаилъ чернецъ монастыря Студійскаго, иже бѣ пришелъ

изъ Грекъ съ митрополитомъ Георгіемъ, и нача у него искати устава чернецъ Студійскихъ; и обрѣтъ у него, и списка, и устави въ монастыри своемъ како пѣти пѣнѣя монастырская, и поклонъ какъ держати, и чтенѣя почитати, и стоянѣе въ церкви, и весь рядъ церковный и на трипезѣ сѣданье, и что ясти въ кѣя дни, все съ уставленьемъ. Феодосій все то изобрѣтъ, предасть монастырю своему; отъ того же монастыря переяша вси манастиреве уставъ: тѣмже почтенъ есть монастырь Печерский старѣе всѣхъ. Феодосиеви же живуцѣ въ монастыри, и правящѣ добродѣтельное житѣе и чернечское правило, и приимающѣ всякого приходящаго къ нему, къ нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и пріять мя лѣтъ ми сущю 17 отъ роженія моего. Се же написахъ и положихъ, въ кое лѣто почалъ быти монастырь и что ради зоветься Печерский; а о Феодосевѣ житіи паки скажемъ.

1052. Въ лѣто 6560. Преставися Володимерь, сынъ Ярославль старѣй, Новѣгородѣ, и положенъ бысть въ святѣй Соѣби, юже бѣ самъ создалъ.

1053. Въ лѣто 6561. У Всеволода родися сынъ, и нарече имя ему Володимерь, отъ царицѣ Гръкынѣ.

1054. Въ лѣто 6562. Преставися великій князь Русьскій Ярославль. И еще бо живуцѣ ему, наряди сыны своя, рекъ имъ: „се азъ отхожу свѣта сего, сынове мои; имѣйте въ собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере; да аще будете въ любви межю собою, Богъ будетъ въ васъ, и покорить вы противныя подъ вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще, въ распряхъ и которающесе, то погыбнете сами, и погубите землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, юже налѣзоша трудомъ своимъ великимъ; но пребывайте мирно, послушающе братъ брата. Се же поручаю въ собѣ мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кыевъ, сего послушайте, якоже послушасте мене, да той вы будетъ в мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимерь,

а Вячеславу Смолинескъ“. И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни сгонити, рекъ Изяславу: „аще кто хочеть обидѣти брата своего, то ты помогай, его же обидять;“ и тако уряди сыны своя пребывати въ любви. Самому же болну сущю и пришедшу Вышегороду, разболѣся велми, Изяславу тогда сущю Новгородѣ, а Святославу Володимери, Всеволоду же тогда сущю у отца, бѣ бо любимъ отцемъ паче всея братѣи, его же имяше присно у собе. Ярослав же приспѣ конецъ житѣя, и предасть душу свою Богу въ субботу 1 поста святаго Феодора: Всеволодъ же спрята тѣло отца своего, възложыше на сани везоша и Киеву, попове поюще обычныя пѣсни, плакашася по немъ людѣе; и принесше положиша и въ рацѣ мороморянѣ, въ церкви святое Сооѣ, и плакася по немъ Всеволодъ и людѣе вси. Живе же всѣхъ лѣтъ 70 и 6.

Начало княженѣя Изяславля Киевѣ. Пришедъ Изяславъ сѣде Киевѣ, Святославъ Черниговѣ, Всеволодъ Переяславли, Игорь Володимери, Вячеславъ въ Смолинскѣ. Въ се же лѣто иде Всеволодъ на Торкы зимѣ к Воиню и побѣди Торкы. Въ семъ же лѣтѣ приходи Болушъ съ Половци, и створи Всеволодъ миръ съ ними, и возвратишася Половци вспять, отнюду же пришли...

1060. Въ лѣто 6568. Преставися Игорь, сынъ Ярославль. Въ семъ же лѣтѣ Изяславъ, и Святославъ, и Всеволодъ, и Всеславъ совокупиша вой бещислены, и поидоша на конихъ и въ лодяхъ, безчислено множество, на Торкы. Се слышавше Торци, убояшася, пробѣгоша и до сего дне, и помроша бѣгающе, Божьимъ гнѣвомъ гоними, ови отъ зимы, друзи же гладомъ, ини же моромъ и судомъ Божьимъ. Тако Богъ избави хрестѣяны отъ поганыхъ.

1061. Въ лѣто 6569. Придоша Половци первое на Русскую землю воевать, Всеволодъ же изиде противу имъ, мѣсяца февраля въ 2 день; и бившимся имъ, побѣдиша Всеволода, и воевавшие отъидоша. Се бысть первое зло отъ поганыхъ и безбожныхъ врагъ. Бысть же князь ихъ Искаль.

1064. Въ лѣто 6572. Бѣжа Ростиславъ Тмутороканю, сынъ Володимеръ, внукъ Ярославль¹⁾, и с нимъ бѣжа Порей и Вышата, сынъ Остромиръ воеводы Новгородского; и пришедъ выгна Глѣба изъ Тмуторокана, а самъ сѣде в него мѣсто.

1065. Въ лѣто 6573. Иде Святославъ на Ростислава къ Тмутороканю, Ростиславъ же отступи кромѣ изъ града, не убоявѣся его, но не хотя противу стрѣви своему оружѣя взяти. Святославъ же пришедъ Тмутороканю, посади сына своего пакы Глѣба, и възратися опять; Ростиславъ же пришедъ, пакы выгна Глѣба, и приде Глѣбъ къ отцу своему, Ростиславъ же сѣде Тмуторокани. Въ се же лѣто Всеславъ ратѣ почаль. Въ си же времена бысть знаменѣе на западѣ, звѣзда превелика, лучѣ имущи акы кровавы, възходящи съ вечера по заходѣ солнечнѣмъ, и пребысть за 7 днѣй. Се же проявляше не на добро, по семъ бо быша усобицѣ многи и нашествіе поганыхъ на Русскую землю, си бо звѣзда бѣ акы кровава, проявляющи кровипролитѣ.... Предъ симъ же временемъ и солнце премѣнися, и не бысть свѣтло, но акы мѣсяцъ бысть, его же невѣгласи глаголютъ снѣдаему сущю. Се же бывають сица знаменѣя не на добро, мы бо по сему разумѣмъ, яко же древле, при Антиосѣ, въ Иерусалимѣ случися внезапно по всему граду за 40 днѣй являтися на въздухѣ на конихъ рищущимъ, въ оружѣи, златы имуща одежѣ, и полки обоявляемы, и оружьемъ двизающимся: се же проявляше нахоженѣе Антиохово на Иерусалимъ. Посемъ же при Неронѣ цесари въ томъ же Иерусалимѣ восія звѣзда, на образъ копійный, надъ градомъ: се же проявляше нахоженѣе рати отъ Римлянъ. И паки сице же бысть при Устиньанѣ цесари, звѣзда восія на западѣ, испущающи луча, юже прозываху блистаницею, и бысть блистающи днѣй 20, посемъ же бысть звѣздамъ теченѣе, съ вечера до заутрѣя, яко мнѣти всѣмъ,

¹⁾ Здѣсь во всѣхъ трехъ спискахъ пропускъ 3-хъ строкъ, восполняемыхъ изъ Ипатскаго списка.

яко падають звѣзды, и пакы солнце безъ лучъ сляше: се же проявляше крамолы, недужи челоуѣкомъ умертвіе баше... Посемъ же бысть при Костянтинѣ иконоборци цари, сына Леонова: теченіе звѣздное бысть на небѣ, отторваху бо ся на землю, яко видящимъ мнѣти кончину; тогда же въздухъ възліяся повелику; въ Суріи же бысть трусь великъ, земля разсѣдшися трій попришь, изиде дивно изъ земли мѣска, челоуѣчьскимъ гласомъ глаголющи и проповѣдаючи нантъ языка, еже и бысть: наидоша бо Срацини на Палестиньскую землю. Знаменья бо въ небеси, или звѣздахъ, ли солнци, ли птицами, ли етеромъ чимъ, не на благо бывають; но знаменья сїця на зло бывають, ли проявленіе рати, ли гладу, ли смерть проявляють.

1066. Въ лѣто 6574. Ростиславу сущю Тмуторокани и емлющю дань у Касогъ и въ инѣхъ странъ, сего же убоавшеся Грѣци, послаша съ лестью котопана; оному же пришедшю къ Ростиславу и вѣрившюся ему, чтяшетъ и Ростиславъ. Единоу же пьющю Ростиславу съ дружиною своею, рече котопанъ: „княже! хочу на тя пити;“ оному же рекшю: „пій.“ Онъ же испивъ половину, а половину дасть князю пити; дотиснувъся пальцемъ въ чашю, бѣ бо имѣя подъ ногтемъ раствореніе смертное, и вдасть князю, урекъ смерть до днѣ семаго. Оному же испившю, котопанъ же пришедъ Корсуню повѣдаше, яко въ сїй день умереть Ростиславъ, якоже и бысть; сего же котопана побивша каменемъ Корсуньстїи людье. Бѣ же Ростиславъ мужъ добль, ратенъ, възрастомъ же лѣпъ и красенъ лицомъ, и милостивъ убогымъ; и умре мѣсяца февраля въ 3 день, и тамо положенъ бысть въ церкви святїа Богородица.

1067. Въ лѣто 6575. Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславъ, Полоцкій, и зая Новѣгородъ; Ярославичи же тріе, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, совокупивше вои, идоша на Всеслава, зимѣ сущи велицѣ. И придоша ко Мѣньску¹⁾, и Мѣняне за-

¹⁾ Городъ Минскъ.

творишася въ градѣ; си же братья взяша Мѣнескъ, и исѣкоша мужѣ, а жены и дѣти вдаша на щиты, и поидоша къ Немизѣ, и Всеславъ поиде противу. И совокупишася обои на Немизѣ, мѣсяца марта въ 3 день, и баше снѣгъ великъ, и поидоша противу собѣ; и бысть сѣча зла, и мнози падоша, и одолѣша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Всеславъ же бѣжа. Посемъ же, мѣсяца іуля въ 10 день, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, цѣловавше крестъ честный къ Всеславу, рекше ему: „приди къ намъ, яко не створимъ ти зла“; онъ же надѣявъся цѣлованью креста, переѣха въ лоды черезъ Днѣпръ. Изяславу же въ шатеръ предъидушю, и тако яша Всеслава на Рши у Смолинська, преступивше крестъ. Изяславъ же приведе Всеслава Кіеву, всади и въ порубъ съ двѣма сынома.

1068. Въ лѣто 6576. Придоша иноплеменици на Руську землю, Половцы мнози, Изяславъ же, и Святославъ и Всеволодъ изидоша противу имъ на Лѣто; и бывши нощи, подѣидоша противу собѣ, грѣхъ же ради нашихъ пусти Богъ на ны поганья, и побѣгоша Русьскїи князи, и побѣдиша Половцы. (Наводитъ бо Богъ по гнѣву своему иноплеменики на землю, и тако скрушеннымъ имъ въспоманутся къ Богу; усобная же рать бываетъ отъ соблажненія дьявола. Богъ бо не хочетъ зла чѣлоуѣкомъ, но блага; а дьяволъ радуется злему убійству и кровипролитію, подвизая свары и зависти, братоненавидѣніе, клеветы. Земли же согрѣшивши которѣи любо, казнить Богъ смертію, ли голодомъ, ли наведеніемъ поганыхъ, ли ведромъ¹⁾, ли гусеницею, ли инѣми казньми, аще ли покаявшеся будемъ, въ немъ же ны Богъ велитъ жити, глаголетъ бо Пророкомъ намъ: обратитесь ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, постомъ и плачемъ. Да аще сїце створимъ, всѣхъ грѣхъ прощени будемъ: но мы на злое възвращаемся, акы свинья въ калѣ грѣховнѣмъ присно калющеся, и тако пребываемъ. Тѣмже Пророкомъ намъ гла-

¹⁾ Во всѣхъ др. сп. кромѣ Л., „вредомъ“.

голетъ: разумѣхъ, рече, яко жестоко еси, и шія желѣзная твоя, того ради удержакъ отъ васъ дождь, предѣлъ единъ одождихъ, а другаго не одождихъ, ише, и поразихъ вы зноемъ и различными казньми; то и тако не обратитесь ко мнѣ. Сего ради винограды вашѣ, и смоковье ваше, нивы и дубравы ваша истрохъ, глаголетъ Господь, а злобъ вашихъ не могохъ истерти; послахъ на вы различные болѣзни и смерти тяжкия, и на скоты казнь свою послахъ, то и ту не обратитесь, но рѣсте: мужаемся. Доколѣ не насытитесь злобъ вашихъ? Вы бо уклонистесь отъ пути моего, глаголетъ Господь, и соблазните многи; сего ради буду свидѣтель скорь на противныя,.... и на кленущаяся именемъ моимъ во лжу, и на лишающая мзды наймика, насильствующая сиротѣ и вдовици, и на укланяющая судъ кривѣ. Почто не въздержастесь въ грѣсѣхъ вашихъ, но уклонисте законы моя и не схранисте ихъ? Обратитесь ко мнѣ, и обращюся къ вамъ, глаголетъ Господь, и азъ отверзу вамъ хляби небесныя и отвращу отъ васъ гнѣвъ мой, дондеже все обилуетъ вамъ, и не имутъ изнемоги винограды ваши, ни нивы. Но вы отяжасте на мя словеса ваша, глаголюще: суетенъ работаяй Богу. Тѣмже усты чтутъ мя, а сердце ихъ далече отстоитъ мене; сего ради, ихже просимъ, не приедемъ: будетъ бо, рече, егда призовете мя, азъ же не послушаю васъ, взищете мене зли, и не обрящете; не всхотѣша бо ходити по путемъ моимъ, да того ради затворяется небо, ово ли злѣ отверзается, градъ въ дождя мѣсто пуская, ово ли мразомъ плоды узнабляя и землю зноемъ томя, нашихъ ради злобъ. Аще ли ся покаемъ отъ злобъ нашихъ, то акы чадомъ своимъ дасть намъ вся прошенъ, и отдождитъ намъ дождь ранъ и поздень, и наполнятся гумна ваша пшеницѣ, пролѣются точила винная и масляная, и въздамъ вамъ за лѣта, яже по-яша пружи, и хрустове, и гусениця; сила моя великая, юже послахъ на вы, глаголетъ Господь Вседержитель. Си слышаще, въстанемъ на добро, взищѣте суда, избавите обидаго, на покаянне придемъ, не въздающе зла за зло, ни

клеветы за клевету, но любовью прилѣпимся Господи Божѣ нашему, постомъ и рыданьемъ и слезами омывающе вся прегрѣшенъ наша, не словомъ нарицающеся хрестъяни, а поганьскы живуще. Се бо не погански ли живемъ, аще усрѣсти вѣрующе? Аще бо кто усрящеть черноризца, то възращается, ли единецъ, ли свинью; то не поганьски ли се есть? Се бо по дьяволу наученю кобъ сію держать; друзи же и заковыханью вѣрують, еже бываетъ на здравье главѣ. Но сими дьяволъ льститъ, и другими нравы, всячьскыи лѣстми превабляя ны отъ Бога, трубами и скоморохы, гуслими и русальи. Видимъ бо игрища утолочена, и людѣй много множество на нихъ, яко упихати начнутъ другъ друга, позоры дѣюще отъ бѣса замышленаго дѣла, а церкви стоятъ; егда же бываетъ годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви. Да сего ради казни приедемъ отъ Бога всяческия, и нахоженъе ратныхъ, по Божью повелѣнью приедемъ казнь грѣхъ ради нашихъ. Мы же на подлежащее паки възратимся. Изяславу же со Всеволодомъ Къеву побѣгшю, а Святославу Чернигову, и людье Къевстѣи прибѣгоша Къеву, и створиша вѣче на торговици, и рѣша, пославшеся ко князю: „се Половци росулися по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся съ ними“. Изяславъ же сего не послуша. И начаша людье говорити на воеводу на Коснячка; идоша на гору, съ вѣча, и придоша на дворъ Коснячковъ, и не обрѣтше его, стаха у двора Брячиславля и рѣша: „пойдемъ, посадимъ дружину свою изъ погреба“. И раздѣлишася надвое; половина ихъ иде къ погребу, а половина ихъ иде по мосту; си же придоша на княж дворъ. Изяславу же сѣдащу на сѣнехъ съ дружиною своею, начаша прѣгиса со княземъ. Стояще долѣ, князю же изъ оконца зрящю и дружинѣ стоящи у князя, рече Туки, братъ Чюдинъ, Изяславу: „видиши, княже, людье възвыли; послѣ, ать Всеслава блудуть“. И се ему глаголющю, другая половина людѣй приде отъ погреба, отворивше погребъ; и рекоша дружина князю: „се зло есть; послѣ ко Всеславу, ать призвавше лѣстью ко оконцю, пронзуть и мечемъ“. И не

послуша сего князь. Людѣ же кликнуша и идоша къ порубу Всеславу; Изяславъ же се видѣвъ, со Всеволодомъ побѣгоста съ двора, людѣ же высѣкоша Всеслава изъ поруба, въ 15 день сентября, и поставиша и средѣ двора князя; дворъ жъ князь разграбиша, безчисленное множество золота и серебра, кунами и бѣлью. Изяславъ же бѣжа въ Ляхы. Посемъ же Половцемъ воюющимъ по землѣ Русьстѣ, Святославу сущю Черниговѣ, и Половцемъ воюющимъ около Чернигова, Святославъ же собравъ дружины нѣколико, изиде на ня ко Сновьску. И узрѣша Половци идущъ полкъ, пристроишася противу; и видѣвъ Святославъ множество ихъ, и рече дружинѣ своей: „потягнемъ, уже намъ нелзѣ камо ся дѣти“, и удариша в конѣ; и одолѣ Святославъ въ трехъ тысячахъ, а Половецъ бѣ 12 тысячѣ, и тако бѣми, а друзи потопоша въ Снови, а князя ихъ яша руками, въ 1 день ноября, и възратися съ побѣдою въ градъ свой Святославъ. Всеславъ же сѣде Кыевѣ. Се же Богъ яви силу крестную, понеже Изяславъ цѣловавъ крестъ, и я и, тѣмже наведе Богъ поганыя, сего же явѣ избави крестъ честный. Въ день бо Въздвиженья Всеславъ вздохнувъ рече: „о кресте честный! понеже къ тобѣ вѣровахъ, избави мя отъ рва сего“.

1068. Въ лѣто 6577. Поиде Изяславъ с Болеславомъ на Всеслава, Всеславъ же поиде противу; и приде Бѣлугороду Всеславъ, и бывши нощи, утаивъся Кыянъ бѣжа из Бѣлугорода Полотьску. Заутра же видѣвши людѣ князя бѣжавша, възвратишася Кыеву, и створиша вѣче, и послашася къ Святославу и къ Всеволоду, глаголюще: „мы уже зло створили есмы князя своего прогнавши, а се ведетъ на ны Лядскую землю, а поидѣта в градъ отца своего; аще ли не хочета, то намъ неволя: зажегше градъ свой, ступимъ въ Гречьску землю“. И рече имъ Святославъ: „въ послевѣ к брату своему; аще придетъ на вы с Ляхы губити васъ, то въ противу ему ратью, не давѣ бѣ погубити града отца своего; аще ли хочеть с миромъ, то в малѣ придетъ дружинѣ“. И утѣшиста Кыяны. Святославъ же и Всеволодъ посласта къ Изя-

славу, глаголюща: „Всеславъ ти бѣжалъ, а не води Ляховъ Кыеву, противна бо ти нѣту; аще ли хочещи гнѣвъ имѣти и погубити градъ, то вѣси, яко нама жаль отня стола“. То стышавъ Изяславъ, остави Ляхы и поиде с Болеславомъ, мало Ляховъ поимъ; посла же предъ собою сына своего Мѣстислава Кыеву. И пришедъ Мѣстиславъ, исѣче Кияны, иже бѣша высѣкли Всеслава, числовъ 70 чади, а другыя слѣпиша, другыя же без вины погуби, не испытавъ. Изяславу же идущю къ граду, изидоша людѣ противу с поклономъ, и приаша князь свой Кыяне, и сѣде Изяславъ на столѣ своемъ, мѣсяца мая въ 2 день. И распуща Ляхы на покормъ, и избиваху Ляхы отай; и възвратися в Ляхы Болеславъ, в землю свою. Изяславъ же възгна торгъ на гору, и прогна Всеслава ис Полотьска, посади сына своего Мѣстислава Полотьскѣ; онъ же вскорѣ умре ту, и посади въ его мѣсто брата его Святослава, Всеславу же бѣжавшю.

1071. Въ лѣто 6579. Воеваша Половци у Растовьця и у Неятина. В се же лѣто выгна Всеславъ Святослава ис Полотьска. В се же лѣто побѣди Ярополкъ Всеслава у Голотичьска. В си-же времена приде волхвъ, прелщень бѣсомъ; пришедъ бо Кыеву глаголаше, сине повѣдая людемъ: яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречьскы земли на Руской, а Русьскѣй на Гречьской, и прочимъ землямъ измѣнитися; его же невѣгласи послушаху, вѣрнии же смеяхуться, глаголюще ему: „бѣсъ тобою играетъ на пагубу тобѣ“. Се же и бысть ему: въ едину бо нощь бысть безъ вѣсти. Бѣси бо подтокше на зло вводить, посемъ же насмисаются, ввергъше и в пропасть смертную, научивше глаголати, якоже се скажемъ бѣсовское наущенье и дѣйство. Бывши бо единою скудости в Ростовьстѣй области, вѣстаста два волхъва отъ Ярославля, глаголюща: „яко вѣ свѣтѣ, кто обилье держитъ“; и поидоста по Волзѣ, кдѣ придуча в погость, ту же нарекаста лучшиѣ жены, глаголюща, яко си жито держитъ, а си медъ, а си рыбы, а си скору. И привожаху к нима

сестры своя, матере и жены своя; она же в мечтѣ прорѣ-
завша за плечемъ, вынимаеа любо жито, любо рыбу и уби-
ваша многы жены, и имѣнне ихъ отъимаша собѣ. И при-
доста на Бѣлоозеро; и бѣ у нею людей инѣхъ 300. В се же
время приключися прити отъ Святослава дань емлющую Яне-
ви, сыну Вышатину; повѣдаша ему Бѣлозерци, яко два ку-
десника избила уже многы жены по Волхъзъ и по Шекснѣ, и
пришла еста сѣмо. Янъ же испытавъ, чья еста смерда, и
увѣдѣвъ, яко своего князя, пославъ к нимъ, иже около ею
суть, рече имъ: „выдайте волхва та сѣмо, яко смерда еста
моего князя“. Они же сего не послушаша. Янъ же поиде
самъ безъ оружья, и рѣша ему отроки его: „не ходи безъ
оружья, осоромятъ тя“; онъ же повелѣ взять оружья отро-
комъ, и бѣста 12 отрока съ нимъ, и поиде к нимъ к лѣ-
су. Они же стаа исполчившеся противу, Яневи же идущю
с топорцемъ, выступиша отъ нихъ 3 мужи, придоста къ
Яневи, рекуще ему: „вида идеши на смерть, не ходи“; оно-
му повелѣвшю бити я, к прочимъ же поиде. Они же су-
нушася на Яня, единъ грѣшися Яня топоромъ, Янъ же обо-
ротя топоръ удари и тыльемъ, повелѣ отрокомъ сѣчи я; они
ше бѣжаша в лѣсъ, убиша же ту попина Янева. Янъ же
вшедъ в градъ к Бѣлозерцемъ, рече имъ: „аще не имете
волхву сею, не иду отъ васъ и за лѣто“. Бѣлозерци же
шедше яша я, и приведоша я къ Яневи. И рече има: „что
ради погубиста толико человекъ“? Онѣма же рекшема: „яко
ти держать обилѣе, да аще истребивъ сихъ, будетъ гобино;
аще ли хочещи, то предъ тобою вынемѣе жито, ли рыбу,
ли ино что“. Янъ же рече: по истинѣ лжа то; створилъ
Богъ человекъ отъ землѣ, составленъ костями и жылами отъ
крове, нѣсть в немъ ничтоже, и не вѣсть никтоже, но токъ-
мо единъ Богъ вѣсть“. Она же рекоста: „вѣ вѣвѣ, како
есть человекъ створенъ“. Онъ же рече: „како“? Она же ре-
коста: „Богъ мывъся въ мовниці и вспотивъся, отерся
вѣхтемъ, и верже съ небесе на землю; и распрѣся сотона
съ Богомъ, кому въ немъ створити человекъ? и створи дѣя-

воль человекъ, а Богъ душу во нь вложи; тѣмже аще умереть
человекъ, в землю идетъ тѣло, а душа к Богу“. Рече
има Янъ: „поистинѣ прельстилъ васъ естъ бѣсъ; коему Богу
вѣруета“? Она же рекоста: „антихресту“. Онъ же рече има:
„то кдѣ естъ“? Она же рекоста: „сѣдять въ безднѣ“. Рече
има Янъ: „какой то Богъ, сѣдя въ безднѣ? то естъ бѣсъ,
а Богъ естъ на небеси, сѣдя на престолѣ, славимъ отъ ан-
гелъ, иже предстоять ему со страхомъ, не могуще на нь
зрѣти; сихъ бо ангелъ сверженъ бысть, егоже вы глаголета
антихрестъ, за величанье его низъверженъ бысть съ небесе,
и естъ въ безднѣ, якоже то вы глаголета, жда, егда придетъ
Богъ съ небесе, сего имъ антихреста свяжеть узами и поса-
дить и, емъ его съ слугами его и иже къ нему вѣрують;
вама же и сде муку пріяти отъ мене, и по смерти тамо“.
Онѣма же рекшема: „нама бози повѣдають, не можеши нама
створити ничтоже“. Онъ же рече има: „лжють вама бози“.
Она же рекоста: „нама стати предъ Святославомъ, а ты не
можещи створити ничтоже“. Янъ же повелѣ бити я, и по-
торгати брадѣ ею. Сима же тепенома и брадѣ ею поторганѣ
проскѣпомъ, рече има Янъ: „что вама бози молвять“? Онѣма
же рекшема: „стати намъ предъ Святославомъ“. И повелѣ
Янъ вложить рубль въ уста има, и привязати я къ упругу,
и пусти предъ собою лодѣ, и самъ по нихъ иде. Стаа на
устыи Шексны, и рече има Янъ: „что вамъ бози молвять“?
Она же реста: „сице нама бози молвять, не быти нама жи-
вымъ отъ тобѣ“. И рече има Янъ: „то ти вама право повѣ-
дали“. Она же рекоста: „но аще на пустиши, много ти
добра будетъ; аще ли наю погубиши, многу печаль примещи
и зло“. Онъ же рече има: „аще ваю пушю, то зло ми бу-
детъ отъ Бога; аще ль васъ погублю, то мзда ми будетъ“.
И рече Янъ повозникомъ: „ци кому васъ кто родинъ убьенъ
отъ сею“? Они же реша: „мнѣ мати, другому сестра, ино-
му роженъ“. Онъ же рече имъ: „мстите своихъ“. Они же
поимше, убиша я и повѣсиша я на дубѣ: отмъстѣе приим-
ша отъ Бога по правдѣ. Яневи же идущю домови, въ

другую ночь медвѣдь възлѣзъ; и угрызъ ею и снѣсть; а тако погыбнуста наущенемъ бѣсовскимъ, инѣмъ вѣдуща, а своя пагубы не вѣдуща. Аще ли быста вѣдала, то не быста пришла на мѣсто се, идеже ятома има быти; аще ли и ята быста, то почто глаголаста: „не умрети нама“, оному мыслящю убити я? Но се есть бѣсовское наущение; бѣси бо не вѣдять мысли человѣчскыя, но влагаютъ помыслъ въ чело-вѣка, тайны не свѣдуще. Богъ единъ свѣсть помышленья человѣчская, бѣси же не свѣдаютъ ничтоже, суть бо немощни и худи взоромъ. Яко и се скажемъ о взорѣ ихъ и о омраченіи ихъ. Въ си бо времена, въ лѣта си, приключися нѣкоему Новгородцю прити въ Чудь, и приде къ кудеснику, хотя волхвованья отъ него; онъ же, по обычаю своему, нача призывати бѣсы въ хramину свою. Новгородцю же сѣдашу на порозѣ тоя же хramины, кудесникъ же лежаше оцѣпѣвъ, и шибѣ имъ бѣсъ; кудесникъ же вставъ рече Новгородцю: „бози не смѣютъ прити, нѣчто имаши на собѣ, его же боятся“. Онъ же помянувъ на собѣ крестъ, и отшедъ постави кромѣ хramины тое: онъ же нача опять призывати бѣсы; бѣси же метавше имъ, повѣдаша, что ради пришелъ есть. Посемъ же поча прашати его: „что ради боятся его, его же се носимъ на собѣ креста?“ Онъ же рече: „то есть знаменье небеснаго Бога, его же наши бози боятся“. Онъ же рече: „то кацы суть бози ваши, кде живутъ?“ Онъ же рече: „въ безднахъ: суть же образомъ черни, крилаты, хвосты имущѣ, всходятъ же и подъ небо, слушающе вашихъ боговъ; ваши бо бози на небеси суть, аще кто умреть отъ вашихъ людѣй, то възносимъ есть на небо; аще ли отъ нашихъ умираетъ, то носимъ къ нашимъ богамъ въ бездну“. Якоже и есть: грѣшници бо въ адѣ суть, ждуще муки вѣчныя, а праведници въ небеснѣмъ жилищѣ водворяются со ангелы. Сица ти есть бѣсовская сила, и лѣпота, и немощь; тѣмъ же прелщаютъ человѣкы, веляще имъ глаголати видѣнья, являющася имъ несвершеннымъ вѣроу, являющася во снѣ, инѣмъ въ мечтѣ, и тако волхвуютъ наущенемъ бѣсовскимъ.

Паче же женами бѣсовская волѣшвенья бывають; искони бо бѣсъ жену прелсти, си же мужа, тако въ вси роди много волхвуютъ жены чародѣйствомъ, и отравоу, и инѣми бѣсовскими козньми. Но и мужи прелщени бывають отъ бѣсовъ невѣрнии, яко се въ первыя роды при апостолѣхъ бо бысть Симонъ волхвъ, иже творяше волѣшствомъ псомъ глаголати человѣчски, и самъ премѣняшется, ово старъ, ово молодъ ово ли и иного премѣняше во иного образъ, въ мечтаньи сице творяше; Анѣнии и Мамѣврий волѣшвенемъ чюдеса творяшеть противу Моисіюви, но вскорѣ не възмогоста противу Моисіюви; но и Конобъ творяше мечтанье бѣсовско, яко и по водамъ ходити, ина мечтанья творяше, бѣсомъ лстимъ, на пагубу собѣ и инѣмъ. Сицъ бѣ волхвъ всталъ при Глѣбѣ Новгородѣ; глаголетъ бо людемъ, творяся акы Богъ, многы прелсти, мало не всего града: глаголашеть бо, яко „провѣде вся“, и хуля вѣру хрестьянскую, глаголашеть бо: „яко переиду по Волхову предъ всѣми“. И бысть мятежъ въ градѣ, и вси яша ему вѣру, и хотяху погубити епископа; епископъ же вземъ крестъ и облекъся въ ризы, ста рекъ „иже хочеть вѣру яти волхву, то да идетъ за нь; аще ли вѣруеть кто, то ко кресту да идетъ“. И раздѣлишася надвое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа у епископа, а людье вси идоша за волхва; и бысть мятежъ великъ межи ими. Глѣбъ же возма топоръ подъ skutомъ, приде къ волхву и рече ему: „то вѣси ли, что утро хочеть быти, и что ли до вечера?“ Онъ же рече: „провѣде вся“. И рече Глѣбъ: „то вѣси ли, что ти хочеть быти днесъ?“ „Чюдеса велика створю“, рече. Глѣбъ же вынемъ топоръ, ростя и, и паде мертвъ, и людье разидошася; онъ же погыбе тѣломъ и душею, предавъся дьяволу.

1072. Въ лѣто 6580. Пренесоша святая стратотерница Бориса и Глѣба. Совокупившеся Ярославичи, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, митрополитъ иже тогда бѣ Георги, епископъ Петръ Переяславскій, Михайлъ Гургевскій, Θεодосій же игумень Печерскій, Софроній святаго Михаила игу-

мень, Германъ игумень святаго Спаса, Никола игумень Переславский, и вси игумени, и створше праздникъ, праздноваше свѣтло, преложиша я въ новую церковь, юже сдѣла Изяславъ, яже стоитъ и нынѣ. И взяше первое Бориса въ древянѣ рацѣ Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, взяше на рама своя понесоша, предъидущимъ черноризцемъ, свеща держаще въ рукахъ, и по нихъ дьякони съ кадилы, и по семъ презвитери, и по нихъ епископи съ митрополитомъ; по сихъ съ ракою идаху. И принесше въ новую церковь, отверзоша раку, исполнися благоуханья церкви, воня благи; видѣвше же се, прославиша Бога. И митрополита ужасъ обиде, бѣ бо нетвердъ вѣрою къ нима; и падъ ницъ, просяше прощенья. Цѣловаше мощи его, вложиша и въ раку камену. Посемъ же взяше Глѣба въ рацѣ каменѣ, вставиша на сани, и емше за ужа везоша и; яко быша въ дверехъ, ста рака, и не иде. И повелѣша народу възвати: „Господи помилуй“, и повезоша и; и положиша я мѣсяца мая 2 день. И отпѣвше литургію, обѣдаша братья на скупъ, каждо съ бояры своими, съ любовью великою. И бѣ тогда держа Вышегородъ Чюдинъ, а церковь Лазоръ. Посемъ же разидошася въсвоиши.

1073. Въ лѣто 6581. Въздвиже дьяволъ котору въ братьи сей Ярославичихъ. Бывши распри межи ими, быста съ себе Святославъ со Всеволодомъ на Изяслава; изиде Изяславъ изъ Кыева, Святославъ же и Всеволодъ внидоша въ Кыевъ, мѣсяца марта 22, и сѣдоша на столѣ на Берестовомъ, преступивша заповѣдь отню. Святославъ же бѣ начало выгнанью братню, желая болшее власти; Всеволода бо прелсти, глаголя: „яко Изяславъ сватится со Всеславомъ, мысля на наю; да аще его не варивѣ, иматъ насъ прогнати“; и тако возстри Всеволода на Изяслава. Изяславъ же иде въ Ляхы со имѣньемъ многымъ, глаголя: „яко симъ налѣзу вой“. Еже все взяша Ляхове у него, показавше ему путь отъ себе. А Святославъ сѣде Кыевѣ, прогнавъ брата своего, преступивъ заповѣдь отню, паче же Божью.... >

1074. Въ лѣто 6582. Θεодосій Игумень Печерський преста-
вися. Скажемъ же о успеньи его мало. Θεодосій бо обычай
имяше, приходящу постному времени, въ недѣлю Масленую,
вечеръ, по обычаю цѣловавъ братью всю и поучивъ ихъ,
кахо проводить постное время въ молитвахъ ношнихъ и
дневныхъ, блюстися отъ помыслъ скверныхъ, отъ бѣсовъ-
скаго насѣянья; „бѣси бо“, рече, „насѣвають черноризцемъ
помышленья, похотѣнья лукава, вжагающе ему помыслы, и
тѣми врежаеми бывають имъ молитвы; да приходящая тако-
вая мысли възбраняти знаменемъ крестнымъ, глаголюще
сице: Господи Исусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ,
аминь. И къ симъ воздержанье имѣти отъ многого брашна;
въ яденьи бо мнози и пити безмѣрни въздрастають помысли
лукави, помысломъ же въздрасъшимъ стваряется грѣхъ.
„Тѣмже“, рече, „противитесь бѣсовскому дѣйству и про-
нырству ихъ, блюстися отъ лѣности и отъ многого сна,
бодру быти на пѣнье церковное, и на преданья отечская,
и почитанья книжная; паче же имѣти въ устѣхъ Псалтырь
Давыдовъ подобаетъ черноризцемъ, симъ прогонити бѣ-
совское унынье, паче же имѣти въ собѣ любовь всѣмъ мен-
шимъ и къ старѣйшимъ покоренье и послушанье, старѣйшимъ
же къ меньшимъ любовь и наказанье, и образъ бывати собою
въздержаньемъ и бдѣньемъ, хоженемъ, и смѣренемъ; тако
наказывати меньшая, и утѣшати я: и тако проводить постъ“.
Глаголетъ бо сице: „яко Богъ далъ есть намъ 40 дний сія
на очищенье души; се бо есть десятина даема отъ лѣта
Богу: дний бо есть отъ года до года 300 и 60 и 5, а отъ
сихъ дний десятый день въздаяти Богови Десятину, еже есть
постъ 40-тний, въ ня же дни очистившися душа, празднуеть
свѣтло на Воскресенье Господне, веселящися о Бозѣ. Постное
бо время очищаетъ умъ чловѣку. Пощенье бо исперва про-
ображено бысть: Адаму первое не вкушати отъ древа еди-
ного; постивъбоя Моиси дний 40, сподобися пріяти законъ
на горѣ Синаистѣй, и видѣ славу Божью; постомъ Самоила
мати роди; постившися Ниневгитяне гнѣва Божья избыша;

постився Данилъ видѣнья велика сподобися; постився Илья акы на небо взять бысть, въ пищу породную; постившеся 3 отроки угасиша силу огнью; постився и Господь 40 днй намъ показа постное время; постомъ Апостоли искорениша бѣсовское ученье; постомъ явишася Отци наши акы свѣтила въ мѣрѣ, иже сіяють и по смерти, показавше труды великыя и вздержанье, яко се великій Антоній, и Еуѣимій, и Сава, и прочіи Отци, ихъ же мы поревнуемъ, братья“. И сие поучивъ братью, цѣлова вся по имени, и тако изидяше изъ монастыря, взимая мало коврижекъ; и вшедъ въ пещеру, и затворяше двери пещерѣ и засыпаше перстью, и не глаголаше никому; аще ли будяше нужное орудіе, то оконцемъ малымъ бесѣдоваше, въ субботу ли въ недѣлю, а во ины дни пребываше въ постѣ и въ молитвахъ, вздержася крѣпко. И приходяше въ монастырь въ пятокъ на канунъ Лазаревъ; въ сей бо день кончается постъ 40 днй, начинаемъ отъ перваго понедѣльника наставши Ѳеодоровы недѣли, кончается же ся въ пятокъ Лазаревъ; а страстная недѣля уставлена есть поститися страстій ради Господень. Ѳеодосіеви же пришедшу по обычаю братью цѣлова и празднова съ ними недѣлю Цвѣтную, и дошедъ велика дне Вскресенья, по обычаю празднова свѣтло, и впаде въ болѣзнь. Разболѣвшю бо ся ему и болѣвшю днй 5, посемъ бывшу вечеру, повелѣ изнести ся на дворъ; братья же взявше и на сани, поставиша и прямо церкви; онъ же повелѣ звати братью всю, братья же ударивше въ било, и собравшася вси. Онъ же рече имъ: „братья моя, и отци мои, и чада моя! се азъ отхожу отъ васъ, якоже яви ми Господь въ постное время, въ пещерѣ сущю ми, изити отъ свѣта сего; вы же кого хотите игуменомъ имѣти собѣ, да и азъ благословленье подалъ быхъ ему“? Они же рекоша: „ты еси намъ всѣмъ отецъ, да его же изволиши самъ, то намъ буди отецъ и игуменъ; и послушаемъ его яко и тебе“. Отецъ же нашъ Ѳеодосіе рече: „шедше кромѣ мене нарыцѣте, его же хотите, кромѣ двою брату Николы и Игната; въ прочихъ кого хотите отъ старѣйшихъ

и до меншихъ“. Они послушавше его, отступивше мало къ церкви, сдумавше послаша брата два, глаголюще сие: „его же изволить Богъ и твоя честная молитва, его же тобѣ любо, того нарци“. Ѳеодосій же рече имъ: „да аще отъ мене хотите игумена пріяти, то азъ створю вамъ не по моему изволенью, но по Божью строенью“; и нарече имъ Іакова пресвитера. Братья же нелюбо быти, глаголюще: „яко не здѣ есть пострижень“; бѣ бо Іаковъ пришелъ съ Летѣца съ братомъ своимъ Пауломъ. И начаша братья просити Стефана деместника, суща тогда ученика Ѳеодосіева, глаголюще: „яко сесѣ взрослъ есть подъ рукою твоею, и у тебе послужилъ есть; сего ны вдай“. Рече же имъ Ѳеодосій: „се азъ, по Божью повелѣнью, нареклъ бяхъ Іакова; се же вы свою волю створити хотите“. И послушавъ ихъ, предасть имъ Стефана, да будетъ имъ игуменъ; и благослови Стефана, и рече ему: „чадо! се предаю ти монастырь, блюди со опасеньемъ его, и яже устроишь въ службахъ, то держи; преданья монастырская и устава не измѣняй, но твори вся по закону и по чину монастырскому“. И посемъ взявше и братья, несомъ въ келью и положиша на одрѣ. И шестому дни наставшю, болну сущю велми, приде къ нему Святославъ съ сыномъ своимъ Глѣбомъ; и сѣдящема има у него, рече ему Ѳеодосій: „се отхожу свѣта сего, и се предаю ти монастырь на соблюдение, еда будетъ что смятенье въ немъ; и се поручаю игуменство Стефану, не дай его въ обиду“. Князь же цѣловавъ его, и обѣщася пещися монастыремъ, и иде отъ него. Седмому же дни пришедшу, призва Стефана и братью, уже изнаемающую, и нача имъ глаголати сие: „аще по моему отшествію свѣта сего, аще буду Богу угодилъ и пріялъ мя будетъ Богъ, то по моему отшествію монастырь ся начнетъ строити и прибывати въ немъ: то вѣжьте, яко пріялъ мя есть Богъ; аще ли, по моей смерти, оскудѣвати начнетъ монастырь черноризци и потребами монастырскими, то вѣдуще будете, яко не угодилъ есмь Богу“. И се ему глаголющю, плакахуся братья, глаголюще: „отче! молися за ны къ Богу;

вѣмы бо, яко Богъ труда твоего не презрѣть“. И пресѣдѣши братѣ ношъ ту у него, и наставшю дни осмому, въ 2 субботу по Пасцѣ, въ часть 2 дне, предасть душу въ руцѣ Божіи, мѣсяца мая въ 3 день, индикта въ 11 лѣто; плакашася по немъ братья. Бѣ же Θεодосій заповѣдалъ положити ся въ печерѣ, идѣже показа труды многы, рекъ сице: „въ ночь похороните тѣло мое“, якоже и створиша; вечеру бо приспѣвшю, братья всемше тѣло его, и положиша и въ печерѣ, проводивше съ пѣсньми, съ свѣщами, честно, на хвалу Богу нашему Иисусу Христу. Стефану же предрѣжащю монастырь, и блаженное стадо, еже бѣ совокупилъ Θεодосій, такы чернцѣ яко свѣтила въ Руси сѣють: ови бо бяху постници крѣпци, ови же на бдѣнье, ови на кланянье колѣньное, ови на пощенье чрезъ день и чрезъ два дни, ини же ядуше хлѣбъ съ водою, ини зелье варено, друзи сыро. Въ любви пребывающе, меншии покаяющеся старѣйшимъ и не смѣюще предъ ними глаголати, но все съ покореньемъ и съ послушаньемъ великимъ; такоже и старѣйшии имяху любовь къ меншимъ, наказашу, утѣшающе, яко чада възлюбленая. Аще который братъ въ етеро прегрѣшенъ впаде, утѣшаху и епитимью единаго брата раздѣляху 3 ли, 4, за великую любовь: такова бо бѣше любви въ братѣи той, и въздержанье велико. Аще братъ етеръ выидяше изъ монастыря, вся братья имяху о томъ печаль велику; посылаючи по нь, призываху брата къ монастырю, шедше вси кланяхуся игумену, и моляху игумена, и приимаху брата въ монастырь съ радостью. Таци бо бѣша любовници, и въздержники, и постници, отъ нихъ же намѣню нѣколько мужъ чюдныхъ. Яко се первый Демьянъ презвутерь: бѣше тако постникъ и въздержникъ, яко развѣ хлѣба ти воды ясти ему до смерти своя. Аще кто коли принесѣше дѣтишь боленъ, кацѣмъ либо недугомъ одержимъ принесяху въ монастырь, ли свершенъ чловѣкъ, кацѣмъ либо недугомъ одержимъ, приходяще въ монастырь къ блаженному Θεодосію: повелѣваше сему Дамьяну молитву створити болящему; и абѣ створяше молитву и масломъ по-

мазаше, и приимаху ицѣленъе приходящи къ нему. Разболѣвшю же ся и конецъ пріяти лежащю ему въ немощи; приде ангелъ къ нему въ образѣ Θεодосевѣ, даруя ему царство небесное за труды его; посемъ же приде Θεодосій съ братьею, и присѣдаху у него, оному же изнемогающю, възрѣвъ на игумена рече: „не забывай, игумене, еже ми еси общалъ“; и разумѣ великій Θεодосій, яко видѣнье видѣлъ, и рече ему: „брате Дамьянѣ! еже есмь общалъ, то ти буди“. Онъ же сомжаривъ очи, предасть духъ въ руцѣ Божіи; игумень же и братья похоронили тѣло его. Такъже бѣ и другой братъ, именемъ Еремія, иже помняше крещенъе землѣ Русьскыя. Сему бѣ даръ дарованъ отъ Бога: проповѣдаше предбудущая, и аще кого видяше въ помышленьи, обличаше и втайнѣ и наказаше блюстися отъ дьявола; аще который братъ умышляше ити изъ монастыря, и у раше и, пришедъ къ нему, обличаше мысль его и утѣшаше брата; аще кому что речаше, ли добро, ли зло, сбудяшется старче слово. Бѣ же и другой старецъ, именемъ Матѣй: бѣ прозорливъ. Единою бо ему стоящю въ церкви на мѣстѣ своемъ, възведъ очи свои, позрѣ по братѣи, иже стоятъ поюще по обѣмъ странама на крилосѣ, и видѣ обиходяща бѣса, въ образѣ Ляха, въ лудѣ, и носяща въ приполѣ цвѣтки, иже глаголется лѣпокъ. И обиходя подлѣ братью, взимая изъ лона лѣпокъ, вержаше на кого любо: аще прилняше кому цвѣтокъ въ поющихъ отъ братѣи, мало постоявъ и расслабленъ умомъ, вину створъ каку любо, изидяше ис церкви, шедъ въ келью, и усняше, и не възвратяшется въ церковь до отпѣтя; аще ли вержаше на другого, и не прилняше къ нему цвѣтокъ, стояше крѣпокъ въ пѣньи, дондеже отпояху утренюю, и тогда изидяше въ келью свою. Се же вида старецъ, повѣдаше братѣи своей. Пакы же видѣ старецъ се: по обычаю бо сему старцю отстоявшю утренюю, предъ зорями, идоша по кельямъ своимъ, съ же старецъ послѣ исхожаше ис церкви. Идущю же ему единою, сѣде опочивая подъ биломъ, бѣ бо келья его подалѣ церкви, видѣ се, яко толпа поиде отъ воротъ; възведъ очи свои, видѣ

сѣдяща на свиньи, а другія текуща около его. И рече имъ старецъ: „камо идете?“ и рече сѣдя на свиньи бѣсъ: „по Михалю по Тольбековича“. Старецъ же знаменася крестнымъ знаменемъ, и приде въ келью свою; яко бысть свѣтъ, и разумѣ старецъ, рече келейнику: „иди, вирашай, е ли Михаль въ кельи?“ и рѣша ему: „яко давѣ скочилъ есть со столпья по заутрени“. И повѣда старецъ видѣнье се игумену и брати. При семъ бо старци Θεодосій преставися, и бысть Стефанъ игумень и по Стефанѣ Никонъ, сему и еще сущю старцю. Единою ему стоящю на утрени, возведъ очи свои, хотя видѣти игумена Никона: и видѣ осла стояща на игумени мѣстѣ, и разумѣ, яко не всталъ есть игумень. Также и ина многа видѣнья провидѣ старецъ, и ночи въ старости добрѣ въ манастыри семъ. Яко се бысть другой черноризецъ, именемъ Исакій, якоже и еще сущю ему въ мѣрѣ, въ житиѣ мирьстѣмъ, и богату сущю ему, бѣ бо купецъ родомъ Торопечанинъ, и помысли быти мнихъ, и раздая имѣнье свое требующимъ и манастыремъ, и иде къ великому Антоню въ пещеру, моляся ему, дабы и створилъ черноризцемъ; и пріять и Антоній, и възложи на нь порты чернецьскыя, нарекъ имя ему Исакій, бѣ бо имя ему Чернь. Се же Исакій воспріять житѣ крѣпко: облече бо ся во власяницу, и повелѣ купити собѣ козелъ, и одро мѣхомъ козелъ и възвече на власяницу, и осше около его кожа сыра; и затворися въ пещерѣ, въ единой улицѣ, въ кельици малѣ, яко четыре лакоть, и ту моляше Бога со слезами; бѣ же ядъ его проскура едина, и та же черезъ день, воды въ мѣру пьашѣ. Приносяшетъ же ему великий Антоній, и подаваше ему оконцемъ, яко си вмѣсташе рука: тако пріимаше пищу. И того створи лѣтъ 7: на свѣтъ не вылазя, ни на ребрѣхъ не легавъ, но сѣдя мало пріимаше сна. И единою, по обычаю, наставшю вечеру, поча кланятися, поя псалмы, оли и до полунощья; яко трудяшется, сѣдѣше на сѣдалѣ своемъ. Единою же ему сѣдящю, по обычаю, и свѣщю угасившю, внезапно свѣтъ восья, яко отъ солнца въ пещерѣ, яко зракъ вынимая чловѣку; и поидоста 2 уно-

ши къ нему красна и блистаща лице ею акы солнце, и глаголаста къ нему: „Исакіе! въ есвѣ ангела, а се идеть къ тобѣ Христось; падъ поклонися ему“. Онъ же не разумѣ бѣсовскаго дѣйства, ни памяти прекреститися; выступивъ поклонися, акы Христу, бѣсовску дѣйству. Бѣси же кликнуша и рѣша: „нашъ еси, Исакіе, уже;“ введше и въ кельицю, и посадиша и, и начаша садитися около его, и бысть полна келья ихъ и улица пещерская. И рече единъ отъ бѣсовъ, глаголемый Христось: „възмѣте сопѣли, бубны и гусли, и ударяйте; атъ ны Исакій спляшетъ.“ И удариша въ сопѣли, въ гусли и въ бубны, начаша имъ играти; и утомивше и, оставиша и олѣ жива и отъидоша, поругавшеся ему. Заутра же бывшю свѣту и приспѣвшю вкушенью хлѣба, приде Антоній по обычаю къ оконцю, и глагола: „Господи благослови, отче Исакіе!“ и не бысть отвѣта; и рече Антоній: „се уже преставился есть“. И посла въ манастырь по Θεодосья и по братью. И откопавше, кде бѣ загражено устье, пришедше взяша и, мертвѣ мняще, и вынесше и положиша и предъ пещерою; и узрѣша яко живъ есть, и рече игумень Θεодосій: „яко се имать быти отъ бѣсовскаго дѣйства;“ и положиша и на одрѣ; и служаше около его Антоній. Въ си же времена приключися прити Изаславу изъ Ляховъ, нача гнѣватися Изяславъ на Антонья изъ Всеслава; и приславъ Святославъ, въ ночь поя Антонья Чернигову. Антоній же пришедъ къ Чернигову, възлюбѣ Болдины горы, ископавъ пещеру, ту ся всели; есть ту манастырь святое Богородицы, на Болдиныхъ горахъ, и до сего дни. Θεодосій же увѣдавъ, яко Антоній шель Чернигову, шедъ съ братьею взя Исакія, и принесе и къ собѣ въ келью и служаше около его; бѣ бо раслабленъ тѣломъ, яко не мощи ему обратитися на другую страну, ни встати, ни сѣдѣти, но лежаше на единой сторонѣ.... многажды и червѣе въкыняхуся¹⁾ подъ бедру ему. Θεодосій же самъ

¹⁾ Въ одномъ спискѣ „вмѣтахуся“. Миклошичъ читаетъ „выкиняхуся“.

своима руками омываше и спряташеть и; за 2 лѣта се сотвори около его. Се же бысть дивно, чюдно: яко за два лѣта лежа сій ни хлѣба не вкуси, ни воды, ни овоща, ни отъ какого брашна, ни языкомъ проглагола, но нѣмъ и глухъ лежа за два лѣта. Оеодосій же моляше Бога за нь, и молитву творяше надъ нимъ день и нощь, дондеже на 3-е лѣто проглагола, и слышати и на ноги нача вставати акы младенецъ, и нача ходити. И не брежаше церковъ ходити, нужею привлекахуть и къ церкви; и тако по-малу научиша и; и посемъ научися на трапезницу ходити, и посажаху и кромѣ братьи, и положилаху предъ нимъ хлѣбъ, и не възмаше его, но ли вложить въ руцѣ ему. Оеодосій же рече: „положите хлѣбъ предъ нимъ, а не вкладайте въ руки ему, атъ самъ ѣсть,“ и не бреже за недѣлю ясти, и помалу оглядавъся кусаше хлѣба, тако научися ясти. И тако избави и Оеодосій отъ козни дьяволя. Исакій же вспріять въздержанье пакы жестоко. Оеодосью же преставльшюся, и Стефану въ него мѣсто бывшую, Исакій же рече: „се уже прелстилъ мя еси былъ, дьяволе, сѣдяша на единомъ мѣстѣ; а уже не имамъ ся затворити въ пещерѣ, но имамъ тя побѣдити ходя въ монастырѣ.“ И облечеса въ власяницу, и на власяницу свиту вотоляну, и начаша уродство творити; и помагати поча поваромъ, варя на братью. И на заутреню ходя прежде всѣхъ, стояше крѣпко и неподвижно; егда же приспѣяше зима и мрази люти, стояше въ прибошняхъ въ черевьяхъ въ протоптанныхъ, яко примерзняшета нозѣ его къ камени, и не двигаше ногама, дондеже отпояху заутреню. И по заутрени идяше въ поварьницу, и приготоваше огонь, воду, дрова; и придаху прочіи повари отъ братьѣ. Единъ же поваръ такоже бѣ именемъ тѣмъ же Исакій, и и рече посмихаяся Исакію: „оно ти сѣдитъ вранъ черный, иди, ими, и“; онъ же поклонивъся ему до землѣ, шедъ я ворона и принесе ему предо всѣми повари, и ужасошася, повѣдаша игумену и братья; и начаша братья чтити и. Онъ же, не хотя славы человѣчьскыя, нача уродство творити, и пакостити нача ово игумену, ово братьи, ово мірьскимъ че-

ловѣкомъ, да друзіи раны ему даяху; и поча по міру ходити, такоже уродомъ ся творя. Вселися въ пещеру, въ ней же преже былъ, уже бо Антоній преставилсѣ; и совѣкупн къ собѣ унхъ, и вскладаше на нь порты чернечскыя, да ово отъ игумена Никона принимаше раны, ово отъ родителей тѣхъ дѣтскихъ, се же то все терпѣаше, принимаше раны и наготу, и студень, день и нощь. Въ едину бо нощь вжегъ пещь въ истопцѣ у пещеры: яко разгорѣся пещь, бѣ бо утла, и нача палати пламень утлизнами; оному же нѣчимъ заложити, вступль ногама босыма ста на пламени, дондеже изгорѣ пещь, излѣзе. И ина многа повѣдаху о немъ, а другое и самовидѣць быхъ. И тако взя побѣду на бѣсы, яко и мухы нивчтоже имяше страшенья ихъ, и мечтанья ихъ, глаголашеть бо къ нимъ: „аще мя бѣсте прельстили въ пещерѣ первое, понеже не вѣдахъ козний вашихъ и лукавства; нонѣ же имамъ Господа Иисуса Христа и Бога моего и молитву отца моего Оеодосья, надѣюся на Христа имамъ побѣдити васъ.“ Многажды бо бѣси пакости дѣяху ему, и глаголаху: „нашъ еси, и поклонился еси нашему старѣйшинѣ и намъ;“ онъ же глаголаше: „вашъ старѣйшина антихрестъ есть, а вы бѣсы есте“, и знаменаше лице свое крестнымъ образомъ: и тако исчезняху. Овогда же пакы въ нощи прихожаху къ нему, страхъ ему творяще въ мечтѣ, яко се многъ народъ съ мотыками, и лыскарѣ, глаголюще: „раскопаемъ пещеру сию, и сего загребемъ здѣ“; они же глаголаху: „бѣжи, Исакіе, хотятъ тя загresti“, онъ же глаголаше къ нимъ: „аще бысте человѣци были, то въ дие бы есте пришли, а вы есте тма, и во тмѣ ходите, и тма вы ятъ,“ и знамена я крестомъ, исчезнуша. Другоици бо страшахуть и въ образѣ медвѣжи, овогда же лютымъ звѣремъ, ово вѣломъ, ово змѣй полозяху къ нему, ово ли жабы, и мыши и всякъ гадъ. И не могоша ему ничтоже створити, и рѣша ему: „Исакіе! побѣдилъ еси насъ“. Онъ же рече: „якоже бѣсте мене вы первое побѣдили, въ образѣ Иисусъ Христовѣ и въ ангельстѣмъ, недостойни суще того видѣнья; но се по истѣнѣ является топерво въ образѣ звѣринѣмъ и скотѣмъ, и змѣями,

и гадомъ, аци же и сами есте, скверни, и зли видѣни;“ и абие погыбоша бѣси отъ него, и оттолѣ не бысть ему пакости отъ бѣсовъ, якоже самъ повѣдаше се: „яко се бысть ми за 3 лѣта брань си“. Потомъ поча жити крѣплѣ и въздержанье имѣти, пощенье, и бдѣнье; и тако живущю ему, скончаше житие свое. И разболѣся въ печерѣ, и несоша и болна в монастырь, и до осмаго дне о Господѣ скончаша; игумень же Іоанъ и братья спряташе тѣло его, и погребоша и. Тацити быша черноризци Θεодосьева монастыря, иже сияють и по смерти, яко свѣтила, и молять Бога за сдѣ сущюю братью, и за мирскую братью, и за приносящая въ монастырь, в немже и донинѣ добродѣтельное житие живутъ, обще вси вкупѣ, в пѣньи и в молитвахъ и послушаньи, на славу Богу всемогущему, и Θεодосьевыми молитвами соблюдаемы, ему же слава в вѣки, аминь.

1075. В лѣто 6583. Почата бысть церкви Печерская надъ основаньемъ Стефаномъ игуменомъ, изъ основанья бо Θεодосій почаль, а на основаньи Стефанъ поча; и кончана бысть на третее лѣто, мѣсяца юля 11 день. В се же лѣто придоша сии изъ Нѣмецъ къ Святославу, Святославъ же, величаяся, показа имъ богатство свое; они же видѣвши бесчисленное множество, злато, и сребро, и паволоки, и рѣша: „се ни въ чтоже есть, се бо лежитъ мертво; сего суть кметье луче, мужи бо ся доищють и болше сего“. Сие ся похвали Иезекий, царь Иудейскъ, къ посломъ цесаря Асурійска, его же вся взята быша в Вавилонъ: тако и по сего смерти все имѣнье разсыпаша разнѣ.

1076. Въ лѣто 6584. Ходи Володимерь, сынъ Всеволожъ, и Олегъ, сынъ Святославль, Ляхомъ въ помощь на Чехы. Сего же лѣта преставися Святославъ, сынъ Ярославль, мѣсяца декабря 27, отъ рѣзанья желве, и положенъ Черниговѣ у святаго Спаса; и сѣде по немъ Всеволодъ на столѣ, мѣсяца генваря въ 1 день.

1077. Въ лѣто 6585. Поиде Изяславъ с Ляхы, Всеволодъ же поиде противу ему. Сѣде Борисъ Черниговѣ мѣсяца мая

4 день, и бысть княженья его 8 дний, и бѣжа Тмутороканю къ Романови. Всеволодъ же иде противу брату Изяславу на Волынъ, и створиста миръ, и пришедъ Изяславъ сѣде Киевѣ, мѣсяца юля 15 день; Олегъ же, сынъ Святославль, бѣ у Всеволода Черниговѣ.

1078. Въ лѣто 6586. Бѣжа Олегъ, сынъ Святославль, Тмутороканю отъ Всеволода, мѣсяца априля 10. В се же лѣто убьенъ бысть Глѣбъ, сынъ Святославль, въ Заволочин; бѣ же Глѣбъ милостивъ убогимъ и страннолюбивъ, тщанье имѣя къ церквамъ, теплѣ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ; его же тѣло положено бысть Черниговѣ за Спасомъ, мѣсяца юля 23 день. Сѣдающю Святополку въ него мѣсто Новѣгородѣ, сыну Изяславу, Ярополку сѣдающю Вышегородѣ, а Володимеру сѣдающю Смолинскѣ, приведе Олегъ и Борисъ поганья на Русьскую землю, и поидоста на Всеволода съ Половци. Всеволодъ же изиде противу има на Съжицѣ, и побѣдиша Половци Русь, и мнози убьени быша ту: убьенъ бысть Иванъ Жирославичъ, и Туки, Чюдинъ братъ, Порѣй, и ини мнози, мѣсяца августа въ 25. Олегъ же и Борисъ придоста Чернигову, мняще одолѣвше, а землѣ Русскѣй много зла створше, проливше кровь хрестьянскую, ея же крове взищеть Богъ отъ руку ею, и отвѣтъ дати има за погубленна душа хрестьянскы. Всеволодъ же приде къ брату своему Изяславу Киеву, цѣловавшася и сѣдоста; Всеволодъ же исповѣда вся бывшая. И рече ему Изяславъ: „брате! не тужи; видиши ли, колико ся мнѣ склочи: первое, не выгнаша ли мене и имѣнье мое разграбиша? и паки, кую вину вторую створилъ бѣхъ, не изгнанъ ли бѣхъ отъ ваю брату своему? не блудилъ ли бѣхъ по чюжимъ землямъ, имѣнья лишенъ, не створихъ зла ничтоже? И нынѣ, брате, не туживъ; аще будетъ нама причастье въ Русскѣй земли, то обѣма; аще лишена будевъ, то оба; азъ сложю главу свою за тя“. И се рекъ, утѣши Всеволода, и повелѣ сбирати вой отъ мала до велика; и поиде Изяславъ съ Ярополкомъ, сыномъ своимъ, и Всеволодъ съ Володимеромъ, сыномъ своимъ. И поидоша къ

Чернигову, и Черниговци затворишася въ градѣ; Олегъ же и Борисъ не бяста. Черниговцемъ же не отворившимся, приступиша ко граду; Володимеръ же приступи ко вратомъ восточнымъ, отъ стреженій, и отъ врата и взяша градъ околнѣй, и пожгоша и, людемъ же вбѣгшимъ въ днѣшній градъ. Изяславъ же и Всеволодъ слышаста, яко идетъ Олегъ и Борисъ противу, Изяславъ же и Всеволодъ уранивши, поидоста отъ града противу Олгови. Рече же Олегъ къ Борисови: „не ходивѣ противу, не можевѣ стати противу чотыремъ княземъ; но послѣвѣ съ молбою къ стрѣма своимъ“. И рече ему Борисъ: „ты готова зри, азъ имъ противенъ всѣмъ“; похваливѣся велми, не вѣдый, яко Богъ гордымъ противится, смѣреннымъ даетъ благодать, да не хвалится сильный силою своею. И поидоста противу, и бывшимъ имъ на мѣстѣ у села на Нежатинѣ нивѣ, и сступившимся обоимъ, бысть сѣча зла: первое убиша Бориса, сына Вячеслава, похвалившася велми; Изяславу же стоящю въ пѣшчихъ, и внезапно приѣхавъ единъ, удари и копьемъ за плече; тако убьенъ бысть Изяславъ, сынъ Ярославъ. Продолжене бывъши сѣчи, побѣже Олегъ въ малѣ дружинѣ, и одва утече; бѣжа Тмутороканю. Убьенъ бысть князь Изяславъ мѣсяца октябрия въ 3 день; и взяше тѣло его, привезоша и въ лодыи и поставиша противу Городцю, изиде противу ему весь городъ Кыевъ, и възложивше тѣло его на сани повезоша и, съ пѣснми попове и черноризци понесоша и въ градъ, и не бѣ лѣзъ слышати пѣнья во плачи и величѣ вопли, плакабояся по немъ весь градъ Кыевъ; Ярополкъ же идяше по немъ, плачяся съ дружиною своею: „отче, отче мой! что еси пожилъ безъ печали на свѣтѣ семь, многы напасти примъ отъ людѣй и отъ братья своя? се же погыбе не отъ брата, но за брата своего положи главу свою“; и принесше положиша тѣло его въ церкви святыя Богородица, вложивъше и въ раку мраморяну. Бѣ же Изяславъ мужъ взоромъ красенъ и тѣломъ великъ, незлобивъ правомъ, криваго ненавидѣ, любя правду; не бѣ бо въ немъ лсти, но простъ мужъ умомъ, не

воздая зла за зло. Колико бо ему створиша Кіяне: самого выгнаша, а домъ его разграбиха, и не възда противу тому зла; аще ли кто дѣлетъ вы: „сѣчець исѣче“, то не съ то створи, но сынъ его. Паки же брата его прогнаста и, и ходи по чюжей земли, блудя; и сѣдящю ему паки на столѣ своемъ, Всеволоду пришедшю побѣжену къ нему, не рече ему: „колико отъ ваю пріяхъ“? не вдасть зла за зло, но утѣши, рекъ: елма же ты, брате мой, показа ко мнѣ любовь, введе мя на столъ мой и нарекъ мя старѣйшину собѣ, се азъ не помяну злобы первыя, ты ми еси братъ, а я тобѣ, и положю главу свою за тя“, еже и бысть; не рече бо ему: „колико зла створиста мнѣ, и се нынѣ тобѣ ся склочи“, не рече: „се кромѣ мене“; но на ся перея печаль братню, показая любовь велику, свершая Апостола, глаголюща: утѣшайте печальныя. По истинѣ, аще что створилъ есть въ свѣтѣ семь етеро согрѣшенъе, отдасться ему, занеже положи главу свою за брата своего, не желая болшее волости, ни имѣнья хотя болша, но за братню обиду. О сяковыхъ бо Господь рече: да кто положить душу свою за други своя. Соломонъ же рече: братья въ бѣдахъ пособива бываютъ, любви бо есть выше всего. Якоже Иоанъ глаголетъ: Богъ любви есть, пребывая въ любви, въ Бозѣ пребываетъ и Богъ въ немъ пребываетъ; о семь свершается любви, да достоянье имамы въ день скудный, да якоже онъ есть, и мы есмы въ мірѣ семь; боязни нѣсть въ любви, но свершена любви вонъ измещеть боязнь, яко боязнь мученье иматъ, бояжеса нѣсть свершенъ въ любви; аще кто речеть: люблю Бога, а брата своего ненавижу, ложъ есть, не любяй бо брата своего, его же видитъ, Бога, его же не видитъ, како можетъ любить? сію заповѣдь имамы отъ него, да любяй Бога любить брата своего. Въ любви бо все свершается: любви ради и грѣси разсыпаются, любви бо ради сниде Господь на землю и распятъ за ны грѣшныя, всемъ грѣхы наша, пригвоздися на крестѣ, давъ намъ крестъ свой на прогнанье ненависти бѣсовское; любви ради Мученици проляша крови своя; любви

же ради сій князь проля кровь свою за брата своего, свершая заповѣдь Господню. Всеволодъ же сѣде Кыевъ, на столѣ отца своего и брата своего, примъ власть Русьскую всю; и посади сына своего Володимера Черниговѣ, а Ярополка Володимери, придавъ ему Туровъ.

1079. Въ лѣто 6587. Приде Романъ съ Половци къ Воину, Всеволодъ же ста у Переяславля и створи миръ съ Половци; и вѣзвратися Романъ съ Половци вспять, и убиша и Половци мѣсяца августа 2 день. Суть кости его и доселѣ лежаще тамо, сына Святославля, внука Ярославля; а Ольга емше Козаре поточиша и за море Цесарюграду. Всеволодъ же посади посадника Ратибора Тмуторокани.

1080. Въ лѣто 6588. Заратишася Торци Переяславстїи на Русь, Всеволодъ же посла на ня сына своего Володимера; Володимеръ же шедъ побѣди Търкы.

1081. Въ лѣто 6589. Бѣжа Игоревичъ Давыдъ съ Володаремъ Ростиславичемъ, мѣсяца мая 18 день; и придоста Тмутороканю, и яста Ратибора, и сѣдоста Тмуторокани.

1082. Въ лѣто 6590. Осень умре, Половечьскый князь.

1083. Въ лѣто 6591. Приде Олегъ изъ Грекъ Тмутороканю, и я Давыда и Володаря Ростиславича, и сѣде Тмуторокани; и исѣче Козары, иже бѣша свѣтници на убьенъе брата его и на самого, а Давыда и Володаря пусти.

1084. Въ лѣто 6592. Приходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ день. Въ се же время выбѣгоста Ростиславича отъ Ярополка, и пришедше прогнаста Ярополка, и посла Всеволодъ Володимера, сына своего, и выгна Ростиславича, и посади Ярополка Володимери. Въ се же лѣто Давыдъ зая Грькы въ Олешы, и зая у нихъ имѣнъе; Всеволодъ же посла въ приведе и, и вда ему Дорогобужь.

1085. Въ лѣто 6593. Ярополкъ же хоташе ити на Всеволода, послушавъ злыхъ совѣтникъ; се увѣда Всеволодъ, посла противу ему сына своего Володимера, Ярополкъ же оставивъ мать свою и дружину Лучьскѣ, бѣжа въ Ляхы. Володимеру же пришедшю Лучьску, и вдашася Лучане; Во-

лодимеръ же посади Давыда Володимери, въ Ярополка мѣсто, а мать Ярополчю, и жену его, и дружину его приведе Кыеву, и имѣнъе вземъ его.

1086. Въ лѣто 6594. Приде Ярополкъ изъ Ляховъ, и створи миръ съ Володимеромъ, и иде Володимеръ вспять Чернигову, Ярополкъ же сѣде Володимери. И пересѣдѣвъ мало дний, иде Звенигороду; и не дошедшю ему града, и прободенъ бысть отъ проклятаго Нерадѣя, отъ дьяволя наученъ и отъ злыхъ чловѣкъ. Лежащю ему ту на возѣ, саблею съ коня прободе и, мѣсяца ноября въ 22 день; и тогда вѣздвигнувся Ярополкъ, выторгну изъ себе саблю, и возни великимъ гласомъ: „охъ, тотъ мя враже улови“. Бѣжа Нерадѣцъ треклятый Перемишлю къ Рюрикови, и Ярополка вземше отроци на конь передъ ся, Радъко, Вьнкина и инїи мнози, несоша и Володимерю, а оттуду Кыеву. Изиде противу ему благовѣрный князь Всеволодъ съ своимъ сынѣма, съ Володимеромъ и Ростиславомъ, и вси боляре, и блаженный митрополитъ Іоанъ съ черноризци и съ прозвутеры, и вси Кїяне великъ, плачь створиша надъ нимъ, со псалмы и пѣснми проводиша и до святаго Дмитрея, спрятавшие тѣло его, съ честию положиша и въ рацѣ мраморанѣ въ церкви святаго апостола Петра, яже бѣ самъ началъ здати преже, мѣсяца декабря въ 5 день. Многы бѣды примъ, безъ вины изгонимъ отъ братья своея, обидимъ, разграбленъ, прочее и смерть горкую прїять: но вѣчнѣй жизни и покою сподобися. Такъ баше блаженный съ князь тихъ, кроткъ, смѣренъ и братолюбивъ, десятину дая святѣй Богородици отъ всего своего имѣнъя по вся лѣта, и моляше Бога всегда, глаголя: Господи Боже мой! приими молитву мою, и дажь ми смерть, якоже двѣма братама моима, Борису и Глѣбу, отъ чюжею руку, да омыю грѣхы вся своею кровью, избуду суетнаго сего свѣта и мятежа, сѣти вражїи, его же прошенъя не лиши его благый Богъ, въспрія благая она, ихже око не видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце чловѣку не взиде, еже уготова Богъ любящимъ его.

1091. Въ лѣто 6599. Игумень и черноризци съвѣтъ створше, рѣша: „не добро есть лежати отцю нашему Θεодосѣви кромѣ монастыря и церкви своей, понеже то есть основаль церковь и черноризци совокупилъ“; съвѣтъ створше повелѣша устроити мѣсто, идѣже положити мощѣ его. И приспѣвшю празднику Успенья Богородицѣ, тремя деньми, повелѣ игумень рушити кдѣ лежать мощѣ его, отца нашего Θεодосѣя, его же повелѣнью быхъ азъ грѣшный первое самовидѣць, еже скажу, не слухомъ бо слышавъ, но самъ о семъ началникъ. Пришедшю же игумену ко мнѣ и рекшю ми: „пойдевъ въ пещеру къ Θεодосѣви“, азъ же пришедъ и со игуменомъ, не свѣдушю никому же, разглядавши, кудѣ копати, и знаменавши мѣсто, кдѣ копати, кромѣ устья. Рече же ко мнѣ игумень: „не мози повѣдати никому же отъ братѣ, да не увѣдаетъ никто же; но поими его же хочещи, да ти поможетъ“. Азъ же пристроихъ 7 днѣй рогаліе, ими же копати. И въ вторникъ, вечеръ, в суморокъ, пояхъ съ собою 2 брата, не вѣдушю никому же, придохъ въ пещеру и отпѣвъ псалмы, почыхъ копати; и утрудивъся вдахъ другому брату, копахомъ до полуночья, трудихомся, и не могуше ся докопати, начахъ тужити, еда како на страну копаемъ. Азъ же возьмъ рогалью, начахъ копати рамено, и другу моему опочивающю передъ пещерою, и рече ми: „ударивши въ било“; и азъ въ то чинъ прокопахъ на мощѣ Θεодосѣвы, оному глаголющю ко мнѣ: „ударивши въ било“; мнѣ же рекущю: „прокопахъ уже“. Егда же прокопахъ, обдержашеть мя ужасъ, и начахъ звати: Господи помилуй! О се чинъ же сѣдѣста 2 брата въ монастыри, еда игумень утаивъся, нѣскимъ пренесетъ его отай, къ пещерѣ зряща: егда ударивши въ било, видѣста 3 столпы ако дуги зарны, и стоявше придоша надъ верхъ церкви, идѣже положенъ бысть Θεодосій. Въ се же время видѣ Стефанъ, иже бысть въ него мѣсто игумень, въ се же время бысть епископъ, видѣ въ своемъ монастыри чрезъ поле зарю велику надъ вечерою; мнѣвъ, яко несутъ Θεодосѣя, бѣ бо ему възвѣщено прежде днемъ единѣмъ, и сжаливъся, яко безъ него

преносять и, всѣвъ на конь вборзѣ поѣха, поимъ съ собою Климента, его же игумена постави на свое мѣсто, и идѣста видуща зарю велику; и яко придоста близъ, видѣста свѣщѣ многы надъ пещерою, и придоста къ пещерѣ, не видѣста ничтоже, и придоста дну въ пещеру, намъ сѣдѣщемъ у мощей его. Егда бо прокопахъ, послахъ къ игумену: „приди, да вынемемъ и“, игумень же приде съ двѣма братома; и прокопахъ велми, и влѣзохомъ, и видѣхомъ и лежащѣ мощми, но состави не распалися бѣша, и власи главнии притяскли бяху. И взложыше и на вариманѣтъю, и взявше на рамо вынесоша и предъ пещеру. На другой же день собравшася епископи, Ефремъ Переяславскій, Стефанъ Володимѣрскій, Іоанъ Черниговскій, Маринъ Гурьевскій, игумени отъ всѣхъ монастыревъ съ черноризци, придоша и людѣ благовѣрніи, и взяша мощѣ Θεодосѣвы съ темьяномъ и съ свѣщами, и принесли положиша и въ церкви своей ему, въ притворѣ на деснѣй странѣ, мѣсяца августа въ 14 день, въ день четвертъкъ, въ часъ 1 дне, индикта 14 лѣта; праздноваша свѣтло въ тѣ день... Молися за мя, отче честный, избавлену быти отъ сѣти неприязины, и отъ противника врага соблюди мя твоими молитвами. Въ се же лѣто бысть знаменье въ солнци, яко погнѣнути ему, и мало ся его оста, акы мѣсяць бысть, въ часъ 2 дне, мѣсяца маія 21 день. Въ се же лѣто Всеволоду ловы дѣющю звѣринныя за Вышегородомъ, замѣтавшимъ тенета и кличаномъ кликнувшимъ, спаде превеликъ змій отъ небесе и ужасошася вси людѣ. Въ се же время земля стукну, яко мнози слышаша. Въ се же лѣто волхвъ явися Ростовѣ, иже вскорѣ погыбе.

1092. Въ лѣто 6600. Предивно бысть Полотскѣ въ мечтѣ, бываше въ ноци тутѣнъ, станяше по улици, яко чловѣци ринущѣ бѣси: аще кто вылѣзаше изъ хоромины, хотя видѣти, абѣ уязвленъ будяше невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху, и не смяху излазити изъ хоромъ; посемъ же начаша въ дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди

Полотьскыя и его область; тѣмъ и человекѣ глаголаху: яко навѣе бѣють Полочаны. Се же знаменье поча быти отъ Дрютьска. Въ си же времена бысть знаменье въ небеси, яко кругъ бысть посреде неба превеликъ. Въ се же лѣто ведро бѣше, яко изгараше земля, и мнози борове възгаряхуся сами и болота; и многа знаменья бываху по мѣстомъ; и рать велика бѣше отъ Половецъ и отъсюду: взяша 3 грады, Пѣсочентъ, Переволоку, Прилукъ, и многа села воеваша по обѣмъ странама. Въ се же лѣто воеваша Половци Ляхы съ Василькомъ Ростиславичемъ. Въ се же лѣто умре Рюрикъ, сынъ Ростиславль. Въ си же времена мнози человекѣ умираху различными недугы, якоже глаголаху продающе и корсты: яко продахомъ корсты отъ Филипова дне до мясопуста 7 тысячъ. Се же бысть за грѣхы наша, яко умножишася грѣси наши и неправды; се же наведе на ны Богъ, веля намъ имѣти покаенье и вѣстятнущи отъ грѣха, и отъ зависти и отъ прочихъ злыхъ дѣлъ неприязни.

1093. Въ лѣто 6601, индикта 1 лѣто, преставися великий князь Всеволодъ, сынъ Ярославль, внукъ Володимеръ мѣсяца априля въ 13 день, а погребенъ бысть 14 день, недѣли сущи тогда страстиѣи и дни сущю четвертку, въ онъ же положенъ бысть въ гробъ въ велицѣи церкви святыхъ Сооѣа. Сій бо благовѣрный князь Всеволодъ бѣ издѣтска боголюбивъ, любя правду, набѣа убогихъ, въздаа честь епископомъ и презвутеромъ, излиха же любяше черноризци, и подааше требованье имъ; бѣ же и самъ въздержася отъ пьянства и отъ похоти, тѣмъ любимъ бѣ отцемъ своимъ, яко глаголати отцю къ нему: „сыну мой! благо тобѣ, яко слышу о тобѣ кротость, и радуюся, яко ты покоиши старость мою; аще ти подасть Богъ пріяти власть стола моего, по братьи своей, съ правдою, а не съ насильемъ, то егда Богъ отведетъ тя отъ житѣя сего, да ляжеша, идѣже азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче братьи твоее“. Се же сбытѣся глаголъ отца его, якоже глаголъ бѣ, сему приимшю послѣже всея братья столъ отца своего, по смерти брата своего: съ же

Киевѣ княжа быша ему печали больши паче неже сѣдящю ему въ Переяславли; сѣдящю бо ему Киевѣ, печаль бысть ему отъ сыновець своихъ, яко начаша ему стужати, хотя власти, овъ сея, овъ же другіе; сей же омиря ихъ, раздаваше власти имъ. Въ сихъ печали всташа и недужи ему, и приспѣваше старость къ симъ; и нача любити смыслъ уныхъ, свѣтъ створи съ ними; си же начаша заводити и, негодовати дружины своея первыя, и людемъ не доходити княже правды, начаша тіуни грабити, людіи продавати, сему не вѣдущю въ болѣзньхъ своихъ. Разболѣвшюся ему велми, посла по сына своего Володимера Чернигову; пришедшю Володимеру, видѣвъ и велми болна суща, и плакася; пресѣдящю Володимеру и Ростиславу, сыну его меншему, пришедшю же часу, преставися тихо и кротко и приложися ко отцемъ своимъ, княживъ лѣтъ 15 Киевѣ, а въ Переяславли лѣто, а въ Черниговкѣ лѣто. Володимеръ же плакавѣся съ Ростиславомъ, братомъ своимъ, спрятаста тѣло его; и собрашася епископи, и игумени, и черноризци, и попове, и боляре, и простіи лодѣ, и взяше тѣло его, со обычными пѣснями положиша и въ святѣи Софьи, якоже рекохомъ преже. Володимеръ же нача размышляти, река: „аще сяду на столъ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столъ преже отца его былъ“. И размысливъ посла по Святополка Турову, а самъ иде Чернигову, а Ростиславъ Переяславлю. И минувшю Велику дни, прешедши праздниѣи недѣли, въ день ансипаскы, мѣсяца априля въ 24 день, приде Святополкъ Киеву, и изидоша противу ему Кіане съ поклономъ, и пріаша и съ радостью; и сѣде на столъ отца своего и стрѣя своего. Въ се время поидоша Половци на Русьскую землю; слышавше, яко умерлъ есть Всеволодъ, послаша слы къ Святополку о мирѣ. Святополкъ же, не сдумавъ съ болшею дружиною отнею и стрѣя своего, съвѣтъ створи съ пришедшими съ нимъ, и изымавъ слы, всажа и въ истобѣку; слышавше же се Половци, почаша воевати. И придоша Половци мнози, и оступиша Торціѣи градъ. Святополкъ же пусти слы Поло-

вецьскыѣ, хотя мира; и не всхотѣша Половци мира, и ступиша Половци воююще. Святополкъ же поча сбирати вое, хотя на ня. И рѣша ему мужи смысленіи: „не кушайся противу имъ, яко мало имаше вой“. Онъ же рече: „имѣю отрокъ своихъ 700, иже могутъ противу имъ стати“. Начаша же друзіи несмысленіи глаголати: „пойде, княже“; смысленіи же глаголаху: „аще бы ихъ пристроилъ и 8 тысячъ, не лихо ти есть, наша земля оскудѣла есть отъ рати и отъ продажъ; но послися къ брату своему Володимеру, дабы ти помоглъ“. Святополкъ же послушавъ ихъ, посла къ Володимеру, дабы помоглъ ему; Володимеръ же собравъ вой свои и посла по Ростиславу, брата своего, Переяславлю, веля ему помогати Святополку. Володимеру же пришедшу Кіеву, совокупистася у святаго Михаила, и взяста межи собою распря и которы, и уладившася, цѣловаста крестъ межи собою. Половцемъ воюющимъ по земли, и рѣша има мужи смысленіи: „почто вы распря имата межи собою? а поганіи губять землю Русскую; послѣди ся уладита, а нынѣ поидита противу поганымъ любо съ миромъ, любо ратью“. Володимеръ хотяше мира, Святополкъ же хотяше рати; и поиде Святополкъ и Володимеръ и Ростиславъ къ Треполю, и придоша къ Стугнѣ. Святополкъ же и Володимеръ, и Ростиславъ созваша дружину свою на совѣтъ, хотяче поступити черезъ рѣку, и начаша думати. И глаголаше Володимеръ: „яко сдѣ стояще черезъ рѣку, въ грозѣ сей, створимъ миръ съ ними“; и пристояху совѣту сему смысленіи мужи, Янь и прочіи. Кіяне же не всхотѣша совѣта сего, но рекоша: „хощемъ ся бити; поступимъ на ону сторону рѣки“. И възлюбиша съвѣтъ съ, и преидоша Стугну рѣку; бѣ бо наводнилась велми тогда. Святополкъ же, и Володимеръ, и Ростиславъ, исполнивши дружину, поидоша; и идяше на деснѣй сторонѣ Святополкъ, на шюей Володимеръ, посредѣ же бѣ Ростиславъ; и минувши Треполь, проидоша валъ. И се Половци идяху противу, и стрѣлци противу предъ ними; нашимъ же ставшимъ межи валомъ, поставиша стяги свои, и поидоша стрѣлци

изъ валу; и Половци пришедше къ валови, поставиша стяги свои, и налегоса первое на Святополка, и взломиша полкъ его. Святополкъ же стояше крѣпко, и побѣгоша людье, не стерпяче ратныхъ противленья и послеже побѣже Святополкъ. Потомъ наступиша на Володимера, и бысть брань люта; побѣже и Володимеръ съ Ростиславомъ и вой его. И прибѣгоша къ рѣцѣ Стугнѣ, и вбѣре Володимеръ съ Ростиславомъ и нача утопати Ростиславъ предъ очима Володимерима, и хотѣ похватити брата своего, и мало не утопе самъ; и утопе Ростиславъ, сынъ Всеволожъ. Володимеръ же пребрѣдъ рѣку съ малою дружиною, мнози бо падоша отъ полка его, и боляре его ту падоша, и перешедъ на ону сторону Днѣпра, плакася по братѣ своемъ и по дружинѣ своей; и иде Чернигову печалень зѣло. Святополкъ же вбѣже въ Треполь, и затворися ту, и бѣ ту до вечера, и на ту ночь приде Кіеву. Половци же видѣвши, сдолѣвши, пустишася по земли воююще, а друзіи възвратися къ Торцьскому. Си же ся злоба склочи въ день Възнесенья Господа нашего Исуса Христа, мѣсяца мая въ 26. Ростислава же искавше обрѣтоша въ рѣцѣ; и возьмше принесоша и Кіеву, и плакася по немъ мати его, и вси людье пожалиша си по немъ повелику, унести его ради; и собращася епископи и попове и черноризци, пѣсни обычныя пѣвши, положиша и у церкви святаго Софьи у отца своего. Половцемъ же осѣдящемъ Торцьскыи, противящимъ же ся Торкомъ и крѣпко борющимся изъ града, убиваху многы отъ противныхъ; Половци же начаша налегати, и отъимаху воду, и изнемогати начаша людье въ градѣ водною жажею и голодомъ. И прислаша Торци къ Святополку, глаголюще: „аще не пришлеша брашна, предатися имамъ“; Святополкъ же посла имъ, и не бѣ лѣзъ вкрастися въ градъ, множествомъ вой ратныхъ. И стояше около града недѣль 9, и раздѣлишася надвое: едини сташа у града, рать борюще, а друзіи поидоша Кіеву, и пустишася на воропъ межи Кіевъ и Вышегородъ. Святополкъ же выиде на Желаню, и поидоша противу собѣ обои, и съступишася, и укрѣпися брань; и побѣ-

гоша наши предъ иноплеменьники, и падаху, язвени предъ врагы нашими, и мнози погыбоша и быша мертви, паче неже у Трьполя. Святополкъ же приде Киеву самъ третій, а Половци возвратишася къ Торцьскому; быша си злая мѣсяца іюля въ 23. Наутрїя же въ 24, въ святую мученику Бориса и Глѣба, бысть плачь великъ въ градѣ, а не радость, грѣхъ ради нашихъ великихъ и неправды, за умноженіе безаконій нашихъ. Се бо на ны Богъ попусти поганыхъ, не яко милуя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ ся востягнули отъ злыхъ дѣлъ; симъ казнить ны нахоженіемъ поганыхъ, се бо есть батогъ его, да негли встягнувшеся вспоманемъся отъ злаго пути своего. Сего ради въ праздники Богъ намъ наводитъ сѣтованье, якоже ся створи въ се лѣто первое зло на Възнесеніе Господне, еже у Трьполя, второе же въ праздникъ Бориса и Глѣба, еже есть праздникъ новый Русьскыя земля. Сего ради Пророкъ глаголаше: преложю праздники ваша въ плачь и пѣсни ваша въ рыданье. Сотвори бо ся плачь великъ въ земли нашей, опустѣша села наша и города наши, быхомъ бѣгающе предъ врагы нашими. Якоже Пророкъ глаголаше: падете предъ врагы вашими, поженуть вы ненавидящїи васъ, и побѣдѣте никому женуцю васъ; скрушу ругаданье гордыни вашея, и будетъ въ тщету крѣпость ваша, убьютъ вы приходяй мечъ, и будетъ земля ваша пуста, и двори ваши пусти будутъ, яко вы худі есте и лукави, и азъ пойду къ вамъ яростью лукавою, тако глаголетъ Господь Богъ Израилевъ. Идѣ лукавіи сынове Измаилеви пожигаху села и гумна, и многы церкви запалиша огнемъ, да не чюдится никтоже о семъ: идѣже множество грѣховъ, ту видѣнья всякого показанія. Сего ради вселеная предасться, сего ради гнѣвъ простресе, сего ради земля мучена бысть: ови ведутъся полонени, друзїи посѣкаемы бывають, друзїи на мечь даемы бывають, горкую смерть прїемлюще, друзїи трепещуть, зряще убиваемыхъ, друзїи голодомъ умаряемы и водною жажею; едино прещеніе, едина казнь, многовѣщныя имуще раны, различныя печали и страшны муки, овы вяжемы и цѣпами

пхаемы, и на зимѣ держими и ураняемы; и се притранѣ и страшнѣ, яко на хрестыаньствѣ родѣ страхъ, и колѣбанье, и бѣда упространися. Праведно и достойно есть, тако да накажемъся, тако вѣру имемъ, кажеми есмы: подобаше намъ преданнымъ быти въ руки языку странну и беззаконнѣйшу всея земля. Рцѣмъ велегласно: праведенъ еси, Господи, и прави суди твои. Рцѣмъ по оному разбойнику: мы достойная, яже сдѣяхомъ прїяхомъ. Рцѣмъ и со Іовомъ: яко Господеві любо бысть, тако и бысть; буди имя Господне благословено въ вѣки. Да нахоженіемъ поганыхъ и мучими ими Владыку познаемъ, его же мы прогнѣвахомъ: прославлени бывше, не прославихомъ; почтени бывше, не почтохомъ; освятившеся, не разумѣхомъ; куплени бывшее, не поработали; породившеся, не яко отца постыдѣхомъся. Согрѣшихомъ, и казними есмы, якоже створихомъ, тако и стражемъ: города вси опустѣша, села опустѣша; преїдемъ поля, идѣже пасома бѣша стада конь, овця и волове, все тоще нынѣ видимъ, нивы поростѣше звѣремъ жилища быша. Но обаче надѣмъся на милость Божью; кажетъ бо ны добрѣ благый Владыка, не по безаконью нашему створи намъ и по хрѣхомъ нашимъ въздасть намъ; тако подобаетъ благому Владыцѣ казати не по множеству грѣховъ. Тако Господь створи намъ: созда, падшая вѣставитъ, Адамле преступленіе прости, баню нетлѣнныя дарова и свою кровь за ны изля; якоже ны видѣ неправу пребывающа, нанесе намъ сущюю рать и скорбь, да и не хотяще всяко въ будущій вѣкъ обрящемъ милость; душа бо, сдѣ казнима, всяко милость въ будущій вѣкъ обрящетъ и лготу отъ мукъ, не мститъ бо Господь дважды о томъ. О неиздреченному челоувѣколюбю! якоже видѣ ны не волею къ нему обращающася; о тмами любви, еже къ намъ! понеже хотяще уклонихомъся отъ заповѣдій его; се уже не хотяще терпимъ, се съ нужею, и понеже не волею, се уже волею. Гдѣ бо бѣ у насъ умиленіе? нынѣ же вся полна суть слезъ. Гдѣ бѣ въ насъ въздыханье? нынѣ же плачь по всѣмъ улицамъ упространися, избѣенныхъ ради, иже избиша безаконъ-

ни. Половци воеваша много, и възвратиса къ Торцьскому, и изнемогаша людѣ въ градѣ гладомъ, и предашася ратнымъ; Половци же, примше градъ, запалиша и огнемъ, и люди раздѣлиша, и ведоша въ вежѣ къ сердоболемъ своимъ и сродникомъ своимъ, мѣного роду хрестьяньска стражюще: печални, мучими, зимою оцѣпляеми, въ алчи и въ жажи и въ бѣдѣ опустѣвшие лица, почернѣвшие тѣлеса; незнаемою страною, языкомъ испаленымъ, нази ходяще и боси, ноги имуще сбодены терньемъ; со слезами отвѣщеваху другъ къ другу, глаголюще: „азъ бѣхъ сего города“, и други: „а азъ сея вси“; тако съупрашаются со слезами, родъ свой повѣдающе и въздышюще, очи возводяще на небо къ Вышнему, свѣдущему тайная. Да никто же дерзнетъ рещи; яко ненавидими Богомъ есмы! Да не будетъ. Кого бо тако Богъ любить, якоже ны възлюбилъ есть? кого тако почелъ есть, якоже ны прославилъ есть и възнеслъ? Никого же. Имъже паче ярость свою въздвиже на ны, яко паче всѣхъ почтени бывше, горѣ всѣхъ сдѣяхомъ грѣхы; якоже паче всѣхъ просвѣщени бывше, Владычню волю вѣдуще, и презрѣвшее. въ лѣпоту паче инѣхъ казними есмы. Се бо азъ грѣшный и много и часто Бога прогнѣваю, и часто согрѣшаю по вся дни. Въ се же лѣто преставися Ростиславъ, сынъ Мстиславъ, внукъ Изяславъ, мѣсяца октямбръ въ 1 день; а погребенъ бысть ноямбръ въ 16, въ церкви святаго Богородица Десятинныя.

1094. Въ лѣто 6602. Створи миръ съ Половцѣмъ Святополкъ, и поя собѣ жену дщерь Тугорканю, князя Половецкаго. Томъ же лѣтѣ приде Олегъ съ Половци, изъ Тѣмutorоканя, и приде Чернигову; Володимеръ же затворися въ градѣ, Олегъ же приде къ граду и пожже около града, и монастырь пожже. Володимеръ же створи миръ съ Олгомъ, и иде изъ града на столъ отень Переяславлю; а Олегъ вниде въ градъ отца своего. Половци же начаша воевати около Чернигова, Олгови не взбраняюще, бѣ бо самъ повелѣлъ имъ воевати. Се уже третее наведе поганя на землю Русьскую, его же грѣхъ дабы и Богъ простилъ, занеже много хрестьянъ изгублено

бысть, а дружини полонени и расточени по землямъ. В се же лѣто придоша пружи на Русьскую землю, мѣсяца августа въ 26, и поѣдоша всяку траву и многа жита; и не бѣ сего слышано въ днѣхъ первыхъ в земли Русьстѣй, яже видѣста очи наши, за грѣхы наша. В се же лѣто преставися епископъ Володимерский Стефанъ, мѣсяца априля въ 27 день, въ часъ 6 нощи, бывъ прежде игуменъ Печерьскому монастырю.

1095. Въ лѣто 6603. Идоша Половци на Гръкы съ Девгевичемъ, воеваша по Гречьстѣй земли; и цесарь я Девгенича, и повелѣ и слѣпити. Въ то же лѣто придоша Половци, Итларъ и Кытанъ, къ Володимеру на миръ; приде Итларъ въ градъ Переяславль, а Кытанъ ста межи валомъ съ вой; и вда Володимеръ Кытанови сына своего Святослава въ тали, а Итларъ бысть въ градѣ съ лѣпшею дружиною. Въ то же время бяше пришелъ Славята изъ Кыева къ Володимеру отъ Святополка, на нѣкое орудие; и начаша думати дружина Ратибора со княземъ Володимеромъ о погубленьи Итларевы чади. Володимеру же не хотящу сего створити, отвѣща бо: „како се могу створити, ротѣ съ ними ходивъ“? Отвѣщавше же дружина, рекоша Володимеру: „княже! нѣту ти въ томъ грѣха; да они всегда къ тобѣ ходяще ротѣ, губять землю Русьскую, и кровь хрестьяньску проливають безперестани“. И послуша ихъ Володимеръ, и въ ту нощъ посла Володимеръ Славяту съ нѣколикою дружиною и съ Торкы, межи валы; и выкрадше первое Святослава, потомъ убиша Кытана и дружину его избиша. Вечеру сущу тогда суботному, а Итлареву въ ту нощъ лежащую у Ратибора на дворѣ съ дружиною своею и не вѣдущю, что ся надъ Кытаномъ створи; наутрѣ же, въ недѣлю, заутрени суще годинѣ, пристрои Ратиборъ отроки въ оружьи, и истобку пристави истопити имъ. И присла Володимеръ отрока своего Бяндюка по Итлареву чадъ, и рече Бяндюкъ Итлареву: „зоветь вы князь Володимеръ, реклъ тако: обувшеся, въ теплѣ избѣ и заутрокавшеся у Ратибора, приѣдите ко мнѣ“. И рече Итларъ: „такъ буди“. И яко влѣзоша въ истобку, такъ запрени быша. Възлѣзше на

истобку, прокопаша верхъ, и тако Ольбегъ Ратиборичъ, пріима лукъ свой и наложивъ на стрѣлу, удари Итларя въ сердце, и дружину всю избиша; и тако злѣ испроверже животъ свой Итларь, въ недѣлю сыропустную, въ часъ 1 дне, мѣсяца февраля въ 24 день. Святополкъ же и Володимерь посласта къ Ольгови, веляща ему поити на Половци съ собою; Олегъ же обѣщавъся съ нима, и пошедъ, не иде съ нима въ путь единъ. Святополкъ же и Володимерь идоста на вежѣ, и взяста вежѣ, и полониша скоты и конѣ, вельблуды и челядь, и приведоста я въ землю свою; и начаста гнѣвъ имѣти на Олга, яко не шедшо ему съ нима на поганя. И посла Святополкъ и Володимерь къ Ольгови, глаголюща сиче: „се ты не шелъ еси съ нама на поганя, иже погубили суть землю Русьскую, а се у тебе есть Итларевичъ, любо убій, любо и дай нама, тѣ есть ворогъ Русьстѣй земли“. Олегъ же сего не послуша, и бысть межи ими ненависть. Въ се же лѣто приидоша Половци къ Гургеву, и стояша около его лѣто все, и мало не взяша его, Святополкъ же омири я; Половци же не придоша за Росъ, Гюргевци же выбѣгоша и идоша Кіеву. Святополкъ повелѣ рубити городъ на Вытечевѣ холму, въ свое имя нарекъ Святополчъ городъ, и повелѣ епископу Марину съ Юргевци сѣсти ту, и Засаковцемъ, и прочимъ отъ инѣхъ градъ; а Гюргевъ зажгоша Половци тощъ. Сего же лѣта исходяща, иде Давыдъ Святославичъ из Новагорода Смолинску; Новгородци же идоша Ростову по Мъстислава Володимерича, и поемше ведоша и Новугороду, а Давыдови рекоша: „не ходи къ намъ“; и пошедъ Давыдъ, воротися Смолинску, и сѣде Смолинскѣ, а Мъстиславъ Новѣгородѣ сѣде. В се же время приде Изяславъ, сынъ Володимерь, изъ Курска къ Мурому; и прияша и Муромци, и посадника я Ольгова. В се же лѣто придоша прuzzi, мѣсяца августа въ 28, и покрыша землю, и бѣ видѣти страшно, идяху къ полунощнымъ странамъ, ядуща траву и проса.

1096. Въ лѣто 6604. Святополкъ и Володимерь посласта къ Ольгови, глаголюща сиче: „пойди Кіеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли предъ епископы, и предъ игумены, и предъ мужи отецъ нашихъ, и предъ людьми градскими, да быхомъ оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ“. Олегъ же въспримъ смыслъ буй и словеса величава, рече сиче: „нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменомъ, ли смердомъ“; и не въсхотѣ ити къ кѣ братома своимъ, послушавъ злыхъ совѣтниківъ. Святополкъ же и Володимерь рекоста къ нему: „да се ты ни на поганя идеши, ни на совѣтъ къ нама, то ты мыслиши на наю и поганымъ помагати хочеши; а Богъ промежи нами будетъ“. Святополкъ же и Володимерь поидоста на Олга Чернигову; Олегъ же выбѣже изъ Чернигова, мѣсяца мая въ 3 день, въ субботу. Святополкъ же и Володимерь гнаста по немъ, Олегъ же вбѣже въ Стародубъ и затворися ту; Святополкъ же и Володимерь оступиса и въ градъ, и бяхутся изъ города крѣпко, а си приступаху къ граду, и язвени бываху мнози отъ обоихъ; и бысть межу ими брань люта, и стояша около града дний 30 и 3, и изнемагаху людѣ въ градъ. И вылѣзе Олегъ изъ града, хотя мира, и вдаста ему миръ, рекуща сиче: „иди къ брату своему Давыдови, и придѣта Кіеву на столъ отецъ нашихъ и дѣдъ нашихъ, яко то есть старѣйшей градъ въ земли во всей, Кіевъ, ту достойно снятися и порядъ положити“; Олегъ же обѣщася се створити, и на семъ цѣловаша крестъ. В се же время приде Бонякъ съ Половци къ Кіеву, въ недѣлю отецъ вечера, и повоева около Кіева, и пожже на Берестовѣмъ дворъ княжъ. В се же время воева Куря съ Половци у Переяславля, и Устьѣ пожже, мѣсяца мая въ 24 день. Олегъ же выйде изъ Стародуба и приде Смолинску, и не прияша его Смолняне, и иде къ Рязаню; Святополкъ же и Володимерь поидоста въсвои. Сего же мѣсяца приде Тугорканъ, тестъ Святополчъ, къ Переяславлю, мѣсяца мая 30, и ста около града, а Переяславци затворишася в градъ. Святополкъ же и Володимерь поидоста на нь по сей сторонѣ

Днѣпра, и придоша къ Зарубу, и ту перебродистася, и не очютиша ихъ Половци, Богу схранѣшу ихъ, и исполчившася поидоша къ граду; гражане же узрѣвше, ради быша, и поидоша къ нима, а Половци стояху на оной сторонѣ Трубежа, исполчившеся. Святополкъ же и Володимеръ вбредоша в Трубежъ къ Половцемъ, Володимеръ же хотѣ нарядити полкъ, они же не послушаша, но удариша въ конѣ къ противнымъ; се видѣвше Половци, и побѣгоша, а наши погнаша въ слѣдъ ратныхъ, сѣкуще противныя. И сдѣя Господь въ тѣ день спасенѣ велико, мѣсяца пулія въ 19 день побѣжени быша иноплемьниці, и князя ихъ убиша Туторкана, и сына его, и ини князи; мнози врази наши ту падоша; назаутрѣ же налѣзоша Туторкана мертва, и взя и Святополкъ акы тѣста своего и врага; и привезше и къ Киеву погребоша и на Берестовѣмъ, межю путемъ идущимъ на Берестово и другимъ в монастырь идущимъ. И въ 20 того же мѣсяца, в пятокъ, 1 часъ дне, приде второе Бонякъ безбожный, шелудивый, отай, хыщникъ, къ Киеву внезапно, и мало в градъ не вѣхаша Половци, и зажгоша болонѣ около града, и възвратися на монастырь, и въжгоша Стефановъ монастырь и деревнѣи и Герьманы. И придоша на монастырь Печерскій, намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ по заутрени, и кликнуша около монастыря, и поставиша стяга два предъ враты монастырскими, намъ же бѣжащимъ за домъ монастыря, а другимъ възбѣгшимъ на полати. Безбожный же сынове Измаилеви высѣкоша врата монастырю и поидоша по кельямъ, высѣкающе двери, и изношаху аще что обрѣтаху въ кельи; посемъ въжгоша домъ святыя Владычицѣ нашея Богородица, и придоша къ церкви, и зажгоша двери яже къ угу устроеніи, и вторыя же къ сѣверу, и влѣзше въ притворъ у гроба Феодосьева, емлюще иконы, зажигаху двери у укаряху Бога и законъ нашъ. Богъ же терпѣше, аще бо не скончались бяху грѣши ихъ и безаконья ихъ, тѣмъ глаголаху: „кдѣ есть Богъ ихъ, да поможеть имъ и избавить я“? и ина словеса хулная глаголаху на святыя иконы, насмѣхающеся, не вѣдуще, яко

Богъ кажетъ рабы своя напастми ратными, да явятся яко злато искушено въ горну: хрестыаномъ бо многими скорбми и напастми внити въ царство небесное, а симъ поганымъ и ругателемъ на семъ свѣтѣ прїимшимъ веселѣе и пространство, а на ономъ свѣтѣ прїимуть муку съ дьяволомъ и огнь вѣчный. Тогда же зажгоша дворъ красный, его же поставилъ благовѣрный князь Всеволодъ на холму, нарѣцаемѣмъ Выдобычи: то все оканнии Половци запалиша огнемъ. Тѣмже и мы, послѣдующе пророку Давыду, вопѣемъ: Господи Боже мой! положи я яко коло, яко огнь предъ лицемъ вѣтру, иже поपालетъ дубравы, тако пожениши я бурєю твоею, исполни лица ихъ досаженья; се бо оскверниша и пожгоша святыи домъ твой, и монастырь Матере твоея, и трупье рабъ твоихъ; убиша бо нѣколько отъ братья нашея оружемъ безбожнии сынове Измаилеви, пущени бо на казнъ хрестыаномъ. Ищли бо суть си отъ пустыни Егитивскыя, межю востокомъ и сѣверомъ; испли же суть ихъ колѣнъ 4: Торкъмене и Печенѣзи, Торци, Половци; Меоодій же свѣдѣтельствуе о нихъ, яко 8 колѣнъ пробѣгли суть, егда исѣче Гедѣонъ, да 8 ихъ бѣжа в пустыню, а 4 исѣче. Другии же глаголють: сыны Амоновы; се же нѣсть тако: сынове бо Моавли Хвалиси, а сынове Аммонови Болгаре, а Срацини отъ Измаила творятъся Сарини, и прозваша имя собѣ Саракыне, рекше: Сарини есмы. Тѣмже Хвалиси и Болгаре суть отъ дщери Лотову, а Измаиль роди 12 сына, отъ нихъ же суть Торкъмени, и Печенѣзи, и Торци и Кумани, рекше Половци, иже исходятъ отъ пустыни. И по сихъ 8 колѣнъ къ кончинѣ вѣка изидуть заклѣпении в горѣ Александромъ Македонскимъ, нечистыя челоуѣкы. Се же хоцю сказати, яже слышашъ преже сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрята Роговичъ Новгородецъ, глаголя сице: „яко послахъ отрокъ свой Печеру, люди, иже суть данъ дающе Новугороду; и пришедшу отроку моему к нимъ, а оттуду иде въ Югру, Югра же людѣе есть языкъ нѣмъ, и сосѣдять с Самоядью на полунощныхъ странахъ“. Югра же рекоша отроку моему:

„дивно мы находихомъ чюдо, егоже нѣсмы слышали прежде сихъ лѣтъ, се же третьи лѣто поча быти; суть горы заидуче луку моря, имже высота ако до небесе, и в горахъ тѣхъ кличъ великъ и говоръ и сѣкуть гору хотяще высѣчися, и в горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и есть не разумѣти языку ихъ; но кажутъ на желѣзо; и помагають рукою, просяще желѣза; и аще кто дастъ имъ ножъ ли, ли секиру, дають скорою противу. Есть же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ, тѣмже не доходимъ ихъ всегда; есть же и подалъ на полунощии“. Мнѣ же рекшу к Гюрятѣ: „си суть людье заклении Александромъ, Македонскимъ царемъ“, якоже сказаетъ о нихъ Меодий Патарийскый, взыде на восточныя страны до моря, нариченное Солнце мѣсто, и видѣ ту человѣкъ нечистыя отъ племени Афетова, ихже нечистому видѣвъ: ядаху скверну всяку, комары, и мухы, котки, змиѣ, и мертвецъ не погрѣбаху, но ядаху, и женскыя изворогы и скоты вся нечистыя то видѣвъ Александръ убоися, еда како осквернять землю, и полунощныя страны в горы высокия; Богу повелѣвшю, сступишася о нихъ токмо не ступишася о нихъ горы на 12 локоть, и ту створишася врата мѣдяна, и помазашася сунклитомъ; и аще хотять взяти, не възмогутъ, ижещи; вещь бо сунклитова сица есть: ни огнь можетъ вжести его, ни желѣзо его приметь. В послѣдняя же дни по сихъ изидуть 8 колѣнъ отъ пустыня Етривьскыя, изидуть и си сквернии языци, иже суть в горахъ полунощныхъ, по повелѣнью Божию. Но мы на предняя взвратимся, якоже бяхомъ прежде глаголали. Олгови обѣщавшюся ити к брату своему Давыдову Смолинску, и прити з братомъ своимъ Къеву и обрядъ положить, и не всхотѣ сего Олегъ створити, но пришедъ Смолинску и поимъ вои, поиде к Мурому, в Муромѣ тогда сущю Изяславу ВолодимERICЮ; бысть же вѣсть Изяславу, яко Олегъ идетъ к Мурому, посла Изяславъ по воѣ Суздаю, и Ростову, и по Бѣлозерци, собра вои многы. И посла Олегъ слы свои къ Изяславу, глаголя: „иди в волость отца своего Ростову, а

то есть волость отца моего; да хочю ту сѣдя порядъ створити со отцемъ твоимъ, се бо мя выгналъ из города отца моего; а ты ли ми здѣ хлѣба моего же не хоцещи дати?“ и не послуша Изяславъ словесъ сихъ, надѣяся на множество вой. Олегъ же надѣяся на правду, яко правъ бѣ в семь, и поиде к граду с вои; Изяславъ же исполчися предъ градомъ на поли. Олегъ же поиде к нему полкомъ, и сступишася обои, бысть брань люта; и убиша Изяслава, сына Володимеря, внука Всеволожа, мѣсяця сентября въ 6 день; прочии же вои побѣгоша, ови чересъ лѣсъ, друзии в городъ. Олегъ же вниде в городъ, и приияша ѿ горожане; Изяслава же взявше положиша и в монастыри святаго Спаса, и оттуду перенесоша и Новугороду, и положиша и у святыѣ Соѣѣ, на лѣвѣй сторонѣ. Олегъ же, по прияти града, изыма Ростовци, и Бѣлозерци и Суздалицѣ, и устремися на Суздаля; и пришедъ Суздаю, и Суздадци дашася ему. Олегъ же омиривъ городъ, овы изыма, а другыя расточи, и имѣнья ихъ отъя; иде Ростову, и Ростовци вдашася ему. И перея всю землю Муромску и Ростовьску, и посажа посадники по городомъ, и дани поча брати. И посла к нему Мстиславъ соль свой и з Новгорода, глаголя: „иди ис Суздаля Мурому, а в чюжей волости не сѣди; и азъ пошлю молится з дружиною своею къ отцю своему, и смирю тя со отцемъ моимъ; аще и брата моего убилъ, то есть недивно, в ратехъ бо и цари и мужи погибають“. Олегъ же не всхотѣ сего, но паче помышляше и Новгородъ переяти; и посла Олегъ Ярослава, брата своего, в сторожѣ, а самъ стояше на поли у Ростова. Мстиславъ же сдума с Новгородци, и послаша Добрыню Рагуиловича передъ собою въ сторожѣ; Добрыня же первое изыма данники. Увѣдавъ же Ярославъ се, яко изымани данници, Ярославъ же стояше на Медвѣдици в сторожихъ, и побѣже тощи нощи, и прибѣже къ Олгови и повѣда ему, яко идетъ Мстиславъ, а сторожѣ изымани, и поиде к Ростову, Мстиславъ же приде на Волгу, и повѣдаша ему, яко Олегъ вспятился к Ростову, и Мстиславъ поиде по немъ. Олегъ же

приде к Суждалю, и слышавъ, яко идетъ по немъ Мстиславъ, Олегъ же повелѣ зажещи Суждаль городъ, токмо остана дворъ монастырьскый Печерьскаго монастыря и церкви, яже тамо есть святаго Дмитрея, юже бѣ далъ Ефрѣмъ и с селы, Олегъ же побѣже к Мурому, а Мстиславъ приде Суждалю, и сѣдя ту посылаше къ Олгови, мира прося, глаголя: „азъ есмь мний тебе, слися къ отцю моему, а дружину, юже еси заялъ, вороти; а азъ тебѣ во всемъ послушаю“. Олегъ же посла к нему, с лестью хотя мира; Мстиславъ же, имы лсти вѣры, и распусти дружину по селомъ. И наста Феодорова недѣля поста, и приспѣ Феодорова субота, а Мстиславу сѣдящую на обѣдѣ, приде ему вѣсть, яко Олегъ на Клязмѣ, близъ бо бѣ пришелъ безъ вѣсти; Мстиславъ же ему имъ вѣру, не постави сторожовъ; но Богъ вѣсть избавляти благочестивыя своя отъ лсти. Олегъ же установися на Клязмѣ, мня, яко, Мстиславъ побѣгнетъ; къ Мстиславу же собрашася дружина въ тѣ день и в другой, Новгородци, и Ростовци и Бѣлозерци. Мстиславъ же ста предъ градомъ, исполчивъ дружину, и не поступи ни Олегъ на Мстислава, ни Мстиславъ на Олга, и стояста противу собѣ 4 дни. И приде Мстиславу вѣсть, яко „послалъ ти отецъ брата Вячеслава с Половци“; и приде Вячеславъ в четвергъ.

Феодоровы недѣли, в постъ. И в пятокъ приде Олегъ, исполчивъся, к городу, а Мстиславъ поиде противу ему с Новгородци и с Ростовци. И вдасть Мстиславъ стягъ Володимеръ Половчину, именемъ Кунци, и вдавъ ему пѣшцы, и постави и на правѣмъ крилѣ; и заведъ Кунуй пѣшцы наня стягъ Володимеръ, и узрѣ Олегъ стягъ Володимеръ, и убояся, и ужась нападе на нь и на воѣ его. И поидоша к боеви противу собѣ, Олегъ противу Мстиславу, а Ярославъ поиде противу Вячеславу. Мстиславъ же перешедъ пожаръ с Новгородци, и сступишася на Кулачыцѣ, и бысть брань крѣпка, и нача одолати Мстиславъ; и видѣ Олегъ, яко поиде стягъ Володимеръ, нача заходити в тылъ его, и убоявъся побѣже Олегъ, и одолѣ Мстиславъ. Олегъ же прибѣже к Мурому, и

затвори Ярослава Муромѣ, а самъ иде Рязаню; Мстиславъ же приде Мурому, и створи миръ, и поя своя люди, Ростовци и Суждалци, и поиде к Рязаню по Олзѣ. Олегъ же выбѣже из Рязаня а Мстиславъ пришедъ створи миръ с Рязанци, и поя люди своя, яже бѣ заточилъ Олегъ. И посла къ Олгови, глаголя: „не бѣгай никаможе, но пошлися к братьи своей с мольбою, не лишать тя Русьскѣмъ земли; и азъ пошлю къ отцю молится о тобѣ“. Олегъ же общася тако створити. Мстиславъ же вѣзвративъся вспять Суждалю, оттуду поиде Новгороду в свой градъ, молитвами преподобнаго епископа Никиты. Се жо бысть исходящую лѣту 6606, индикта 4 на поли.

П О У Ч Е Н Ь Е

ВЛАДИМИРА МОНОМАХА.

6607 (1099).

Азъ худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословеннымъ, славнымъ, нареченный в крещеніи Василий, Русьскимъ именемъ Володимеръ, отцемъ възлюбленнымъ и матерью своею Мъномахы ¹⁾ во благочестіи наказанъ, чадомъ моимъ преспеяти въ добродѣтеляхъ желая, се пишу поученье вамъ възлюбленнымъ и хрестіаныхъ людей дѣля, колико бо сблюдъ по милости своей и по отни молитвѣ отъ всѣхъ бѣдъ. Сѣдя на санехъ ²⁾, помыслихъ в души своей и похвалихъ Бога, иже мя сихъ дней грѣшнаго допровади. Да дѣти мои, или инъ кто, слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтесь, но ему же любя дѣтѣй моихъ ³⁾, а приметь ю в сердце свое, и не лѣннitisя начнеть, такоже и тружатися: первое, Бога дѣля и душа своя,

¹⁾ Здѣсь въ подлинникѣ пропускъ въ 4½ строки, который нынѣ нами восстановленъ по тексту одного изъ подлинныхъ списковъ лѣтописи, напечатанному въ 3-мъ Археогр. Ком. изданіи Лаврентьевской Лѣтописи Сиб. 1897 г. (2-е прим. 41 стр.)

²⁾ Т. е. приближаясь къ гробу, такъ какъ мертвыхъ, въ то время, возили въ церкви, зимою и лѣтомъ, на саняхъ.

³⁾ Кому изъ дѣтей моихъ.

страхъ имѣйте Божій въ сердци своемъ и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру. Аще ли кому не любя грамотица си, а не поохрищаются ¹⁾, но тако се рекуть: на далечи пути, да на санехъ сѣдя безлѣпницу еси молвилъ. Усрѣтоша бо мя слы отъ братья моя на Волзѣ, рѣша: „потѣсняся ²⁾ къ намъ, да выженемъ Ростиславича ³⁾ и волость ихъ отъимемъ; еже ли не поидеши с нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ“, и рѣхъ: „аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити“. И отрядивъ я вземъ псалтырю, в печали разгнухъ я, и то ми ся выня: всякую печалуеши, душе? вскую смущаеши мя? и прочая. И потомъ собрахъ словца си любая, и складохъ по ряду и написахъ: аще вы послѣдняя не любя, а передняя принимайте. Вскую печална еси, душе моя? вскую смущаеши мя? уповай на Бога, яко исповѣмся ему. Не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ безаконье, зане лукавнующи потребятся, терпящи же Господа, ти обладаютъ землею. И еще мало, и не будетъ грѣшника; взищеть мѣста своего, и не обрящетъ. Кротции же наслѣдятъ землю, наслаждаться на множествѣ мира. Назираеть грѣшный праведнаго, и поскрегчетъ на нь зубы своими; Господь же посмѣются ему, и прозритъ, яко придетъ день его. Оружя извлекоша грѣшници напыже лукъ свой истрѣляти нища и убога, заклати правыхъ сердцемъ. Оружье ихъ внидетъ въ сердца ихъ, и луци ихъ скрушатся. Луче есть праведнику малое, паче богатства грѣшныхъ многа. Яко мышца грѣшныхъ сокрушатся, утверждаетъ же праведныя Господь. Яко се грѣшници погнѣбнуть; праведныя же милуетъ и даетъ. Яко благословящи его наслѣдятъ землю, кленущи же его потребятся. Отъ Господа стопы чловеку исправятся. Егда ся падеть и не разбѣется, яко Господь подѣмлетъ руку его. Унъ бѣхъ и естарѣхся, и не видѣхъ праведника

¹⁾ Не подосаждаютъ.

²⁾ Постарайся (кѣр. тѣск—тѣши).

³⁾ Вин. п. дв. ч.: Володаръ и Василько Ростиславичи, княжившіе въ Перемышлѣ и Теребовлѣ.

оставлена, ни сѣмени его просяща хлѣба. Весь день милуетъ и взаимъ даетъ праведный, и племя его благословлено будетъ. Уклонися отъ зла, створи добро, взищи мира и поже ни, и живи в вѣкы вѣка. Внегда стати чловекомъ, убо живы пожерли ны быша; внегда прогнѣватися ярости его на ны, убо вода бы ны потопила. Помилуй мя, Боже, яко попра мя чловекъ; весь день боряся, стужи ми. Попраша мя врази мои, яко мнози борющися со мною с выше. Возвеселится праведникъ, и егда видить мѣсть: руцѣ свои умыть в крови грѣшника. И рече убо чловекъ: аще есть плодъ праведника и есть убо Богъ судай земли. Измий мя отъ врагъ моихъ, Боже, и отъ встающихъ на мя отъими мя. Избави мя отъ творящихъ безаконье и отъ мужа крови спаси мя; яко се уловиша душу мою; и яко гнѣвъ въ ярости его, и животъ въ воли его; вечеръ водворится плачь, а заутра радость. Яко лучши милость твоя, паче живота моего, и устнѣ мои похвалита тя. Яко благословлю тя въ животѣ моемъ, и о имени твоёмъ въздѣю руцѣ мои. Покры мя отъ сонма лукаваго, и отъ множества дѣлающихъ неправду. Възвеселится вси праведнии сердцемъ. Благословлю Господа на всяко время, воину хвала его, и прочая. Якоже бо Василий учаше, собравъ ту уноша, душа чисты, нескверни, тѣлеси худу, кротку бѣседу и в мѣру слово Господне: яди и питью безъ плища велика быти, при старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, съ точными и меншими любовь имѣти; безъ луки бесѣдующе, а много разумѣти; не сверѣповати словомъ, ни хулити бесѣдою, не обило смѣятися, срамлятися старѣйшихъ, къ женамъ нелѣпнымъ не бесѣдовати, долу очи имѣти, а душу горѣ; пребѣгати, не стрѣкати учить легкихъ, власти ни в кую же имѣти, еже отъ всѣхъ честь; аще ли кто васъ можетъ инѣмъ услѣти, отъ Бога мзды да чаеть и вѣчныхъ благъ насладится. О Владычице Богородице! отъими отъ убогаго сердца моего гордость и буестъ, да не възношюся суетою мира сего въ пустошнѣмъ семъ жити научися, вѣрный чловеке, быти бла-

гочестию дѣлатель, научися, по евангельскому словеси, очима управленіе языку удержанье, уму смѣренье, тѣлу порабощеніе, гнѣву погубленіе, помыслъ чистъ имѣти, понужаяся на добрая дѣла, Господа ради; лишаемъ—не мести, ненави́димъ любо гонимъ—терпи, хулимъ—моли, умертви грѣхъ, избавите обидима, судите сиротѣ, оправдайте вдовицу; придѣте, да сожжемъся, глаголетъ Господь; аще будутъ грѣси ваши яко оброщени, яко снѣгъ обѣлю я, и прочее. Восіаетъ весна постная, и цвѣтъ покаянья; очистимъ себе, братья, отъ всякая крови плотскыя и душевныя, Свѣтодавцю вопіюще рцѣмъ: слава тобѣ, человеколюбецъ! По истинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человеколюбецъ Богъ милостивъ и премилостивъ; мы челове́ци, грѣшны суше и смертны, то оже ны зло створить, то хощемъ и пожрети и кровь его прольяти вскорѣ; а Господь нашъ, владѣя и животомъ и смертію, согрѣшенія наша выше главы нашея терпѣть, и пакы и до живота нашего, яко отецъ, чадо свое любя, бѣя, и пакы привлачить е къ собѣ. Также и Господь нашъ показалъ ны есть на врагы побѣду, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдити его: покаянемъ, слезами и милостынею; да то вы, дѣти мои, не тяжка заповѣдь Божья, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ царствія не лишитися. А Бога дѣла не лѣнитесь, молю вы ся, не забываютъ 3-хъ дѣлъ тѣхъ: не бо суть тяжка; ни одиночество, ни чернечество, ни голодъ, яко инни добрии терпятъ, но малымъ дѣломъ улучшить милость Божью. Что есть человекъ, яко помниши и? Велий еси, Господи, и чудна дѣла твоя, никакъже разумъ человеческъ не можетъ исповѣдати чудеса твоихъ; и пакы речемъ: велий еси, Господи, и чудна дѣла твоя, и благословено и хвално имя твое во вѣкы по всей земли. Иже кто не похвалить, ни прославляетъ силы твоея и твоихъ великихъ чудесъ и добротъ, устроенныхъ на семъ свѣтѣ; како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и тма и свѣтъ, и земля на водахъ положена, Господи, твоимъ промысломъ! звѣрье розноличныи, и птица и рыбы, украшено

твоимъ промысломъ, Господи! И сему чуду дивуемся, како отъ персти создавъ человекъ, како образи розноличныи въ человекъскыхъ лицахъ, аще и весь миръ совокупить, не вси въ одинъ образъ, но кый же своимъ лица образомъ, по Божии мудрости; и сему ся подивуемы, како птица небесныя изъ ирья¹⁾ идуть, и первѣе въ наши руцѣ, и не ставятся на одной земли, но и сильныя и худыя идуть по всѣмъ землямъ, Божиимъ повелѣньемъ, да наполнятся лѣси и поля; все же то далъ Богъ на угодые человекомъ, на снѣдъ, на веселье. Велика, Господи, милость твоя на насъ, яже та угодыя створилъ еси человекъ дѣла грѣшна. И ты же птицѣ небесныя умудрены тобою, Господи, егда повелиши, то вспоютъ, и человекы веселятъ тобѣ; и егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣюще онѣмѣють. А благословенъ еси, господи, и хвалентъ зѣло! Всяка чудеса и ты²⁾ доброты створивъ и сдѣлавъ, да иже не хвалить тебе, Господи, и не вѣруеть всѣмъ сердцемъ и всею душею во имя Отца и Сына и Святаго Духа, да будетъ проклятъ. Си словца прочитающе, дѣти моя, божественная, похвалите Бога, давшаго намъ милость свою, и се отъ худаго моего безумья наказанье; послушайте мене, аще не всего примете, то половину. Аще вы Богъ умякити сердце и слезы своя испустите о грѣсѣхъ своихъ, рекуще: „якоже блудницу и разбойника и мытаря помиловалъ еси, тако и насъ грѣшныхъ помилуй“; и в церкви то дѣйте и ложася. Не грѣшите ни одну же ночь, аще можете, поклонитися до земли; али вы ся начнетъ не мочи³⁾, а трижды; а того не забываютъ, не лѣнитесь, тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ человекъ побѣждаетъ дьявола, и что въ день согрѣшитъ, а тѣмъ человекъ избываетъ. Аще и на кони ѣздаче не будетъ ни съ кымъ орудья⁴⁾, аще инѣхъ молитвъ не

¹⁾ Ирей—страна чудесъ, земной рай, теплыя страны, куда улетають перелетныя птицы на зиму.

²⁾ Тѣ доброты.

³⁾ Вамъ будетъ не въ мочь.

⁴⁾ Дѣла.

умѣте молвити, а „Господи помилуй“ зовѣте безпрестани, втайнѣ; та бо есть молитва всѣхъ лѣнши, нежели мыслити безлѣншицю ѣздя. Всего же паче убогихъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ, и вдовицю оправдате сами, а не вдавайте сильнымъ погубити челоуѣка. Ни права, ни крива не убивайте, не повелѣвайте убити его; еще будетъ повиненъ смерти, а душа не погубяете никакая же хрестьяны. Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не кленитесь Богомъ, ни хреститесь, нѣту бо ти нужна никоея же; аще ли вы будете крестъ цѣловати к братѣ, или къ кому, али управивше сердце свое, на немъ же можете устояти, то же цѣлуйте, и цѣловавше блюдѣте, да не приступни погубите, душѣ своеѣ. Епископы, и попы и игумены, съ любовью взимаите отъ нихъ благословенье, и не устраняйте отъ нихъ, и по силѣ любите и набдите, да примете отъ нихъ молитву отъ Бога. Паче всего гордости не имѣйте в сердци и въ умѣ, но рцѣмъ: смертни есмы, днесъ живи, а завтра в гробѣ; се все, что ны еси вдалъ, не наше, но твое, поручилъ ны еси на мало дней; и въ земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ. Старыя что яко отца, а мододыя яко братью. В дому своемъ не лѣнитесь, но все видите; не зрите на тивуна¹⁾, ни на отрока, да не посмѣются приходящии къ вамъ и дому вашему, ни обѣду вашему. На войну вышедъ, не лѣнитесь, не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣденью не лагодите, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои, то же ляжите, а рано встанѣте: а оружья не снимайте съ себе вборзѣ, не розглядавше, лѣнощами, внезапно бо челоуѣкъ погыбаеть. Лжѣ блюдися и пьянства и блуда, въ томъ бо душа погыбаеть и тѣло. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ ни чюжимъ, ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ, да не кляти васъ начнутъ. Куда же поидете, идѣже станете, напоите, накормити унеина²⁾; и болѣ же

¹⁾ Судья низшей инстанціи.

²⁾ Просящій, отъ унити—просить.

читите гостѣ, откуда же къ вамъ придетъ, или простѣ, или добрѣ, или солѣ¹⁾, аще не можете даромъ²⁾, брашномъ и питьемъ; ти бо мимоходячи прославятъ челоуѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ. Болнаго присѣтите; надъ мертвеца идете, яко вси мертвени есмы; и челоуѣка не минѣте, не привѣчавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конецъ всему: страхъ Божий имѣйте выше всего; аще забываете всего³⁾, а часто прочитайте: и мнѣ будетъ безъ сорама, и вамъ будетъ добро. Его же умѣючи, того не забывайте доброго, а его же не умѣючи, а тому ся учитѣ, якоже бо отецъ мой, дома сѣдя, изумѣаше 5 языкъ⁴⁾, в томъ бо честь есть отъ инѣхъ земль. Лѣность бо всему мати, еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учитѣ; добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе, первое къ церкви: да не застанетъ васъ солнце на постели; тако бо отецъ мой дѣяшетъ блаженный и вси добрии мужи свершении; заутреню отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцю въсходящую, и узрѣвше солнце, и прославити Бога съ радостью, и рече: просвѣти очи мои, Христе Боже, иже далъ ми еси свѣтъ твой красный, и еще: Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ⁵⁾, грѣховъ своихъ покаявѣся, оправдивъ животъ, тако похвалю Бога; и сѣдше думати съ дружиною, или люди оправливати⁶⁾, или на ловѣ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати: спанье есть отъ Бога присужено полудне, отъ чина⁷⁾ бо почиваетъ и звѣрь и птици и челоуѣци. А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже⁸⁾ ся

¹⁾ Посоль.

²⁾ Подаркомъ.

³⁾ Чтобы вамъ не забыть всего.

⁴⁾ По Карамзину, кн. Всеволодъ могъ знать языки: греческій, скандинавскій, половецкій и венгерскій, кромѣ русскаго.

⁵⁾ Остатокъ.

⁶⁾ Править, судить.

⁷⁾ Чинъ—часть.

⁸⁾ Еже, что.

есмь тружалъ, пути дѣя и ловы 13 лѣтъ. Первое къ Ростову идохъ, сквозъ Вятчѣ, посла мя отецъ, а самъ иде Курьску; и паки 2-е к Смолинску со Ставкомъ Скордятичемъ, той паки и отъиде къ Берестію со Изяславомъ, а мене посла Смолинску; то и Смолинска идохъ Володимерю. Тое же зимы то и посласта Берестію брата на головнѣ ¹⁾ идѣ бяху пожгли, то и ту блюдъ городъ тѣхъ; та идохъ Переяславлю отцю, а по Велицѣ дни изъ Переяславля та Володимерю, на Сутейску ²⁾ мира творить съ Ляхы; оттуда паки на лѣто Володимерю опять ³⁾. Та посла мя Святославъ в Ляхы: ходивъ за Глоговы до Чешскаго лѣса, ходивъ в земли ихъ 4 мѣсяци; и в то же лѣто и дѣтя ся роди старѣйшее Новгородское; та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову. И Святославъ умре, и язъ паки Смолинску, а и Смолинска той же зимѣ та къ Новугороду; на весну Глѣбови въ помочъ; а на лѣто со отцемъ подъ Полтескъ ⁴⁾, а на другую зиму съ Святополкомъ подъ Полтескъ; ожгоша Полтескъ; онъ иде Новугороду, а я съ Половци на Одрьскъ, воюя; та Чернигову. И паки и Смолинска къ отцю придохъ Чернигову; и Олегъ приде, изъ Володимеря выведенъ, и возвахъ и къ собѣ на обѣдъ со отцемъ въ Черниговѣ, на Краснѣмъ дворѣ, и вдахъ отцю 300 гривенъ золота. И паки и Смолинска же пришедъ, и проидохъ сквозъ Половѣчскыи вой, бѣся до Переяславля, и отца налѣзохъ съ полку пришедше; той паки ходихомъ, томъ же лѣтѣ, со отцемъ и со Изяславомъ битъся Чернигову съ Борисомъ, и побѣдихомъ Бориса и Олга. И паки идохомъ Переяславлю, и стахомъ во Обровѣ, и Всеславъ Смолнескъ ожже, и азъ всѣдъ съ Черниговци о двою коню, и не застахомъ въ Смолинскѣ; тѣмъ же путемъ по Всеславѣ пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожска, тѣ на Дръютскъ воюя, та Черни-

¹⁾ На головни, т. е. на пожарище.

²⁾ Сутейскъ—ущелье между горами.

³⁾ Назадъ.

⁴⁾ Полоцкъ, назв. г. отъ рѣки Полоты.

гову. А на ту зиму повоеваша Половци Стародубъ весь, и азъ шедъ съ Черниговци и съ Половци, на Деснѣ изъймахомъ князи Асадука и Саука, и дружину ихъ избиша; и назаутреѣ за Новымъ городомъ разгнахомъ силны вой Белкатина, а се мечи и полонъ весь отъяхомъ. А въ Вятчи ходихомъ по двѣ зимѣ на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну ходихъ 1-ю зиму; и паки по Изяславичихъ за Микулинъ, и не постигохомъ ихъ; и на ту весну къ Ярополку совокупляться на Броды. Томъ же лѣтѣ гонихомъ по Половчихъ за Хоролъ, иже Горошинъ взяша. И на ту осень идохомъ съ Черниговци и съ Половци, съ Читѣвичи, къ Мѣнску; изъѣхавъ городъ и не оставихомъ у него ни челядина ни скотины. На ту зиму идохомъ къ Ярополку совокупляться на Броды, и любовь велику створихомъ. И на весну посади мя отецъ въ Переяславли передъ братьею, и ходихомъ за Супой; и ѣдучи къ Прилуку городу, и срѣтоша ны внезапно Половечскыи князи, 8 тысячъ, и хотѣхомъ съ ними ради битися, но оружье бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ, и внидохомъ въ городъ; толко Семцю яша одного живого, ти смердъ нѣколько, а наши онѣхъ болѣ избиша и изымаша, и не смѣша ни коня пояти въ руцѣ, и бѣжаша на Сулу тое ночи; и заутра, на Госпожинъ день, идохомъ къ Бѣлѣ вежи, и Богъ ны поможе и святая Богородица: избиша 900 Половецъ, и два князя яша, Багубарсова брата, Асиня и Сакзя, а два мужа толко утекоста; и потомъ на Святославъ гонихомъ по Половчихъ, и потомъ на Торческый городъ, и потомъ на Гюргевъ по Половчихъ; и паки на той же сторонѣ у Красна Половци побѣдихомъ; и потомъ съ Ростиславомъ же у Варина вежѣ взяхомъ. И потомъ ходивъ Володимерю, паки Ярополка посадихъ, и Ярополкъ умре. И паки по отни смерти и по Святополцѣ на Сулѣ бившеся съ Половци до вечера, быхомъ у Халѣпа, и потомъ миръ створихомъ съ Тугорканомъ и со инѣми князи Половечскыи; и у Глѣбови чади пояхомъ дружину свою всю. И потомъ Олегъ на мя приде съ Половечскою землею къ Чернигову,

и бишася дружина моя съ нимъ 8 дний о малу греблю ¹⁾, и не вдадуче имъ въ острогъ, съжаливсья хрестьяныхъ душъ и селъ горящихъ и монастырь, и рѣхъ: „не хвалитися поганымъ“, и вдахъ брату отца его мѣсто, а самъ идохъ на отца своего мѣсто Переяславлю; и изидохомъ на святаго Бориса день изъ Чернигова, и ѣхавомъ сквозѣ полкы Половчскіѣ, не въ 100 дружинѣ, и съ дѣтми и съ женами, и облизавутся на насъ акы волци стояще, и отъ перевоза и съ горъ. Богъ и святыи Борисъ не да имъ мене въ користь неврежени доидохомъ Переяславлю. И сѣдѣвъ въ Переяславли 3 лѣта и 3 зимы, и съ дружиною своею, и многи бѣды прияхомъ отъ рати и отъ голода; и идохомъ на вои ихъ за Римовъ, и Богъ ны поможе, избиша и, а другия поимаша; и паки Итлареву чадѣ избиша, и вежи ихъ взяхомъ, шедше за Голтавомъ. И Стародубу идохомъ на Олга, зане ся баше приложилъ къ Половцемъ; и на богъ идохомъ съ Святополкомъ на Боняка за Росъ; и Смолинску идохомъ, съ Давыдомъ смилившеся; паки идохомъ другое съ Вороницѣ; тогда же и Торци придоша ко мнѣ, изъ Половецъ Читѣевичи, идохомъ противу имъ на Сулу. И потомъ паки идохомъ къ Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихомъ Смолинску; и се нынѣ иду Ростову. И паки съ Святополкомъ гонихомъ по Боняцѣ, но ли оли убиша ²⁾, и не постигохомъ ихъ; и потомъ по Боняцѣ же гонихомъ за Росъ, и не постигохомъ его. И на зиму Смоленску идохомъ, и Смоленска по Велицѣ дни выидохъ; и Гюргева мати умре. Переяславлю пришедъ на лѣто, собрахъ братью; и Бонякъ приде со всеми Половци къ Князю, идохомъ за ня изъ Переяславля за Сулу, и Богъ ны поможе, и полъкы ихъ побѣдихомъ, и князи изъимахомъ лѣпшии, и по Рожествѣ створихомъ миръ съ Аепю, и поимъ у него дщерь, идохомъ Смоленску; и потомъ идохъ Ростову. Пришедъ изъ Ростова, паки идохъ на Половци на Урубу съ

¹⁾ Окопъ.

²⁾ Выраженіе непонятное, вѣроятно, испорченное писцомъ. *Примечаніе Археограф. Ком.*

Святополкомъ, и Богъ ны поможе; и потомъ паки на Боняка къ Лубну, и Богъ ны поможе; и потомъ ходихомъ въ войну съ Святополкомъ; и потомъ паки на Донъ идохомъ съ Святополкомъ и съ Давыдомъ, и Богъ ны поможе; и къ Выреви бяху пришли Аепа и Бонякъ, хотѣша взяти и, ко Ромну идохъ со Олгомъ и съ дѣтми на ня, и они очитивше бѣжаша. И потомъ къ Мѣньску ходихомъ на Глѣба, оже ны баше люди заялъ и Богъ ны поможе и створихомъ свое мышленое. И потомъ ходихомъ къ Володимерю на Ярославця, не терпяче злобъ его. А изъ Чернигова до Кыева нестишъ ѣздихъ къ отцю, днемъ есмъ переѣздилъ до вечерни; а всѣхъ путей 80 и 3 великихъ, а прока не испомню меншихъ. И мировъ есмъ створилъ съ Половечскими князи безъ одного 20, и при отци и кромѣ отца, а дая скота ¹⁾ много и многи порты свои; и пустилъ есмъ Половечскихъ князь лѣпшихъ изъ оковъ толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, Овчины братьѣ 4, а всѣхъ лѣпшихъ князей ивѣхъ 100; а сами князи Богъ живы въ руцѣ дава: Коксусъ съ сыномъ, Акланъ, Бурчевичъ, Таревскій князь Азгулуй, и инѣхъ кметий молодыхъ 15, то тѣхъ живы ведъ, исѣкъ, вметахъ въ ту рѣчку въ Славинъ ²⁾; по чередамъ избъено не съ 200 въ то время лѣпшихъ. А се тружахъся ловы дѣя: понеже сѣдохъ въ Черниговѣ, а изъ Чернигова вышедъ, и до ... ³⁾ лѣта по сту уганивалъ и имъ даромъ всею силою кромѣ иного лова, кромѣ Турова, иже со отцемъ ловилъ есмъ всякъ звѣрь. А се въ Черниговѣ дѣялъ есмъ: конь дикихъ своимъ руками связалъ есмъ, въ пушахъ 10 и 20 живыхъ конь, а кромѣ тогоже по Роси ѣздя ималъ есмъ своимъ руками тѣ же кони дикіѣ. Тура мя 2 метала на розѣхъ и съ конемъ, олень мя одинъ боль ⁴⁾, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а

¹⁾ Скотъ—вообще деньги, отсюда скотница—казна.

²⁾ Рѣка Сальна, одинъ изъ притоковъ р. Сала, на которой въ 1111 г. были разбиты Половцы.

³⁾ Здѣсь на срединѣ листа прорвано. *Прим. Арх. Ком.*

⁴⁾ Бодалъ, отъ бости.

другой рогама боль, вепрь ми на бедръ мечь отялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедра, и конь со мною поверже; и Богъ неврежена мя съблюде; и съ коня много падахъ, голову си разбихъ дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередихъ, въ уности своей вередихъ, не блюда живота своего, ни щадя головы своея. Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зноу и на зимѣ, не дая собѣ упокоя; на посадники не зря, ни на биричи, самъ творилъ что было надобѣ, весь нарядъ и въ дому своемъ то я творилъ есмь; и въ ловчихъ ловчій нарядъ самъ есмь держалъ, и въ конюсѣхъ; и о соколѣхъ и о ястребахъ; то же и худаго смерда и убогѣхъ вдовицъ на даль есмь сильнымъ обидѣти, и церковнаго наряда ¹⁾ и службы самъ есмь приизиралъ. Да не зазрите ми, дѣти мои, ни инъ кто, прочетъ, не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю Бога и прославляю милость его, иже мя грѣшнаго и худаго селико лѣтъ соблюлъ отъ тѣхъ часъ смертныхъ, и не лѣнива мя былъ створилъ худаго на вся дѣла человѣчская потребна. Да ю грамотицю прочитаючи, потѣснѣтеса на вся дѣла добрая, славяще Бога съ святыми его. Смерти бо ся, дѣти, не бояще, ни рати, ни отъ звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы Богъ подасть; оже бо язъ отъ рати, и отъ звѣри и отъ воды, отъ коня спадаеся, то никтоже васъ ²⁾ не можетъ вредитися и убити, понеже не будетъ отъ Бога повелѣно; а иже отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья не могутъ отъяти, но оче³⁾ добро есть блюсти, Божие блюдене лѣплѣе есть человѣчскаго. О многострастный и печалны азъ! много борешися сердцемъ, и одолѣвши, душѣ, сердцю моему, зане, тлѣнныѣ сущи, помышляю како стати предъ страшнымъ

¹⁾ Порядка.

²⁾ Никто изъ васъ.

³⁾ Т. е. ежели, хотя. *Примѣч. Археогр. Ком.* Т. е. если хорошо беречься самому, то еще лучше полагаться на Бога.

Судбею, каенья и смѣренья не приемшимъ межю собою. Молвить бо иже: Бога люблю, а брата своего не люблю, ложь есть; и пакы: аще не отпустите прегрѣшенныхъ брату, ни вамъ отпустить Отецъ вашъ небесный. Пророкъ глаголетъ: не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ безаконье; что есть добро и красно, не еже жити братья вкупѣ! . . . ¹⁾

Но все дьяволе наученье! то бо были рати при умныхъ дѣдѣхъ нашихъ, при добрыхъ и при блаженныхъ отцихъ нашихъ; дьяволъ бо не хочетъ добра роду человѣческому, сваживаетъ ны. Да се ти написахъ, зане принуди мя сынъ мой, его же еси хрстилъ, иже то сѣдитъ близъ тебе, прислалъ ко мнѣ мужъ свой и грамоту, река: ладимся и смѣримся, а братцю моему судъ пришелъ; а въ ему не будевъ местника, но възложивъ на Бога, а стануть си предъ Богомъ; а Русьскы земли не погубимъ. И азъ видѣхъ смѣренье сына своего, сжалихся и Бога устрашихся, рекохъ: онъ въ уности своей и въ безумье сице смѣряется, на Бога укладаетъ; азъ человѣкъ грѣшенъ есмь паче всѣхъ человѣкъ. Послушахъ сына своего, написахъ ти грамоту: аще ю примешь съ добромъ, ли съ поруганьемъ, свое же узрю на твоёмъ писаньи. Сими бо словесы варихъ ты переди, его же почаяхъ отъ тебе, смѣреньемъ и покаяньемъ, хотя отъ Бога ветхыхъ своихъ грѣховъ оставлена. Господь бо нашъ не человѣкъ есть, но Богъ всей вселенѣ, иже хочетъ, въ мгновеньи ока вся створити хочетъ, то самъ претерпѣ хуленье и оплеванье и ударенье, и на смерть влася, животомъ владѣя и смертью; а мы что есмы? человѣци грѣшнии, ли си, день живи, а утро мертви, днесъ въ славѣ и въ чти, а завтра въ гробѣ и безъ памяти, ини собранье наше раздѣлять. Зри, братъ, отца наю: что взяста, или чимъ има порты? не токмо оже еста створила души своей. Но да сими словесы,

¹⁾ *Примѣч. Археогр. Ком.* «Отсюда слѣдуетъ „Посланіе Владиміра Мономаха Олегу Святославичу“, смѣшанное сочинителемъ Лѣтописи, или писцомъ, съ „Поученіемъ его дѣтямъ“; оно писано въ 1096 г., послѣ Муромскаго сраженія, въ которомъ убитъ сынъ Владиміровъ Изяславъ. См. Карамз. II, 115—119 и прим. 177».

пославше быше переди, братъ, ко мнѣ варити мене. Егда же убиша дѣтя мое и твое предъ тобою, и быше тебѣ, узрѣвше кровь его и тѣло увянувшю, яко цвѣту нову процвѣтшю, якоже агньцю заколену, и рещи быше, стояще надъ нимъ, вникущи помыслы души своей: увы мнѣ! что створи хъ, и пождавъ его безумья, свѣта сего мечетнаго кривости ради налѣзохъ грѣхъ собѣ, отцю и матери слезы; и рещи быше Давыдскы: яко беззаконие мое азъ знаю, грѣхъ мой предо мною есть выну. Не крове дѣля пролитья, помазаникъ Божий Давыдъ, нъ грѣхъ створи, посына главу свою и плакася горко во тѣ часъ отда ему согрѣшенья его Богъ. А къ Богу быше покаяться, а ко мнѣ быше грамоту утѣшеную, а сноху мою послати ко мнѣ, зане нѣсть въ ней ни зла, ни добра, да быхъ обуймъ оплакалъ мужа ея и оны сватбы ею, въ пѣсний мѣсто: не видѣхъ бо ею первѣе радости, ни вѣнчанья ею, за грѣхы своя; а Бога дѣля пусти ю ко мнѣ вборзѣ съ первымъ сломъ, да не съ нею кончавъ слезы посажу на мѣстѣ, и сядеть акы горлица на сусѣхъ дрѣвѣхъ, желючи, а азъ утѣшюся о Бозѣ. Тѣмъ бо путемъ шли дѣди и отци наши: судъ отъ Бога ему пришелъ, а не отъ тебе. Аще бы тогда свою волю створилъ, и Муромъ налѣзлъ, а Ростова бы не занималъ, а послалъ ко мнѣ, отсюда ся быхомъ уладили; но самъ разумѣй, мнѣ ли бы послати къ тебѣ достойно, ци ли тобѣ ко мнѣ? да же еси велѣлъ дѣяти: „слися къ отцю“, десятыя есмь послалъ. Дивно ли, оже мужъ умерлъ въ полку ти? лѣпше суть измерли и роди наши; да не выискивати было чужего, ни мене въ соромъ, ни въ печаль ввести; научиша бо и паропци, да быша собѣ налѣзли, но оному налѣдоша зло. Да еже начнеши каятися Богу, и мнѣ добро сердце створиши, пославъ соль свой, или пископа, и грамоту напиши съ правдою, той волость възмешь съ добромъ, и наю сердце обратиши къ собѣ, и лѣпше будемъ яко и прежде; нѣсмъ ти ворожитъ, ни мѣстникъ. Не хотѣхъ бо крови твоея видѣти у Стародуба: но не дай ми Богъ крови отъ руку твоею видѣти, ни отъ повелѣнья своего, ни кото-

раго же брата. Аще ли лжю, а Богъ мя вѣдаетъ и крестъ честный. Оли то буду грѣхъ створилъ, оже на тя шедъ къ Чернигову, поганыхъ дѣля, ли того ся каю; да то языкомъ брати пожаловахъ, и пакы е повѣдахъ, зане человекъ есмь; аще ти добро, да съ тѣмъ; али ти тихое, да то ти сѣдять сынъ твой хрестыный съ малымъ братомъ своимъ, хлѣбъ ѣдучи дѣдень, а ты сѣдиши въ своемъ. А о се ся ради; али хочеша тою убить, а то ти еста, повеже не хощю я лиха, но добра хощю брати и Русьскѣй земли; а его же ты хощеши насильемъ, тако вѣ даяла и у Стародуба и мила ся дѣюща по тебѣ очину твою: али Богъ послухъ тому, съ братомъ твоимъ рядилися есвѣ, а не поможетъ рядитися безъ тебе, и не створила есвѣ лиха ничтоже, ни рекла есвѣ: сли къ брату, дондеже уладимся; оже ли кто васъ не хощетъ добра, ни мира хрестыаномъ, а не буди ему отъ Бога мира узрѣти на ономъ свѣтѣ души его. Не по нужи ти молвлю, ни бѣда ми которая, по Бозѣ самъ услышишь; но душа ми своя лутши всего свѣта сего; на страшнѣй при бе—суперникъ обличаюся, и прочее ¹⁾.

1097. Въ лѣто 6605. Придоша Святополкъ и Володимѣръ, и Давыдъ Игоревичъ, и Василко Ростиславичъ, и Давыдъ Святославичъ, и братъ его Олегъ, и сняшася Любичи на устроенье мира, и глаголаша къ собѣ, рекуще: „почто губимъ Русьскую землю, сами на ся котору дѣюще? а Половци землю нашу несутъ розно, и ради суть, оже межю нами рати; да нынѣ отселѣ имемся по едино сердце, и блюдемъ Руськѣй земли, каждо да держитъ отчину свою: Святополкъ Кыевъ Изяславлю, Володимѣръ Всеволозю, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Святославлю; а имъ же роздаять Всеволодъ города, Давыду Володимѣръ, Ростиславичема Перемышль Володареви,

¹⁾ Здѣсь оканчивается выписка изъ Посланія Владимѣра Мономаха къ Олегу, и далѣе слѣдуетъ Отрывокъ молитвеннаго содержанія.

Теребовль Василкови“. И на томъ цѣловаша крестъ: „да
еще кто отселѣ на кого будетъ, то на того будемъ вси и
крестъ честный“; рекоша вси: „да будетъ на нь крестъ
честный и вся земля Русская“: и цѣловавшеся поидоша
всояси. И приде Святополкъ съ Давыдомъ Киеву, и ради
быша людѣе вси; но токмо дьяволъ печаленъ бяше о любви
сей; и влѣзе сотона въ сердце нѣкоторымъ мужемъ, и по-
чаша глаголати къ Давыдови Игоревичю, рекуще сице: „яко
Володимеръ сложился есть съ Василкомъ на Святополка и
на тя“. Давыдъ же емъ вѣру лживымъ словесомъ, нача мол-
вити на Василка, глаголя: „кто есть убилъ брата твоего
Ярополка? а нынѣ мыслить на мя и на тя, и сложился есть
съ Володимеромъ; да промысли о своей головѣ“. Свято-
полкъ же смятесе умомъ, река: „еда се право будетъ, или
лжа, не вѣдѣ“; и рече Святополкъ къ Давыдови: „да еще
право глаголеши, Богъ ти буди послухъ; да еще ли завистью
молвишь, Богъ будетъ за тѣмъ“. Святополкъ же сжалиси по
братѣ своему и о собѣ нача помышляти, еда се право бу-
детъ? и я вѣру Давыдови, и прелести Давыдъ Святополка, и
начаста думати о Васильцѣ; а Василко сего не вѣдѣше ни
Володимеръ. И нача Давыдъ глаголати: „еще не имевъ Ва-
силка, то ни тобѣ княженя Киевѣ, ни мнѣ в Володимери“;
и послуша его Святополкъ. И приде Василко въ 4 ноямбря,
и перевезеса на Выдобычъ, и иде поклонится къ святому
Михаилу въ монастырь, и ужина ту, а товары своя постави
на Рудици; вечеру же бывшую прииде въ товаръ свой. И на-
утрия же бывшую, присла Святополкъ, река: „не ходи отъ
именинъ моихъ“. Василко же отпръся, река: „не могу ждати;
еда будетъ рать дома“. И присла къ нему Давыдъ: „не ходи,
брате, не ослушайся брата старѣйшаго“; и не всхотѣ Ва-
силко послушати. И рече Давыдъ Святополку: „видиши ли,
не помнишь тебѣ, ходя въ твоею руку; аще ти отъидеть въ
свою волость, самъ узриши, аще ти не займетъ градъ твоихъ
Турова, и Пиньска, и прочихъ градъ твоихъ, да помянешъ
мене; но призвавъ нынѣ и, емъ и даждь мнѣ“. И послуша

его Святополкъ, и посла по Василка, глаголя: „да еще не
хощешь ждати до именинъ моихъ, да приди нынѣ, цѣлуеши
мя, и посѣдимъ вси съ Давыдомъ“. Василко же общася
прити, не вѣдый лсти, юже имаше на нь Давыдъ. Василко
же всѣдъ на конь поѣха, и устрѣте и дѣтський¹⁾ его и
повѣда ему, глаголя: „не ходи, княже, хотять тя яти“. И
не послуша его, помышляя, „како мя хотять яти? оногды
цѣловали крестъ, рекуще: аще кто на кого будетъ, то
на того будетъ крестъ и мы вси“; и помысливъ се пре-
крестися рекъ: „воля Господня да будетъ“. И приѣха въ
малѣ дружинѣ на княжъ дворъ; и вылѣзе противу его Свя-
тополкъ, и идоша въ истобку, и приде Давыдъ, и сѣдоша.
И нача глаголати Святополкъ: „останися на *святокъ*“²⁾. И
рече Василко: „не могу остати, брате; уже есмъ повелѣлъ
товаромъ поити переди“. Давыдъ же сѣдѣше акы нѣмъ. И
рече Святополкъ: „да заутрокай, брате!“ и общася Василко
заутракаати. И рече Святополкъ: „посѣдита вы сдѣ, а язъ
лѣзу, наряжу“. И лѣзе вонъ, а Давыдъ съ Василкомъ сѣ-
доста. И нача Василко глаголати къ Давыдови, и не бѣ въ
Давыдѣ гласа, ни послушанья; бѣ бо ужаслся, и леств имѣя
въ сердци. И посѣдѣвъ Давыдъ мало, рече: „кдѣ есть братъ“?
Они же рѣша ему: „стоятъ на сѣнехъ“. И вставъ Давыдъ,
рече: „азъ иду по нь; а ты, брате, посѣди“. И вставъ иде
вонъ. И яко выступи Давыдъ, и запроша Василка, въ 5
ноямбря, и оковаша и въ двои оковы, и приставиша къ
нему сторожѣ на ночь. Наутрия же Святополкъ созва бояръ
и Кьянъ, и повѣда имъ, еже бѣ ему повѣдалъ Давыдъ: яко
„брата ти убилъ, а на тя свѣчался съ Володимеромъ, и хо-
щеть тя убити и грады твоя зайти“. И рѣша бояре и людѣе:
„тобѣ, княже, достоить блюсти головы своее; да еще есть
право молвилъ Давыдъ, да приметъ Василко казнь; аще ли
неправо глагола Давыдъ, да приметъ мечь отъ Бога и отвѣ-
чаетъ предъ Богомъ“. И увѣдѣша игумени, и начаша моли-

¹⁾ Въ др. сп. „отрокъ“.

²⁾ Праздникъ. (Солов. II. Р. II, гл. IV).

тиса о Василкѣ Святополку; и рече имъ Святополкъ: „ото Давидъ“. Увѣдѣвъ же се Давидъ, нача поущати на ослѣпленіе: „аще ли сего не створишь, апустишь и, то ни тобѣ княжити, ни мнѣ“. Святополкъ же хотяше пустити и, но Давидъ не хотяше, блюдася его. И на ту ночь ведоша и Бѣлугороду, иже градъ малъ у Києва яко 10 верстъ въдале, и привезоша и на колѣхъ, окована суща, ссадиша и съ колѣ, и ведоша и въ истобку малу. И сѣдящю ему, узрѣ Василко Торчина остряща ножъ, и разумѣ, яко хотятъ и слѣпнати, възни къ Богу плачемъ великимъ и стенаньемъ. И се влѣзоша послании Святополкомъ и Давыдомъ, Сновидъ Изечевичъ конюхъ Святополчъ, и Дмитръ, конюхъ Давыдовъ, и почаста простирати коверъ, и простерша яста Василка и хотяща и повреци; и боряшется съ нима крѣпко, и не можаста его повреци. И се влѣзше друзии повергоша и, и связаша и, и снемше доску съ печи, и възложиша на перси его; и сѣдоста обаполы Сновидъ Изечевичъ и Дмитръ, и не можаста удержати; и приступиста ина два, и сняста другую дску съ печи, и сѣдоста, и удавиша и рамяно, яко персемъ троскотати. И приступи Торчинъ, именемъ Беренди, овчюхъ Святополчъ, держа ножъ и хотя ударити в око, и грѣпсися ока и перерѣза ему лице, и есть рана та на Василкѣ и нынѣ; и посемъ удари и въ око, и изъ зѣницю, и посемъ въ другое око, и взя другую зѣницю; и томъ часѣ бысть яко и мертвъ. И взявше и на коврѣ възложиша на кола яко мертва, повезоша и Володимерю. И бысть везому ему, стаха съ нимъ перешедше мость Звиженскій, на торговищи, и сволокоша съ него сорочку, кроваву суццю, и вдаша попадѣ опрати; попадѣ же оправши възложи на нь, онѣмъ обѣдующимъ, и плакатися нача попадѣ, яко мертву суццю оному. И очюти плачь, и рече: „кдѣ се есмь? Они же рекоша ему: „въ Звиждени городѣ“. И вприси воды, они же даша ему, и испи воды, и вступи въ онѣ душа, и упомянуся, и пощюпа сорочки и рече: „чему есте сняли съ мене? да бѣхъ въ той сорочкѣ кровавъ смерть принялъ и сталъ предъ Богомъ“. Онѣмъ же обѣдавшимъ, по-

идоша съ нимъ вскорѣ на колѣхъ, а по грудну пути, бѣ бо тогда мѣсяць грудень, рекше ноябрь; и придоша съ нимъ Володимерю въ 6 день. Приде же и Давидъ съ нимъ, акы нѣкакъ уловъ уловивъ; и посадиша и въ дворѣ Вакѣевѣ, и приставиша 30 мужъ стеречи и 2 отрока княжа, Уланъ и Колчко. Володимеръ же слышавъ, яко ятъ бысть Василко и слѣплень, ужасеся, и всплакавъ и рече: „сего не бывало есть въ Русьскѣй земли, ни при дѣдѣхъ нашихъ, ни при отцѣхъ нашихъ, сякого зла“. И ту абѣ посла къ Давиду и къ Ольгови Святославичема, глаголя: „пойдѣта къ Городцю, да поправимъ сего зла, еже ся створи се въ Русьскѣй землѣ и въ насъ, въ братѣ, оже ввержень въ ны ножъ; да аще сего не правимъ, то болшее зло встанетъ в насъ, и начнетъ братъ брата закалати, и погыбнетъ земля Руская, и врази наши, Половци, пришедше возьмутъ землю Русьскую“. Се слышавъ Давидъ и Олегъ печална быста велми и плакастася, рекуща: „яко сего не было въ родѣ нашемъ“. И ту абѣ собравъша воѣ, придоста къ Володимеру. Володимеру же съ вои стоящю въ бору, Володимеръ же и Давидъ и Олегъ послаша мужѣ свои, глаголюще къ Святополку: „что се зло створилъ еси въ Русьскѣй землѣ, и ввергълъ еси ножъ въ ны? чему еси слѣпнилъ братъ свой? аще ти бы вина кая была на нь, обличилъ бы и предъ нами, и упрѣвъ ты и¹⁾, створилъ ему; а нынѣ яви вину его, оже ему се створилъ еси“. И рече Святополкъ: яко „повѣда ми Давидъ Игоревичъ: яко Василко брата ти убилъ, Ярополка, и тебе хощетъ убити и зяяти волость твою, Туровъ, и Пинескъ, и Берестіе и Погорину, а заходилъ ротѣ съ Володимеромъ, яко сѣсти Володимеру Києвъ, а Василкови Володимери; а неволя ми своее головы блюсти, и не язъ его ослѣпилъ, но Давидъ, и велъ и къ собѣ“. И рѣша мужи Володимери, и Давыдови и Ольгови: „извѣта о семъ не имѣй, яко Давидъ есть слѣпнилъ и; не въ Давыдовѣ городѣ ятъ, ни слѣплень, но въ твоємъ градѣ

¹⁾ Доказавъ его вину. (Сол. И. Р. II. Гл. I).

ятъ и слѣплень“; и се имъ глаголющимъ разидошася разнѣ. Наутри же хотящимъ чрезъ Днѣпръ на Святополка, Святополкъ же хотѣ побѣгнуги изъ Кіева, и не даша ему Кияне побѣгнуги, но послаша Всеволожою и митрополита Николу къ Володимеру, глаголюще: „молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли; аще бо възмететь межю собою, погании имуть радоватися, и возмутъ землю нашу, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши трудомъ великимъ и храброствомъ, побарающе по Русьскѣй земли, ины земли приискиваху, а вы хотите погубити землю Русьскую“. Всеволожа же и митрополитъ придоста къ Володимеру и молишася ему, и повѣдаста молбу Киянъ, яко творити миръ, и блюсти землѣ Русьскѣй, и брань имѣти съ погаными. Се слышавъ Володимеръ, расплакавъся и рече: „по истинѣ отци наши и дѣди наши соблюли землю Русьскую, а мы хотимъ погубити“; и преклонися на молбу княгинину, чтящеть ю акы мать, отца ради своего, бѣ бо любимъ отцю своему повелику, и въ животѣ и по смерти, не ослушася его ни въ чемъ же; тѣмже и послуша ея, акы матери, и митрополита такоже чтяше, санъ святительскій, и не преслуша молбы его, Володимеръ бо такъ бѣше любезнивъ: любовь имѣя къ митрополитомъ и къ епископомъ и къ игуменомъ, паче же и чернечскій чинъ любя, и черници любя, приходящая къ нему напитае и напаяше, акы мати дѣти своя; аще кого видяше ли шюмна, ли въ коемъ зазорѣ, не осужаше, но вся на любовь прекладаше и утешаше. Но мы на свое възвратимся. Княгини же бывши у Володимера, приде Кіеву, и повѣда вся рѣчи Святополку и Кияномъ, яко миръ будетъ. И начаша межю собою мужѣ слати, и умиришася на семь, яко рѣша Святополку: „яко се Давыдова сколота; то иди ты, Святополче, на Давыда, любо ими, любо прожени и“; Святополкъ же емься по се, и цѣловаша крестъ межю собою, миръ створше. Василкови же сущю Володимери, на прежерѣченѣмъ мѣстѣ, и яко приближися постъ великій, и мнѣ ту сущю Володимери, въ едину нощъ присла по мя

князь Давыдъ. И приходъ къ нему, и сѣдаху около его дружина, и посадивъ мя и рече ми: „се молвилъ Василко си нощи къ Уланови и Колчи, рекъ тако: се слышу, оже идеть Володимеръ и Святополкъ на Давыда; да же бы мене Давыдъ послушалъ, да быхъ послалъ мужъ свой къ Володимеру воротитися, вѣдѣ бо ся съ нимъ что молвилъ, и не поидеть; да се, Василю, шлю ты, иди къ Василкови, тезу своему, сима отрокома, и молви ему тако: оже хочещи послати мужъ свой, и воротися Володимеръ, то вдамъ ти которой ти городъ любъ, любо Всеволожъ, любо Шеполь, любо Перемиль“. Азъ же идохъ къ Василкови, и повѣдахъ ему вся рѣчи Давыдовы. Онъ же рече: „сего есмъ не молвилъ; но надѣюся на Богъ, пошлю, да быша не прольяхи мене ради крови, но сему ми дивно, даеть ми городъ свой, а мой Тербовль, моя власть, пождавши и нынѣ“; якоже и бысть, вскорѣ бо прія власть свою. Мнѣ же рече: „иди къ Давыдови и рчи ему: пришли ми Кульмѣя, то пошлю къ Володимеру“. И не послуша его Давыдъ, и посла мя пакы река: „нѣту Кульмѣя“. И рече ми Василко: „посѣди мало“, и повелѣ служѣ своему ити вонъ, и сѣде со мною, и нача ми глаголати: „се слышу, оже мя хочеть дати Ляхомъ Давыдъ; то се мало ся насытилъ крове моея, а се хочеть болѣ насытитися, оже мя вдасть имъ? азъ бо Ляхомъ много зла творихъ, и хотѣлъ есмъ створити мстити Русьскѣй земли. И аще мя вдасть Ляхомъ, не боюся смерти; но се повѣдаю ти по истинѣ, яко на мя Богъ наведе за мое възвышеніе: яко приде ми вѣсть, яко идуть ко мнѣ Берендичи, и Печенѣзи, и Торци, и рекохъ въ умѣ своемъ: оже ми будутъ Берендичи и Печенѣзи и Торци, реку брату своему Володареву и Давидови: дайте ми дружину свою молодшую, а сама пийта и веселитися; и помыслихъ: на землю Лядскую наступлю на зиму, и на лѣто и возму землю Лядскую, и мьщю Русьскую землю; и посемъ хотѣлъ есмъ переяти Болгары Дунайскыѣ, и посадити я у собѣ; и посемъ хотѣхъ проститися у Святополка и у Володимера ити на Половци,

да любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою сложю за Русскую землю; ино помышленіе въ сердци моемъ не было ни на Святополка, ни на Давыда, и се клянуся Богомъ и его пришествіемъ, яко не помыслилъ есмь зла братѣи своей ни въ чемъ же, но за мое възнесеніе низложи мя Богъ и смири“. Посемъ же приходящу Велику дни, поиде Давыдъ, хотя переяти Василкову волость; и усрѣте и Володарь, братъ Василковъ, у Бужьска, и не смѣ Давыдъ стати противу Василкову брату, Володарю, и затворися въ Бужьскѣ, а Володарь оступи и въ городѣ. И нача Володарь молвити: „почто зло створивъ и не каешися его? да уже помянися, колико еси зла створилъ“. Давыдъ же на Святополка нача извѣтъ имѣти, глаголя: „ци я се створилъ, ци ли въ моемъ городѣ? я ся самъ боялъ, аще быша и мене яли и створили такоже; неволя ми было пристати въ совѣтъ, ходяче въ руку“. И рече Володарь: „Богъ свѣдѣтель тому, а нынѣ пусти братъ мой, и створю съ тобою миръ“. И радъ бывъ Давыдъ посла по Василка, и приведе и дасть Володарю, и створи ста миръ, и разидостася. И сѣде Василко Теревовли, а Давыдъ приде Володимерю; и наставши весиѣ, приде Володарь и Василко на Давыда, и придоста ко Всеволожю, а Давыдъ затворися Володимери. Онѣма же ставшима около Всеволожа, и взяста копьемъ градъ и зажгоста огнемъ и бѣгоша людье огня; и повелѣ Василко исѣчи вся, и створи мщеніе на людехъ неповинныхъ, и прольа кровь неповинну. Посемъ же придоста къ Володимерю, и затворися Давыдъ въ Володимери, и си оступиша градъ. И посласта къ Володимерцемъ, глаголюще: „вѣ не прѣдоховѣ на градъ вашъ, ни на васъ, но на врагы своя, на Турыка, и на Лазаря и на Василя, ти бо суть намолвили Давыда, и тѣхъ естъ послушалъ Давыдъ и створилъ се зло; да аще хотите за сихъ битися, да се мы готови, а любо выдайте врагы наша“. Граждане же се слышавъ, созваша вѣче, и рѣша Давыдови людье: „выдай мужи сія, не бьемся за сихъ, а за тя битися можемъ; аще ли, то отворимъ врата граду, а самъ промышлай о собѣ“; и неволя

бысть выдати я. И рече Давыдъ: „нѣту ихъ здѣ“, бѣ бо я послалъ Лучьску; онѣмъ же пошедшимъ Лучьску, Турыакъ бѣжа Кыеву, а Лазарь и Василь воротистася Турійску. И слышаша людье, яко Турійскѣ суть, кликнуша людье на Давыда и рекоша: „выдай, кого ти хотять; аще ли, то предаемся“. Давыдъ же пославъ приведе Василя и Лазаря, и дасть я; и створиша миръ въ недѣлю. А завтра, по зори, повѣсиша Василя и Лазаря и растрѣляша стрѣлами Василковичи, и идоша отъ града. Се же 2-е мщеніе створи его же не баше лѣпо створити, дабы Богъ отмстникъ былъ, и възложити было на Бога мщеніе свое, якоже рече Пророкъ: и вздамъ мѣсть врагомъ, и ненавидящимъ мя вздамъ, яко кровь сыновъ своихъ мщаетъ и мститъ, и вздасть мѣсть врагомъ и ненавидящимъ его. Симъ же отъ града отшедшимъ, сею же снемша погребоша я. Святополку же обѣщавшюся прогнати Давыда, поиде къ Берестю къ Ляхомъ; се слышавъ Давыдъ, иде въ Ляхы къ Володиславу, ища помощи. Ляхове же обѣщашася ему помагати, и взяша у него злата 50 гривенъ, рекуще ему: „поиди съ нами Берестю, яко се вабитъ ны Святополкъ на снемъ, и ту умиримъ тя съ Святополкомъ“; и послушавъ ихъ Давыдъ, иде Берестю съ Володиславомъ. И ста Святополкъ въ градѣ, а Ляхове на Бугу, и сосласа рѣчми Святополкъ съ Ляхы, и вдасть дары великы на Давыда; и рече Володиславъ Давыдови: „не послушаетъ мене Святополкъ, да иди опять“. И приде Давыдъ Володимерю, и Святополкъ свѣтъ створи съ Ляхы, поиде къ Пиньску, пославъ по воѣ; и приде Дорогобужю, и дожда ту вой своихъ и поиде на Давыда къ граду, и Давыдъ затворися въ градѣ чая помощи въ Лясѣхъ, бѣша бо ему рекли: „яко аще придуть на тя Русскыя князи, то мы ти будемъ помощники“; и солгаша ему, емлюще злато у Давыда и у Святополка. Святополкъ же оступи градъ, и стоя Святополкъ около града 7 недѣль; и поча Давыдъ молитися: „пусти мя изъ града“. Святополкъ же обѣщася ему, и цѣловаста крестъ межи собою, и изиде Давыдъ изъ града, и приде въ Червенъ; а Свято-

полкъ вниде въ градъ въ великую субботу, а Давыдъ бѣжа въ Ляхы. Святополкъ же, прогнавъ Давыда, нача думати на Володаря и на Василка, глаголя: „яко се есть волость отца моего и брата“; и поиде на ня. Се слышавъ Володаръ и Василко, поидоста противу, взявше крестъ, его же бѣ цѣловаль съ нима на семъ: яко „на Давыда пришелъ есмъ, а съ вама хочу имѣти миръ и любовь“. И преступи Святополкъ крестъ, надѣяся на множество вой. И стрѣтошася на поли на Рожни, исполчившимся обоимъ, и Василко възвыси крестъ, глаголя: „яко сего еси цѣловаль, се первъѣ взялъ еси зракъ очю моею, а се нынѣ хоцещи взяти душу мою; да буди межи нами крестъ съ“; и поидоша къ собѣ къ боеви, и еступишася полци, и мнози чловѣци благовѣрнии видѣша крестъ надъ Василковы вой възвышся велми. Брани же велицѣ бывши и мнозѣмъ падающимъ отъ обою полку, и видѣвъ Святополкъ, яко люта брань, и побѣже, и прибѣже Володимерю; Володаръ же и Василко побѣдивша, стаستا ту, рекуща: „довѣть нама на межи своей стати“, и не идоста никаможе. Святополкъ же прибѣже Володимерю, и съ нимъ сына его 2, и Ярополчыча 2, и Святоша сынъ Давыдовъ Святославича, и прочая дружина. Святополкъ же посади въ Володимери Мстислава....., а Ярослава посла въ Угры, вабя Угры на Володаря, а самъ иде Къеву. Ярославъ же, сынъ Святополчъ, приде съ Угры, и король Коломанъ и 2 пископа, и стаща около Перемышля по Вагру, а Володаръ затворися въ градѣ. Давыдъ бо въ то чинъ пришедъ изъ Ляховъ, и посади жену свою у Володаря, а самъ иде въ Половцѣ; и устрѣте и Бонякъ, и воротися Давыдъ, и поидоста на Угры. Идущема же има, стаща ночлѣгу; и яко бысть полунощи, и вставъ Бонякъ отѣха отъ вой, и поча выти волчьскы, и волкъ отвыся ему, и начаша волци выти мнози; Бонякъ же приѣхавъ повѣда Давыдови, яко „побѣда ны есть на Угры заутра“. И наутрия Бонякъ исполчи вой своѣ, и бысть Давыдовъ вой 100, а у самого 300; и раздѣли я на 3 полкы, и поиде къ Угromъ; и пусти на воропъ Алтунапу въ 50 чади,

а Давыда постави подъ стягомъ, а самъ раздѣлился на 2 части, по 50 на сторонѣ. Угры же исполчихася на заступы, бѣ бо Угръ числомъ 100 тысящъ. Алтунопа же пригна къ 1-му заступу, и стрѣливше побѣгнуша предъ Угры, Угры же погнаша по нихъ; яко бѣжаще минуша Боняка, и Бонякъ погнаше сѣкы въ тылъ, а Алтунопа възвратяшеться вспять, и не допустяху Угръ опять, и тако множицею убивая сбиша ѣ въ мячъ; Бонякъ же раздѣлился на 3 полкы, и сбиша Угры акы въ мячъ, яко се соколъ сбиваетъ галицѣ. И побѣгоша Угры, и мнози истопоша въ Вагру, а друзии въ Сану; и бѣжаще возлѣ Санъ у гору, и спихаху другъ друга, и гнаша по нихъ 2 дни, сѣкуще; ту же убиша и пископа ихъ Купана и отъ боярь многы; глаголаху бо, яко погыбло ихъ 40 тысящъ. Ярославъ же бѣжа на Ляхы, и приде Берестью, а Давыдъ заимъ Сугѣску и Червень, приде внезапно и зая Володимерцѣ, а Мстиславъ затворися въ градѣ съ засадою, иже бѣша у него Берестьяне, Пиняне, Выгошевеци; и ста Давыдъ, оступивъ градъ, и часто приступаше. Единою поступиша къ граду подъ вежами, онѣмъ же бьющимъ съ града, и стрѣляющимъ межи собою, идяху стрѣлы акы дождь; Мстиславу же хотящю стрѣлити, внезапно ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою, на заборолѣхъ, сквозѣ деку скважнею, и сведоша и, и на ту ноцъ умре, и таиша и 3 дни, и въ 4-й день повѣдаша на вѣчи. И рѣша людье: „се князь убьенъ; да аще ся вдамы, Святополкъ погубить ны вся“; и послаша къ Святополку, глаголюще: „се сынъ твой убьенъ, а мы изнемогаемъ гладомъ; да аще не придеши, хотять ся людье предати, не могуще глада терпѣти“. Святополкъ же посла Путятю, воеводу своего; Путята же съ вой пришедъ къ Лучьску къ Святоши, сыну Давыдову, и ту бяху мужи Давыдови у Святошѣ, заходилъ бо бѣ ротѣ Святоша къ Давыдови: „аще поидеть на тя Святополкъ, то повѣмъ ти“; и не створи сего Святоша, но изъима мужи Давыдовы, а самъ поиде на Давыда. И приде Святоша и Путята августа въ 5 день, Давыдовымъ воємъ облежащимъ градъ, въ полуденъе

Давыдови спящю, и нападоша на ня и почаша сѣчи; и горожане скочиша съ града, и почаша сѣчи воѣ Давыдовы, и побѣже Давыдъ и Мстиславъ, синовець его. Святоша же и Путята прияста градъ, и посадиша посадника Святополча Василя; и приде Святоша Лучьску, а Путята Къеву. Давыдъ побѣже въ Половцѣ, и усрѣте и Бонякъ; и поиде Давыдъ и Бонякъ на Святошу къ Лучьску, и оступиша Святошу в градъ, и створиша миръ. И изиде Святоша изъ града, и приде къ отцю своему Чернигову; а Давыдъ перея Лучьскъ, и отгуду приде Володимерю, посадникъ же Василь выбѣже, а Давыдъ перея Володимеръ и сѣде въ немъ. А на 2-е лѣто Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ и Олегъ прибавиша Давыда Игоревича, и не даша ему Володимеря, но даша ему Дорогобужъ, в немъ же и умре; а Святополкъ перея Володимеръ, и посади в немъ сына своего Ярослава.

1098. Въ лѣто 6606. Приде Володимеръ, и Давыдъ, и Олегъ на Святополка, и стаха у Городца, и створиша миръ, якоже и в прежнее лѣто сказахъ.

1099. Въ лѣто 6607. Изиде Святополкъ на Давыда къ Володимерю, и прогна Давыда в Ляхы. В се же лѣто побѣени Угри у Перемышля. В се же лѣто убѣненъ Мстиславъ, сынъ Святополкъ, в Володимери, мѣсяца июня въ 12 день.

1100. Въ лѣто 6608. Выиде Мстиславъ отъ Давыда на море мѣсяца июня въ 10. В томъ же лѣте братья створиша миръ межи собою, Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, Олегъ, въ Увѣтичихъ, мѣсяца августа въ 10 день. Того же мѣсяца въ 30, томъ же мѣстѣ, братья вся сняшася, Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, Олегъ, и приде къ нимъ Игоревичъ Давыдъ, и рече къ нимъ: „начто мя есте прибавили? осе есмъ; кому до мене обида“? И отвѣща ему Володимеръ: „ты еси прислалъ къ намъ: хочю, братья, прити к вамъ и пожаловатися своея обиды; да се еси пришелъ и сѣдишь с братею своею на единомъ коврѣ: то чему не жалуешься, до кого ти насъ жалоба“? и не отвѣща Давыдъ ничтоже. И стаха вся братья на конихъ; и ста Святополкъ съ своею

дружиною, а Давыдъ и Олегъ съ своею разнo, кромѣ себе, а Давыдъ Игоревичъ сѣдѣше кромѣ, и не приустяху его къ собѣ, но особъ думаху о Давыдѣ. И сдумавше послаше къ Давыду мужи своѣ, Святополкъ Путятю, Володимеръ Орогостя и Ратибора, Давыдъ и Олегъ Торчина; послании же придоша къ Давыдови и рекоша ему: „се ти молвѣтъ братья: не хочемъ ти дати стола Володимерьскаго, зане ввергль еси ножъ в ны, его же не было въ Русьскѣй земли; да се мы тебе на имемъ, ни иного ти зла не створимъ, но се ти даемъ: шедъ сяди въ Бужьскѣмъ, въ Острозѣ, а Дубенъ и Черторыекъ то ти даеъ Святополкъ, а се ти даеъ Володимеръ 200 гривенъ, а Давыдъ и Олегъ 200 гривенъ“. И тогда послаха слы своя къ Володарей и къ Василкови: „пойми брата своего Василка къ собѣ, и буди вама едина власть, Перемышль; да аще вамъ любо, да сѣдита, аще ли ни, да пусти Василка сѣмо, да его кормимъ сдѣ; а холопы наша выдайта и смерды“; и не послуша сего Володаръ, ни Василко. А Давыдъ сѣде Божьскѣмъ, и посемъ вдасть Святополкъ Давыдови Дорогобужъ, въ немъ же и умре; а Володимеръ вда сынови своему Ярославу.

1101. Въ лѣто 6609. Преставися Всеславъ, Полотьскый князь, мѣсяца априля, въ 14 день, въ 9 часъ дне, въ среду. В то же лѣто заратися Ярославъ Ярополчичъ Берестыи, и иде на нь Святополкъ, и заста и въ градъ, и емъ и, и окова, и приведе и Къеву; и молися о немъ митрополитъ и игумени, и умолиша Святополка, и заводиша и у раку святою Бориса и Глѣба, и сняша съ него оковы, и пустиша и. Томъ же лѣтѣ совокупишася вся братья: Святополкъ, Володимеръ, и Давыдъ, и Олегъ, Ярославъ, братъ ею, на Золотчи; и прислаха Половци слы отъ всѣхъ князей ко всей братии, просяще мира; и рѣша имъ Русскыи князи: „да аще хочете мира, да совокупимся у Сакова“; и послаха по Половцѣ, и сняшася у Сакова, и створиша миръ съ Половци, и пояха тали межи собою, мѣсяца септября въ 15 день, и разидошася разнo.

1102. Въ лѣто 6610. Выбѣже Ярославъ Ярополчичъ изъ Кіева, мѣсяца октября въ 1. Того же мѣсяца на исходѣ, прелестивъ Ярославъ Святополчичъ Ярослава Ярополчича, и ятъ и на Нурѣ, и приведе и къ отцю Святополку, и оковаша и. Томъ же лѣтѣ, мѣсяца декабря въ 20, приде Мстиславъ, сынъ Володимеръ, съ Новгородци, бѣ бо Святополкъ съ Володимеромъ рядъ имѣлъ, яко Новугороду быти Святополчю и посадити сынъ свой в немъ, а Володимеру посадити сынъ свой Володимери; и приде Мстиславъ Кіеву, и сѣдоша въ избѣ, и рѣша мужи Володимери: „се прислалъ Володимеръ сына своего, да се сѣдятъ Новгородци: да поимше сына твоего и идуть Новугороду, а Мстиславъ да идетъ Володимерю“. И рѣша Новгородци Святополку: „се мы, княже, прислани къ тобѣ, и ркли ны тако: не хотимъ Святополка, ни сына его; аще ли 2 главѣ имѣть сынъ твой, то пошли и; а сего ны далъ Всеволодъ, а въскормили есмы собѣ князь, а ты еси шелъ отъ насъ“. И Святополкъ же многу прю имѣвъ съ ними, онѣмъ же не хотѣвшимъ, поимше Мстислава, придоша Новугороду. В то же лѣто бысть знаменье на небеси, мѣсяца генваря въ 29 день, по 3 дни, акы пожарная заря отъ востока и уга и запада и сѣвера, и бысть тако свѣтъ всю ночь, акы отъ луны полны свѣтящся. В то же лѣто бысть знаменье в лунѣ, мѣсяца февраля въ 5 день. Того же мѣсяца въ 7 день бысть знаменье въ солнци: огородилося баше солнце въ три дуги, и быша другыя дуги хребты къ собѣ. И сія видяще знаменья, благовѣрнии челоуѣци со въздыханьемъ моляхуся къ Богу и со слезами, дабы Богъ обратилъ знаменья си на добро: знаменья бо бывають ова на зло, ова ли на добро. На придущее лѣто вложи Богъ мысль добру въ Русьскыѣ князи, умыслиша дерзнути на Половцѣ и поити въ землю ихъ, еже и бысть, якоже скажемъ послѣже в пришедшее лѣто. В се же лѣто преставися Ярославъ Ярополчичъ, мѣсяца августа въ 11 день. В се же лѣто ведена бысть дщи Святополча Сбыслава в Ляхы за Болеслава, мѣсяца ноября въ 16 день.

1103. Въ лѣто 6611. Богъ вложи в сердце княземъ Русскимъ Святополку и Володимеру, и снятася думати на Долобскѣ; и сѣде Святополкъ съ своею дружиною, а Володимеръ съ своею въ единомъ шатрѣ. И почаша думати и глаголати дружина Святополча: „яко негодно нынѣ веснѣ ити, хотимъ погубити смерды и ролью ихъ“. И рече Володимеръ: дивно ми, дружино, оже лошадей жалуете, ею же кто ореть; а сего чего не промыслите, оже то начнетъ орати смердъ, и прѣхавъ Половчинъ ударить и стрѣлою, а лошадь его поиметь, а в село его ѣхавъ иметь жену его, и дѣти его, и все его имѣнье? то лошади жаль, а самого не жаль ли? И не могоша отвѣщати дружина Святополча. И рече Святополкъ: „се язъ готовъ уже“; и вста Святополкъ, и рече ему Володимеръ: „то ти, брате, велико добро створиши землѣ Русскѣй“. И посласта ко Олгови и Давыдови, глаголюща: „пойдита на Половци, да любо будемъ живи, любо мертви“. И послуша Давыдъ, а Олегъ не всхотѣ сего, вину река: „не сдравлю“. Володимеръ же цѣловавъ брата своего, и поиде Переяславлю, а Святополкъ по немъ, и Давыдъ Святославичъ, и Давыдъ Всеславичъ, и Мстиславъ Игоревъ внукъ, Вячеславъ Ярополчичъ, Ярополкъ Володимеричъ; и поидоша на конихъ и в лодяхъ, и придоша ниже порогъ, и сташа в протолчехъ в Хортичемъ островѣ; и всѣдоша на конѣ, и пѣшци изъ лодей выседше идоша въ полѣ 4 дни, и придоша на Сутѣнь. Половци же слышавше, яко идетъ Русь, собрашася безъ числа и начаша думати. И рече Урусоба: „просимъ мира у Руси, яко крѣпко имуть битися съ нами, мы бо много зла створихомъ Русскѣй земли“. И рѣша унѣйшии Урособѣ: „аще ты боишися Руси, но мы ся не боимъ; сія бо избивше, поидемъ в землю ихъ и примемъ грады ихъ, и кто избавить и отъ насъ? Русскіѣ же князи и вои вси моляхуть Бога, и обѣты вздаяху Богу и Матери его, овѣ кутьею, овѣ же милостынею убогимъ, инии же ма-настыремъ требованья. И сице молящимся, поидоша Половци и послаша предъ собою в сторожѣ Алтунопу, иже словяше

въ нихъ мужествомъ; такоже Русскіѣ князи послаша сторожѣ свои. И устерегоша Русскіѣ сторожеве Олтунопу, и обступивше и, и убиша Алтунопу и сущая съ нимъ, и не избысть ни единъ, но вся избиша. И поидоша полкове, аки борове, и не бѣ презрѣти ихъ; и Русь поидоша противу имъ. И Богъ великій вложи ужастъ велику в Половцѣ, и страхъ нападе на ня и трепетъ отъ лица Русскихъ вой, и дремаху сами, и конемъ ихъ не бѣ спѣха въ ногахъ; наши же съ весельемъ на конѣхъ и пѣши поидоша къ нимъ. Половци же видѣвши устремленіе Русское на ся, не достигши побѣгоша предъ Русскими полки; наши же погнаша, сѣкуща я. Дни 4 априля мѣсяца велико спасеніе Богъ створи, а на врагы наша дасть побѣду велику. И убиша ту в полку князий 20: Урусобу, Кчія, Аръсланапу, Китанопу, Кумана, Асуна, Куртка, Ченегрену, Сурьбаря, и прочая князий ихъ; а Белдюзя яша. Посемъ же сѣдоша братья, побѣдивше врагы своя, и приведоша Белдюзя къ Святополку, и нача Белдюзь даяти на собѣ злато, и серебро, и конѣ и скоть; Святополкъ же посла и къ Володимеру. И пришедшю ему, нача впрашати его Володимеръ: „то вѣдѣ яла вы рота; многажды бо ходивше ротѣ, воевасте Русскую землю; то чему ты не казаше сыновъ своихъ и роду своего не приступати роты, но проливашеть кровь хрестіянску? да се буди кровь твоя на главѣ твоей“; и повелѣ убити и, тако расѣкоша и на уды. И посемъ сняшася братья вся, и рече Володимеръ: „сѣ день, иже створи Господь, възрадуемся и възвеселимся въ онъ; яко Господь избавилъ ны есть отъ врагъ нашихъ, и покори врагы наша, и скруши главы змевія, и далѣ еси сихъ брашно людемъ Русьскимъ“; взяша бо тогда скоты, и овцѣ, и конѣ, и вельблуды, и вѣже съ добыткомъ и съ челядью, и заяша Печенѣгы и Торкы съ вежами. И придоша в Русь съ полономъ великимъ, и съ славою и съ побѣдою великою. Семъ же лѣтъ придоша пружи, августа въ 1 день. Того же мѣсяца въ 18 день иде Святополкъ, и сруби городъ Гюргевъ, его же бѣша пожгли Половци. Того же лѣта бѣша Ярославъ

съ Мордовою, мѣсяца марта въ 4 день, и побѣженъ бысть Ярославъ.

1104. Въ лѣто 6612. Ведена дщи володарева за царевичъ за Олексиничъ, Цесарюгороду, мѣсяца іулія въ 20. Томъ же лѣтъ ведена Передѣслава, дщи Святополча, в Угры, за королевичъ, августа в 21 день. Томъ же лѣтъ приде митрополитъ Никифоръ в Русь, мѣсяца декабря въ 6 день. Того же мѣсяца преставися Вячеславъ Ярополчичъ въ 13 день. Того же мѣсяца въ 18 Никифоръ митрополитъ на столѣ посаженъ. Се же скажемъ: сего же лѣта исходяща, посла Святополкъ Путятю на Мѣнескъ, а Володимеръ сына своего Ярополка, а Олегъ самъ иде на Глѣба, поемше Давыда Всеславича; и не успѣша ничтоже, и възвратилася опять. И родися у Святополка сынъ, и нарекоша имѣ ему Брячиславъ. В се же лѣто бысть знаменіе: стояше солнце в кружѣ, а посредѣ круга крестъ, а посредѣ креста солнце, а внѣ круга обополы два солнца, а надъ солнцемъ кромѣ круга дуга, рогома на сѣверъ; такоже знаменіе и въ лунѣ тѣмъ же образомъ, мѣсяца февраля въ 4 и 5 и 6 день, въ дне по 3 дни, а въ ночь въ лунѣ по 3 ночи.

1106. Въ лѣто 6614. Воеваша Половци около Зарѣчьска, и посла по нихъ Святополкъ Яня и Иванка Захарыча, Козарина; и угониша Половцѣ, и полонъ отъяша. В се же лѣто преставися Янь, старецъ добрый, живъ лѣто 90, въ старости маститѣ; живъ по закону Божью, не хужий бѣ первыхъ праведникъ, отъ него же и азъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семъ отъ него же слышахъ; бѣ бо мужъ благъ, и кротокъ, и смѣренъ, огребаяся всякою вещи, его же и гробъ есть въ Печерскомъ монастыри, въ притворѣ, идѣже лежитъ тѣло его положено мѣсяца іуния въ 24. Въ се же лѣто пострижеся Еупракси, Всеволожа дщи, мѣсяца декабря въ 6. Въ то же лѣто прибѣже Избыгнѣвъ къ Святополку. Въ то же лѣто пострижеся Святославъ, сынъ Давыдовъ, внукъ Святославъ, мѣсяца ферваля въ 17 день. Томъ же лѣтъ побѣдиша Зимѣгола Всеславичъ, всю братью, и дружины убиша 9 тысящъ.

1107. Въ лѣто 6615, индикта, кругъ луны 4 лѣто, а солнечнаго круга 8 лѣто. Въ се же лѣто преставися Володимирѣя, мѣсяца мая въ 7 день. Того же мѣсяца воева Бонякъ и зая конѣ у Переяславля. Томъ же лѣтѣ приде Бонякъ, и Шаруканъ старый, и ини князи мнози, и стаща около Лубна; Святополкъ же, и Володимеръ, и Олегъ, Святославъ, Мстиславъ, Вячеславъ, Ярополкъ идоша на Половци къ Лубну, и въ 6 часъ дне бродишася чрезъ Сулу, и кликнуша на нихъ. Половци же ужасошася, отъ страха не възмогша ни стяга поставити, но побѣгоша хватяюще кони, а друзии пѣши побѣгоша; наши же почаша сѣчи, женуци я, а другыѣ руками имати, и гнаша ноли до Хорола. Убиша же Таза, Бонякова брата, а Сугра яша и брата его, а Шаруканъ едва утече; отбѣгоша же товара своего, еже взяша Рускии вои, мѣсяца августа въ 12, и възвратишася всояси съ побѣдою великою. Святополкъ же приде въ Печерскый монастырь на заутреню на Успенъе святыя Богородица, и братья цѣловаша и съ радостью великою, глаголюще, яко врази наша побѣжени быша, молитвами святыя Богородица и святаго отца нашего Θεодосѣя; такъ бо обычай имяше Святополкъ: коли идяше на войну, или инамо, толи поклонився у гроба Θεодосѣева и молитву вземъ у игумена, ту сущаго, тоже идяше на путь свой. Въ то же лѣто преставися княгини, Святополча мати, мѣсяца генваря въ 4 день. Томъ же лѣтѣ, мѣсяца того же, иде Володимеръ, и Давыдъ, Олегъ къ Аепѣ и другому Аепѣ, и створиша миръ; и поя Володимеръ за Юргя Аепину дщерь, Осеневу внуку, а Олегъ поя за сына Аепину дщерь, Гиргеву внуку, мѣсяца генваря 12 день.

1108. Въ лѣто 6616. Заложена бысть церкви святаго Михаила, Золотоверхая, Святополкомъ княземъ, въ 11 иулия мѣсяца; и кончаша трапезницу Печерскаго монастыря при Θεоктистѣ игуменѣ, иже ю и заложи повелѣниемъ Глѣбовымъ, иже ю и стяжа. Въ се же лѣто вода бысть велика въ Днѣпрѣ, и въ Десню, и въ Припѣтѣ. Въ семъ же лѣтѣ вложи Богъ въ сердце Θεоктисту игумену Печерскому, и нача възвѣ-

щати князю Святополку, дабы вписалъ Θεодосѣя въ сѣнаникъ; и радъ бывъ, общася и створи, повелѣ митрополиту вписати въ синодикъ; и повелѣ вписывати по всѣмъ епископьямъ, и вси же епископи съ радостью вписаша, и поминати и на всѣхъ соборѣхъ.

1110. Въ лѣто 6618. Идоша веснѣ на Половцѣ Святополкъ, и Володимеръ, и Давыдъ; и дошедше Воиня, и воротипася. Томъ же лѣтѣ бысть знаменъе въ Печерьстѣмъ монастырѣ въ 11 день февралѣ мѣсяца: явися столпъ огненъ отъ земля до небеси, а молнѣя освѣтиша всю землю, и въ небеси погромѣ въ часъ 1 нощи; и миръ видѣ; сей же столпъ первѣе ста на трапезници каменѣй, яко не видѣти бысть креста, и постоявъ мало, съступи на церковь и ста надъ гробомъ Θεодосѣевымъ, и потомъ ступи на верхъ акы ко востоку лицомъ, и потомъ невидимъ бысть. Се же бѣаше не огненный столпъ, но видѣ ангелескъ: ангелъ бо сице является, ово столпомъ огненнымъ, ово же пламенемъ; якоже рече Давыдъ: творя ангелы своя духы и слугы своя огнь палящъ: и племѣ суть повелѣниемъ Божьимъ, аможе хоцетъ Владыка и творецъ всѣхъ. Ангелъ бо приходитъ кдѣ благая мѣста и молитвении домове, и ту показаетъ нѣчто мало видѣнья своего, яко мощно видѣти чловѣкомъ; не мощно бо зрѣти чловѣкомъ естѣства ангельскаго, яко и Моиси великый не възможе видѣти ангельскаго естѣства: водяшетъ бо я въ день столбъ облаченъ, а въ нощи столпъ огненъ, то се не столпъ водяше ихъ, но ангелъ идяше предъ ними въ нощи и въ дне. Тако и се явленъе нѣкоторое показываше, ему же бѣ быти, еже и бысть; на 2-е бо лѣто не съ ли ангелъ вождъ бысть на иноплеменикы и супостаты, якоже рече: ангелъ предъ тобою предъидеть, и паки: ангелъ твой буди съ тобою?

Игуменъ Силивестръ святаго Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость прияти, при князи Володимерѣ, княжашю ему Киевѣ, а мнѣ в то время игуменящю у святаго Михаила, въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже чтеть книги сия, то буди ми въ молитвахъ.

Матеріалы для изученія лѣтописи.

1. Источники лѣтописи.

Ф. А. Терновскаго.

Иоаннъ антиохійскій Малала (что значитъ въ переводѣ съ сирійскаго: риторъ) жилъ, должно полагать, въ VI вѣкѣ, при императорѣ Юстиніанѣ, царствованіемъ котораго заканчивается свою лѣтопись, описывая послѣднія событія съ живымъ чувствомъ очевидца. Хронографъ Малалы въ XVIII книгахъ содержитъ въ себѣ всемірную исторію отъ Адама до 36 года царствованія Юстиніанова или до 563 г. нашей эры. Хронографъ безъ заключенія обрывается на половинѣ разсказа.

Малала, какъ видно, былъ широко образованъ и многосторонне знакомъ съ историческою литературою: онъ любитъ цитировать источники, которыми пользуется при своемъ повѣствованіи, мудрѣйшихъ хронографовъ: Африкана, Иринея, Домнина, Несторіана и т. д. Въ своихъ сужденіяхъ Малала отличается значительною терпимостью; онъ позволяетъ себѣ дѣлать добрые отзывы о языческихъ императорахъ, и даже о Юліанѣ не говоритъ худого слова, характеризуя его въ слѣдующихъ сдержанныхъ выраженіяхъ: „Онъ былъ извѣстенъ краснорѣчіемъ, но прозванъ отступникомъ за то, что, оставивъ ученіе своихъ предковъ христіанъ, сдѣлался эллиномъ. Былъ же другомъ и современникомъ Ливанія, знаменитаго софиста антиохійскаго“. Можемъ думать поэтому, что Малала едва ли былъ духовнымъ лицомъ и что, во всякомъ случаѣ, христіанство не подавило въ немъ любви къ классической литературѣ и древности; это тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей хроники (напр. при описаніи антиохійскаго землетрясенія въ кн. XVIII) Малала высказываетъ мысли и чувства, вполне свойственныя вѣрующему христіанину.

Какъ антиохіанинъ, любящій свою родину, Малала съ особенною охотою любитъ рисовать портреты историческихъ

дѣятелей, обозначая вмѣстѣ физическія и нравственныя черты, которыми отличалась извѣстная личность. Вотъ, напр., портретъ Юстиніана I: „Юстиніанъ былъ съ виду приземистъ, съ крѣпкою грудью, съ красивымъ носомъ, былъ кудравъ, круглолицъ, благообразенъ, лысоватъ, свѣжъ лицомъ, съ просѣдью на головѣ и бородѣ, великодушенъ, преданъ христіанству“. Эта особенность Малалы послужила причиною его важнаго значенія для иконографіи какъ греческой, такъ и русской. Другая особенность Малалы, стоящая въ связи съ первою, состоитъ въ томъ, что онъ всегда тщательно отмѣчаетъ, какой партіи въ цркѣ держался тотъ или другой византійскій императоръ.

Въ славянскомъ переводѣ Малала появился очень рано, именно при болгарскомъ князѣ Симеонѣ до 927 г. Древній славянскій переводчикъ, какъ видно, имѣлъ подъ руками гораздо болѣе полный списокъ Малалы, чѣмъ какимъ пользовались боннскіе издатели XI вѣка. Поэтому въ славянскомъ переводѣ мы встрѣчаемъ болѣе любимыхъ Малалой подробностей объ Антиохіи и о наружномъ видѣ историческихъ дѣятелей, чѣмъ въ греческомъ печатномъ текстѣ боннскаго изданія.

Въ составъ широко распространенныхъ на Руси компилятивныхъ хронографовъ вошли изъ Малалы слѣдующія выдержки касательно византійской исторіи: а) о царствованіи Юліана, б) о Ювіанѣ, в) о Маркіанѣ и Пульхеріи, г) о Львѣ великомъ, д) о Львѣ маломъ, е) о Зиновѣ, ж) объ Анастасіи Диррахатѣ, з) о царствованіи Юстина и паденіи Антиохіи, и) о царствованіи Юстиніана.

Въ византійской, а еще болѣе въ переводной древне-славянской письменности, видное мѣсто занимаетъ хроника Георгія Амартола. Составитель ея жилъ въ 1-й половинѣ IX вѣка и довелъ свое бытописаніе до 842 г., непосредственно за коимъ помѣчено: „до здѣ хроника Георгія“. О жизни Георгія лѣтописателя мы знаемъ мало. Только въ

одномъ мѣстѣ своей лѣтописи Георгій выступаетъ съ заявленіемъ, бросающимъ немного свѣта на его біографію.

Повѣствуя о монашествѣ IV в., Амартолъ говоритъ: „Особенно въ пустыняхъ патрійскихъ были мужи, жившіе и дѣйствовавшіе не по образу прочихъ людей, но посредствомъ вѣры имѣвшіе общеніе въ жизни и дѣятельности съ ангелами небесными. И я уже самъ лично видѣлъ такое житіе, и говорю о такихъ дѣлахъ, въ которыхъ сподобился быть общникомъ и сподвижникомъ“. Отсюда заключаемъ, что Георгій былъ монахъ и, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую часть своей жизни провелъ въ Египтѣ. Это подтверждается и общимъ монашескимъ міросозерцаніемъ его бытописанія и тѣмъ, что онъ повѣствуетъ о Египтѣ и Александріи, если не съ такимъ усиленнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ, какъ Малала объ Антіохіи, то во всякомъ случаѣ, съ большею подробностью, чѣмъ о какой нибудь другой греческой мѣстности, за исключеніемъ Константинополя. Въ написаніяхъ хроники, сдѣланныхъ, быть можетъ, рукою современника, Георгій также называется монахомъ и даже архимандритомъ. Что же касается до прозванія Амартола (грѣшникъ), то должно думать, что это было не фамиліное прозвище Георгія, а скорѣе эпитетъ, принятый имъ на себя изъ смиренія.

Переходимъ къ самой хроникѣ. Она раздѣляется на 4 книги, изъ коихъ только одна послѣдняя излагаетъ исторію византійской имперіи отъ Константина до Михаила (319—842) и, слѣдовательно, подлежитъ нашему разсмотрѣнію. Для характеристики историческаго міросозерцанія Амартола весьма важно указать его отношеніе къ современной ему эпохѣ. Амартолъ жилъ въ эпоху иконоборства и относится къ ней самымъ живымъ и опредѣленнымъ образомъ, какъ защитникъ иконъ и монашества и какъ врагъ иконоборства. Тонъ его лѣтописи здѣсь рѣзкій, желчный, пристрастный, нерѣдко переходящій во тонъ панегирика или памфлета. Напр., перваго иконоборца императора Льва Исавра (716—741) Амартолъ

обзываетъ: „богоборцемъ, взбѣсившимся противъ правой и древней вѣры, лютойшимъ звѣремъ и худороднымъ мѣдникомъ, немилосерднымъ львомъ или дракономъ, всесквернымъ“. О сынѣ, преемникѣ Льва, Константинѣ (741—775) еще болѣе рѣзкіе отзывы. Вотъ извѣстіе о его воцареніи (741): „Послѣ Льва Исавра царствовалъ сынъ его Константинъ Каваменъ 34 года, отъ страшнаго Льва происшедшій пестрообразный леопардъ, согласно съ словомъ пророка, говорящаго, что отъ сѣмени змѣева происходятъ аспидъ и змій летающій и сущій отъ Дана антихристъ“. Льва армянина (813—820) Амартолъ называетъ „отступникомъ Сауломъ, обнаженнымъ отъ божественной благодати и преданнымъ злему духу, тираномъ, звѣроправнымъ, паче нежели звѣроименнымъ“ и т. д. Θεοφιλα, послѣдняго иконоборнаго императора (829—842), Амартолъ называетъ „новымъ Валтасаромъ и отступникомъ, богоненавистникомъ и святыхъ иконъ обругателемъ и разрушителемъ и оскверненнымъ“. Поборники иконопочета, напротивъ того, ублажаются щедрыми похвалами. При Константинѣ и матери его Иринѣ, говоритъ Амартолъ, „благочестивый догматъ началъ съ дерзновеніемъ возглашаться и слово Божіе множилось и монастыри со всякою безбоязненностью и тщаніемъ возсозидались и возсіяло всякое церковное устроеніе“. О самой императрицѣ Иринѣ (803) Амартолъ отзывается такъ: „Она была весьма благочестива и любила добродѣтель, и устроила многія страннопріимницы и сиротопитательницы и монастыри, сдѣлала облегченіе податей и множество другихъ исправленій“. Хвалитъ Амартолъ и царицу Θεοδору, „вѣрную и православную“, и сына ея Михаила, провозгласившихъ „издревле богоутвержденную, священную и правѣйшую вѣру“, и заканчивая свою лѣтопись описаніемъ торжества православія на константинопольскомъ соборѣ 842 г., кажется, склоненъ видѣть въ этомъ событіи не только завершеніе своего личнаго труда, но и общій результатъ, къ которому промыслъ Божій привелъ человѣчество путемъ многовѣковой исторической жизни.

Закончивъ свой трудъ эпохою иконоборства, которую, какъ очевидецъ и близкій свидѣтель, описываетъ сравнительно болѣе подробно, Амартоль остается чуждъ тѣхъ воззрѣній, какими проникнуты были греки слѣдующаго поколѣнія, современники великаго раздѣленія церквей: онъ отзывается о Римѣ и папахъ съ почтеніемъ и сочувствіемъ, безъ малѣйшаго признака раздраженія, и даже сообщаетъ факты, которыми оправдываются позднѣйшія папскія притязанія. Эпоха иконоборства, хотя описываемая въ концѣ хроники, тѣмъ не менѣе служитъ исходнымъ пунктомъ для историческихъ воззрѣній Амартола и придаетъ всему бытоописанію его извѣстную тенденціозность. Такъ вездѣ, гдѣ можно, Амартоль старается исторически обосновать законность иконопочитанія, вездѣ является жаркимъ апологетомъ монашества и восхвалителемъ монашескихъ добродѣтелей. Приписывая устроеніе первыхъ монастырей евангелисту Марку, поставивъ монаховъ въ историческую связь съ ессеями, восхваляя высоту монашескаго житія и оправдывая монашескіе идеалы даже авторитетомъ языческихъ мудрецовъ, Амартоль рассказываетъ нѣсколько случаевъ, когда монашескія доблести возблистали даже передъ глазами язычниковъ.

Какъ монахъ по званію и убѣжденію, Амартоль любитъ вращаться въ кругѣ идей, которыми аскетизмъ питается и поддерживается. Загробныя приключенія составляютъ любимую тему эпизодическихъ разсказовъ, вставленныхъ въ бытоописаніе Амартола.

Элементъ чудеснаго далеко не чуждъ хроникѣ Амартола. Чуть не на каждой страницѣ встрѣчаются разсказы о видѣніяхъ, знаменіяхъ и разнаго рода необыкновенныхъ событіяхъ, передаваемые съ полною вѣрою въ ихъ дѣйствительность. Какъ будто въ изображеніи этихъ событій бытописатель полагаетъ свою прямую задачу, поставляя обыкновенный ходъ дѣлъ человѣческихъ ниже своего вниманія. Обиліе такихъ разсказовъ придаетъ всему бытоописанію фантастическій и вмѣстѣ съ тѣмъ печальный колоритъ; читая Амартола, мы

какъ бы прислушиваемся къ голосу чловѣка, который на половину живетъ въ другомъ мірѣ.

Вотъ немногіе изъ многихъ разсказовъ о знаменіяхъ. Въ Іерусалимѣ (въ 166 г. до Р. Х.) „случилось, что передъ цѣлымъ городомъ въ теченіе почти 40 дней видимы были на воздухѣ вооруженные всадники въ златотканыхъ одѣяніяхъ и шпикъ съ обѣихъ сторонъ, и движеніе оружія, и блистаніе золотыхъ уборовъ на бойцахъ, закованныхъ въ разнообразныя доспѣхи; всѣ думали, что это знаменіе на добро, а оно предвѣщало злое нашествіе Антиохова“. Въ другое время (при Неронѣ), въ Іерусалимѣ же „явилась звѣзда надъ городомъ, подобная копью, и въ иное время восточная мѣдная дверь города, запираемая желѣзными засовами и съ трудомъ отворяемая 30 мужами, около 8 часу найдена отворенною“.

По своему историческому міросозерпанію Амартоль служилъ полнымъ первообразомъ подражавшаго ему Нестора и другихъ русскихъ лѣтописцевъ, которые были тоже, большею частію, монахи, проникнутые аскетическими идеалами, жившіе предчувствіемъ загробной жизни, видѣвшіе въ исторіи дѣйствіе двухъ силъ — Божьяго предопредѣленія и дьявольскихъ искушеній, охотно описывавшіе чудеса, видѣнья и знаменія съ полною вѣрою въ ихъ дѣйствительность. Этимъ тождествомъ основныхъ воззрѣній объясняется и значительная аналогія, существующая, — какъ увидимъ, между хроникой Амартола и русскими бытописаніями.

Не маловажнымъ достоинствомъ лѣтописи Амартола служитъ то, что она легко и съ интересомъ читается. Этотъ интересъ поддерживается разсказами о чудесахъ, знаменіяхъ и загробныхъ приключеніяхъ, также и сообщеніемъ остроумныхъ изреченій и занимательныхъ анекдотовъ иногда и о неважныхъ предметахъ.

Благодаря занимательности разсказа или вслѣдствіе совпаденія историческаго міросозерпанія автора со вкусами читателей, а можетъ быть, и по случайнымъ обстоятельствамъ,

Амартолу посчастливилось и въ греческой, и славянской письменности.

Не говоря о значительномъ количествѣ греческихъ списковъ Амартола, которыхъ, по исчисленію Муральта, до нашего времени сохранилось 27, изъ Амартола главнымъ образомъ черпали другіе византійскіе историки, въ особенности Георгій Кедринъ, писавшій въ половинѣ XI вѣка, и Левъ Грамматикъ, писавшій въ началѣ XII вѣка. Еще болѣе посчастливилось Амартолу въ славянскомъ мірѣ. Прошло около ста лѣтъ отъ написанія подлинника, и въ новорожденной славянской письменности появились переводы Амартола сербскіе и болгарскіе, перешедшіе впослѣдствіи на Русь. Изъ уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени славянскихъ переводовъ Амартола, кромѣ другихъ, заслуживаютъ упоминанія: характерный списокъ лѣтописи Георгія Амартола съ лицевыми изображеніями самого Георгія Амартола и современнаго ему греч. царя Михаила, хранящійся въ библиотекѣ Троицко-Сергіевской лавры, и неизвѣстный доселѣ библиографамъ списокъ Амартола хранящійся на Аѳонѣ, въ Свято-Павловскомъ монастырѣ. Конечно, одинъ изъ древнѣйшихъ списковъ Амартола былъ подъ руками у нашего лѣтописца Нестора, и, быть можетъ, далъ ему идею о его историческомъ трудѣ, во всякомъ случаѣ, послужилъ ему первообразомъ. Но всего болѣе Амартолъ доходилъ до свѣдѣнія русскихъ читателей черезъ посредство многочисленныхъ хронографовъ. Въ хронографахъ различнаго состава различна степень и заимствованія изъ Амартола. Иные хронографы составлены исключительно по Амартолу; въ другихъ редакціяхъ есть вставка и изъ другихъ византійскихъ лѣтописцевъ, но во всякомъ случаѣ, Амартолу принадлежитъ первенствующее положеніе.

Несторъ самъ не скрываетъ своего источника, когда предъ началомъ выписки изъ Амартола о нравахъ разныхъ народовъ говоритъ: „глаголетъ Георгій въ лѣтописанъ“. Сличеніе между Несторомъ и Амартоломъ съ несомнѣнною очевидностью даетъ намъ знать, что Несторомъ заимствованы

слѣд. мѣста изъ Амартола: 1) о нравахъ различныхъ народовъ — сирійцевъ, бактрійцевъ, халдеевъ, британцевъ, амазонокъ; 2) о раздѣленіи земли сыновьямъ Ноевымъ и о странахъ, доставшихся въ удѣлъ Симу, Хаму и Іафету; 3) о захватѣ потомками Хама чужого удѣла и объ изгнаніи ихъ оттуда; 4) объ Аполлоніи Тіанскомъ и о волшебныхъ дѣлахъ; 5) о зловѣщихъ знаменіяхъ предъ нашествіемъ Антиоха на Іерусалимъ.

Несторъ относился къ Амартолу не рабски, но совершенно свободно и какъ слѣдуетъ мыслящему человѣку. Видно, что онъ не разъ и не два прочелъ славянскій переводъ Амартола прежде, чѣмъ принялся за свою историческую работу. Самыя выписки изъ Амартола Несторъ дѣлаетъ съ большимъ толкомъ, съ яснымъ пониманіемъ цѣли, для которой дѣлается выписка, а иногда съ искусными дополненіями и обобщеніями. Такъ: 1) приведши изъ Амартола выписку о нравахъ разныхъ народовъ, Несторъ добавляетъ ее изображеніемъ обычаевъ половецкихъ и заканчиваетъ превосходнымъ указаніемъ на даруемый христіанствомъ высшій нравственный законъ, которымъ объединяются всѣ народности. „Мы же христіане, елико земля, иже вѣрують въ святую Троицу, въ едино крещеніе, въ едину вѣру, законъ имамы единъ, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся“.

2) Сказаніе о раздѣленіи земли между сыновьями Ноевыми, находящееся у Амартола далеко не въ началѣ хроники, Несторъ выдвигаетъ впередъ, полагаетъ въ основу своего бытописанія, присоединяетъ отъ себя въ составъ удѣла Іафетова словѣнъ и затѣмъ легко и естественно переходитъ къ самостоятельному изложенію этнографіи и географіи Россіи и странъ сосѣдственныхъ. Такимъ образомъ, Несторъ пользуется сказаніемъ о раздѣленіи земли между сыновьями Ноевыми для того, чтобы сразу же связать исторію своей отечественной страны съ исторіею библейско-всѣмірной.

3) Заключение сказанія Амартолова о раздѣленіи земли, состоящее въ томъ, что потомки Хамовы завладѣли Палести-

ною, частью удѣла Симова, и, по повелѣнію Божию, были изгнаны оттуда,—Несторъ опускаетъ, предоставляя себѣ воспользоваться имъ впослѣдствіи. И дѣйствительно, пользуется при описаніи удѣльныхъ расирей, чтобы показать, что „не добро есть преступати предѣла чужего“.

4) Смерть Олега, свершившаяся, по преданію, согласно предсказанію кудесника, заставила Нестора придумать о причинахъ чародѣйской силы. И вотъ для разясненія своихъ недоумѣній онъ выписываетъ изъ Амартола сказаніе о чудесахъ Аполлонія Тіанскаго и, кажется, остается доволенъ предлагаемымъ у Амартола объясненіемъ подобныхъ чудесъ. Объясненіе же, предлагаемое Амартоломъ, таково: „всѣ такія чудеса совершаются по поущенію діавольскому, дабы чрезъ нихъ искушалась наша православная вѣра, бодра ли она и крѣпко ли привержена къ Господу и не колеблется ли вражьими мечтательными чудесами и сатанинскими дѣлами, совершаемыми чрезъ рабовъ и служителей злости“.

5) Необыкновенныя явленія въ природѣ, при началѣ удѣльнаго періода, побудили Нестора выбрать изъ 5 различныхъ мѣстъ хроники Амартола извѣстія о подобныхъ же знаменіяхъ и закончить сводъ этихъ извѣстій слѣдующимъ общимъ замѣчаніемъ: „знаменья въ небеси, или звѣздахъ, ли солнцѣ, ли птицами, ли етеромъ чимъ не на благо бывають; но знаменья сице на зло бывають, ли проявленье рати, ли гладу, ли смерть проявляютъ“.

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ одномъ весьма важномъ пунктѣ—именно въ своихъ сужденіяхъ о пользѣ книгъ Несторъ не только не слѣдуетъ Амартолу, но стоитъ съ нимъ въ прямой противоположности. Амартолъ не благоволилъ къ книжной учености, какъ вселяющей духовную гордость. Несторъ, напротивъ, не находитъ словъ для восхваленія книгъ, кои суть „рѣки, напоющіи вселенную, исходяща мудрости“ и т. д. для доказательства того, что „велика бываетъ польза отъ ученія книжнаго“. Конечно, эта разница во взглядахъ зависѣла отъ различія положенія—грека Амартола, имѣвшаго

подъ руками литературу не только церковно-христіанскую, но и языческую и еретическую, и славянина Нестора, знакомаго съ книгами, какъ съ проводниками ученія божественнаго.

2) Составъ и характеръ лѣтописи.

М. Н. Сухомлинова.

Составъ лѣтописи обнаруживаетъ, что она не была дополненіемъ къ хронографу византійскому. Съ первыхъ же страницъ, съ извѣстія о раздѣленіи земель между народами, въ числѣ которыхъ были и славяне, главнымъ предметомъ лѣтописи является русская земля съ жителями ея и событіями, въ ней происходившими. Число извѣстій, касающихся Греціи и большею частью краткихъ, незначительно въ сравненіи съ извѣстіями русскими, изложенными съ большими подробностями. Участіе византійскихъ образцовъ въ появленіи русской лѣтописи можетъ быть до нѣкоторой степени определено формою, въ которой впервые она явилась. Во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ лѣтопись имѣетъ форму погоднаго разсказа: происшествія описываются изъ года въ годъ, и впереди всегда выставленъ годъ, а за нимъ уже слѣдуетъ описаніе, какого бы объема оно ни было. Такая форма встрѣчается и въ лѣтописяхъ византійскихъ, какъ, на примѣръ, въ хроникѣ Теофана, писателя начала IX вѣка. Въ ней счетъ идетъ отъ сотворенія міра и отъ Рождества Христова, и къ нимъ присоединяются годы царствованія государей римскаго и персидскаго и управленіе епископовъ: римскаго, константинопольскаго, іерусалимскаго, александрійскаго и антиохійскаго. Такая же форма господствуетъ и въ большей части древнихъ лѣтописей, веденныхъ на югѣ и на сѣверѣ христіанской Европы. Неописанные года наводятъ на мысль о таблицахъ, послужившихъ основаніемъ для внѣшняго порядка лѣтописей.

Внимательное чтеніе лѣтописи удостовѣряетъ въ томъ, что въ ней находится единство внутреннее и единство внѣш-

нее. Первое заключается въ духѣ, проникающемъ повѣствованіе, независимо отъ личныхъ усилій автора. Второе состоитъ въ соблюденіи порядка, принятаго самимъ лѣтописцемъ, какъ и всѣми вообще лѣтописцами, и сохраняемого постоянно и настойчиво. Мы говоримъ о порядкѣ лѣтъ, годовъ, имѣющемъ такое важное значеніе въ лѣтописяхъ. Всѣ повѣствованія, какого бы объема они ни были, примыкаютъ къ году, выставленному въ началѣ ихъ и объясняющему отчасти самое ихъ появленіе. Одною изъ причинъ, почему событіе занесено въ лѣтопись, остается непременно годъ, въ которомъ оно случилось. Напротивъ того, годы внесены совершенно независимо отъ событій. Доказательствомъ этому служатъ сто семь лѣтъ, означенныхъ, но не описанныхъ въ древней лѣтописи. Отсюда слѣдуетъ самое заключеніе и объ остальныхъ годахъ: значить и они выставлены были прежде, нежели понадобились для опредѣленія времени какого либо событія. Рядъ пустыхъ годовъ былъ вполне у мѣста только на пасхальныхъ таблицахъ, гдѣ каждый изъ нихъ имѣлъ смыслъ по отношенію къ кругу церковныхъ праздниковъ. Такимъ образомъ, рядъ лѣтъ является древнѣйшею и существенною особенностью лѣтописи, опредѣлившею навсегда ея форму. Первыми начатками лѣтописанія по данной формѣ должны быть признаны, безъ сомнѣнія, тѣ извѣстія, которыя отличаются отъ другихъ, во-первыхъ, сообщеніемъ событій наиболѣе древнихъ, во-вторыхъ—краткостью.

Обычай подробно описывать достойное замѣчанія образовался позднѣе: если изъ двухъ извѣстій одно заключается въ нѣсколькихъ словахъ, другое обставлено подробностями, то съ большею вѣроятностью можно допустить, что первое ближе къ своему начальному виду, нежели второе. Къ числу лѣтописныхъ замѣтокъ, представляющихся древнѣйшими какъ по формѣ, такъ и по точности, которая возможна только для времени самаго близкаго къ событію, принадлежатъ слѣдующія:

Въ лѣто 6416. Въ лѣто 6417. Въ лѣто 6418. Въ лѣто 6419. Явися звѣзда велика на западѣ копѣйнымъ образомъ.

Въ лѣто 6481. Нача княжити Ярополкъ. Въ лѣто 6512. Въ лѣто 6513. Въ лѣто 6514. Въ лѣто 6515. Принесени святни (т. е. иконы) въ святую Богородицю.

Въ лѣто 6516. Въ лѣто 6517. Въ лѣто 6518. Въ лѣто 6519. Преставися царица Володимеря Анна.

Первоначальныя краткія замѣтки мало по малу увеличивались въ своемъ объемѣ.

Число событій, отмѣчаемыхъ подъ однимъ и тѣмъ же годомъ, постепенно возрастало; многія изъ нихъ описывались пространно; сверхъ того дѣлаемы были извлеченія изъ различныхъ сочиненій, явившихся независимо отъ лѣтописи.

Лѣтопись дѣлалась все сложнѣе и сложнѣе посредствомъ заимствованій изъ сочиненій, излагавшихъ тѣ же предметы, о которыхъ упоминалось подъ ея годами. Еще ранѣе XII вѣка были у насъ описанія жизни святыхъ, поученія пастырей, памятники законодательства, и т. п. Всѣ эти произведенія въ большей или меньшей степени послужили къ обогащенію лѣтописи, къ приданію ей внѣшней полноты и внутренняго значенія. Мѣста, заимствуемыя изъ различныхъ источниковъ, находились въ прямой связи съ лѣтописнымъ рассказомъ. Такъ, въ замѣткѣ 6559 года: „постави Ярославъ Ларіона митрополитомъ Русина“, присоединена повѣсть о Печерскомъ монастырѣ, ведущемъ свое начало отъ Иларіона. Въ двухъ спискахъ древней лѣтописи, непосредственно за извѣстіемъ о возвращеніи оправданнаго епископа Луки Жидаты на свою паству, помѣщено поученіе его—замѣчательный памятникъ русской словесности XI вѣка, и т. п. Разнородныя дополненія къ основному тексту при его внутреннемъ развитіи сообщали лѣтописи тотъ характеръ, въ которомъ является она въ древнѣйшихъ спискахъ. Разнообразіе, замѣчаемое въ ихъ составѣ, усвоило за ними названіе не лѣтописей собственно, а лѣтописныхъ сборниковъ. Изъ источниковъ, послужившихъ

къ составленію лѣтописи, главнѣйшими могутъ быть названы книги св. Писанія.

Книги св. Писанія составляли постоянное и наиболѣе цѣнимое чтеніе нашихъ предковъ. Мысль и чувство, возвышающіяся надъ обыкновенными, облакались лѣтописцами въ слово божественныхъ писателей, въ образы библейскіе. Большею частью тексты являются сами собою, вызываемые предметомъ повѣствованія. Въ нашей лѣтописи приводятся мѣста изъ писаній ветхаго и новаго завѣта: изъ книгъ Моисеевыхъ, псалмовъ Давида, притчей Соломона, книги Іова, пророковъ: Осии, Амоса, Даніила, евангелія Іоанна, евангелія Луки, посланій апостола Павла. Особенно часто приводятся слова Соломона, то въ видѣ изреченій, вставленныхъ въ самый рассказъ, то въ пространной выпискѣ изъ книгъ притчей, какъ, напримѣръ, разсужденіе о злыхъ и добрыхъ женахъ. Такое же изобиліе мѣстъ изъ св. Писанія замѣчаемъ и у другихъ лѣтописцевъ европейскихъ, отъ Георгія Амартола до Георгія Турскаго.

Вліяніе Палеи на нашу лѣтопись также несомнѣнно. Подъ именемъ Палеи, какъ особеннаго сочиненія, извѣстно въ славянскихъ рукописяхъ изложеніе ветхозавѣтной исторіи съ добавленіями изъ книгъ апокрифическихъ и съ толкованіями. Это изложеніе имѣетъ характеръ полемики противъ іудеевъ и отчасти противъ магометанъ. Изъ ветхаго завѣта вошли въ Палею, въ большемъ или меньшемъ объемѣ, книги: Моисея, Іисуса Навина, Судей, Руѣ и Царствъ. За повѣствованіемъ о Давидѣ помѣщено собраніе его пророчествъ. Большая часть лѣтописныхъ извѣстій подъ 6494 годомъ — о предложеніи вѣръ Владиміру — находятся и въ Палеѣ. Отзывъ греческаго миссіонера о вѣрѣ болгаръ, приведенный въ лѣтописи, объясняется полемическими выходками Палеи противъ магометанства. За указаніемъ разности ученія магометанъ, папистовъ и іудеевъ помѣщена въ лѣтописи проповѣдь греческаго миссіонера, въ которой съ особенною подробностью излагается ветхозавѣтная исторія. Въ этомъ изложеніи основа удержана

библейская, но внесено много такого, о чемъ не упоминается въ св. Писаніи. Когда убитъ былъ Авель, говоритъ лѣтописецъ, то Адамъ и Ева, впервые увидѣвшіе смерть, не знали, что дѣлать съ мертвымъ тѣломъ сына, пока не прилетѣли двѣ птицы, изъ которыхъ одна умерла, а другая вырыла яму и положила въ нее умершую; увидѣвъ это, Адамъ и Ева выкопали яму и погребли Авеля. Аранъ, братъ Авраама, погибъ въ пламени, бросившись за идолами: это былъ первый сынъ, умершій прежде отца, и съ тѣхъ поръ начали умирать сыновья прежде отцовъ и т. п. Несходство лѣтописныхъ извѣстій съ Библіею объясняется посредствомъ Палеи: въ ней встрѣчается большая часть добавленій лѣтописи сравнительно съ Библіею.

Въ нашей лѣтописи подъ 898 годомъ говорится о нашествіи угровъ и войнѣ съ моравами и чехами, принадлежащими къ имени славянскому. Для славянъ-то, прибавляетъ лѣтописецъ, переведены были св. книги, отчего и грамота прозвалась славянская, употребляемая теперь въ Россіи и въ Болгаріи. За упоминаніемъ о грамотѣ лѣтописецъ сообщаетъ самыя обстоятельства перевода книгъ: говоритъ о призвѣ къ этому дѣлу Кирилла и Меѳодія, объ изобрѣтеніи азбуки о гоненіи на святыхъ братьевъ и, наконецъ, о совершеніи ими подвига, къ которому были призваны. Свѣдѣнія свои о первоучителяхъ лѣтописецъ почерпнулъ преимущественно изъ такъ называемыхъ Паннонскихъ жизнеописаній. Самый богатый источникъ для знакомства съ судьбою Кирилла и Меѳодія заключается въ ихъ житіяхъ, писанныхъ по-славянски въ Паноніи. Полагаютъ, что житіе св. Кирилла писано ученикомъ его Климентомъ, епископомъ болгарскимъ. Житіе св. Меѳодія признается столь же древнимъ памятникомъ, жившимъ въ той же странѣ. Начало лѣтописнаго повѣствованія сходно съ Паннонскими житіями въ общихъ чертахъ, а не въ подробностяхъ, что даетъ поводъ думать объ участіи другого какого-либо источника, доступнаго лѣтописцу. Но скорѣе можно допустить, что причина несходства заклю-

чается въ томъ, что самыя житія дошли до насъ не въ своемъ первоначальномъ видѣ, а со многими сокращеніями и дополненіями, отчасти русскими. Въ дальнѣйшемъ изложеніи сходство открывается не въ однихъ мысляхъ, но въ самыхъ выраженіяхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя удержаны лѣтописцемъ дословно, другія въ сокращеніи.

Разсмотрѣвши заимствованія, находящіяся въ древней лѣтописи, переходимъ къ ея содержанію самостоятельному.

Особенности древней лѣтописи, какъ произведенія литературнаго, могутъ быть наблюдаемы въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, въ самомъ содержаніи лѣтописи, въ тѣхъ данныхъ, изъ коихъ она составлена; во-вторыхъ, въ способѣ сообщенія данныхъ, излагаемыхъ въ опредѣленномъ порядкѣ. Главный предметъ лѣтописи ясно указанъ первыми ея словами: „Се повѣсть временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла русская земля, и кто въ ней нача первое княжити“. Такъ читается начало лѣтописи въ большей части списковъ. Судьба русской земли рассказывалась во множествѣ событій, и выборъ нѣкоторыхъ изъ нихъ для внесенія въ лѣтопись зависѣлъ отъ личной цѣли и взгляда лѣтописца.

Передъ изложеніемъ происшествій собственно русскихъ Несторъ сообщаетъ свѣдѣнія о единоплеменныхъ русскому народу славянахъ: моравахъ, чехахъ, сербахъ и др.; затѣмъ о племенахъ, вошедшихъ уже въ Несторово время, въ составъ народа русскаго: полякахъ, древлянахъ, новгородцахъ и т. д. Подъ 862 годомъ встрѣчаемъ имя перваго русскаго князя, судьба потомковъ котораго сливается съ судьбою русскаго народа. Преданіе о призывѣ первыхъ князей сообщено съ большою точностью, безъ всякихъ украшеній, съ коими являются древнія преданія у большей части лѣтописцевъ. Извѣстія о послѣдующихъ князьяхъ сообщаются также съ точностью, которая возрастаетъ, по мѣрѣ приближенія событій ко времени жизни лѣтописца. Въ княженіи Олега отмѣчены преимущественно его походы; двигаясь къ югу, онъ покорилъ жителей Смоленска, Любеча, Кіева; потомъ древ-

лянь, сѣверянъ, радимичей. Походъ Олега въ Грецію переданъ съ большою подробностью, при чемъ приведенъ и пространный договоръ съ греками. Въ описаніи княженія Игоря также говорится подробно о походѣ на грековъ и договоръ съ ними и о войнѣ Игоря съ древлянами. Вся исторія Святослава есть исторія походовъ на хозаръ, ясовъ, печенѣговъ, грековъ и другихъ народовъ, съ которыми Святославъ былъ въ постоянной враждѣ. По смерти Святослава описываются междоусобія сыновей его Ярополка, Олега, Владимира. Большая часть извѣстій о княженіи Ярослава состоитъ изъ описаній войны этого князя съ Святополкомъ и съ ляхами и печенѣгами, призванными Святополкомъ; борьбы Ярослава съ Брячиславомъ, внукомъ Владимировымъ, и Мстиславомъ; единоборства Мстислава съ княземъ Касожскимъ; походовъ Ярослава на ятвяговъ, Литву, мазовшанъ, и т. п. Подъ 1016 годомъ упоминается впервые о нашествіи половцевъ на Русь; подъ 1067 годомъ говорится весьма подробно о набѣгахъ половецкихъ и приводится псуеніе Феодосія, объясняющее причину несчастія, постигшаго русскую землю. Начиная съ 1061 г. по 1110 г., почти при половинѣ годовъ, находятся извѣстія о половецахъ, то въ видѣ краткихъ замѣтокъ, то въ видѣ описаній довольно пространныхъ, каковы помѣщены подъ 1093, 1095, 1096, 1103, 1107 годами. Описаніе несчастныхъ слѣдствій борьбы съ непріятелями идетъ рядомъ съ описаніемъ раздоровъ княжескихъ, которыхъ самая полная, вѣрная и печальная картина представлена въ повѣсти объ ослѣпленіи Василька.

Вѣрно изображая дѣйствительность, лѣтопись Нестора была бы самою грустною повѣстью, если бы не передавала другой, свѣтлой стороны жизни того времени. Эта свѣтлая сторона—вѣра, двигавшая умомъ и чувствомъ Нестора, какъ и лучшей части его современниковъ. Самыя бѣдствія получали другой смыслъ въ воззрѣніи религіозномъ. Страданія, понесенныя во имя вѣры, представлялись не несчастіемъ, не паденіемъ, а побѣдою духа надъ силою внѣшнею, залогомъ

будущаго блаженства. Примѣры подвиговъ вѣры дѣйствуютъ благотворно, а потому описаніе ихъ не могло не имѣть высокаго значенія для лѣтописца, не могло не найти мѣста въ его трудѣ, посвященномъ замѣчательнымъ событіямъ родины. Разсказъ о борьбѣ князей между собою и съ чужеземцами соединяется въ лѣтописи со сказаніемъ о борьбѣ внутренней, выдержанной подвижниками противъ враговъ ихъ душевнаго блага, силившихся поколебать ихъ усердіе къ вѣрѣ. Подъ 983 годомъ находится первое подобное сказаніе о варягѣ и его сынѣ: они погибли за то, что остались твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ. Въ самомъ обширномъ объемѣ излагаетъ лѣтописецъ княженіе Владиміра, утвердившаго христіанство въ русской землѣ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ Владиміра можно назвать главнымъ лицомъ лѣтописи, подвиги его изображены съ наибольшею подробностью и живымъ сочувствіемъ. Описывая дѣйствія Владиміра, его отношенія къ новообращенному народу, лѣтописецъ не забываетъ и предметовъ внѣ области вѣры, имѣвшихъ привлекательность для современнаго Владиміру русскаго общества, описываетъ и пиры съ дружиною, сохранившею обычай старины, и схватки съ врагами, вызывавшими русскихъ удалцевъ перевѣдаться съ ними силою. Будучи истиннымъ и ревностнымъ христіаниномъ, Несторъ вмѣстѣ съ тѣмъ писатель народный; общее не заглушаетъ въ немъ частнаго, народнаго: онъ постоянно удерживаетъ двойственный характеръ христіанина и русскаго писателя XI вѣка. Дѣйствія силы высшей всего скорѣе обнаруживались въ храмахъ, посвященныхъ истинному Богу; поэтому сооруженіе церкви считалось важнымъ событіемъ и тщательно отмѣчалось какъ нашими лѣтописцами, такъ и западно европейскими. Мѣстомъ священнымъ почитаемы были также монастыри. Подобно другимъ европейскимъ лѣтописцамъ, Несторъ неоднократно упоминаетъ о созданіи церквей и учрежденіи монастырей. Однимъ изъ самыхъ счастливыхъ событій въ княженіе Ярослава, по словамъ лѣтописца, было то, что при немъ „нача вѣра христіанская и плодишися и

расширяти и черноризьцы начаша множитися, и монастыреви починаху быти“.

Въ повѣствованіи о крещеніи Владиміра и всей земли русской лѣтописецъ нашъ слѣдовалъ автору „Житія блаженнаго Володимера“. Оно съ вѣроятностью можетъ быть приписано монаху Іакову, русскому писателю XI вѣка. Отдѣльнымъ эпизодомъ, вставленнымъ въ лѣтопись, является житіе святыхъ Бориса и Глѣба.

Въ лѣтописи подъ 6575 (въ иныхъ спискахъ подъ 6576) и 6582 годами приводятся мѣста изъ поученій преподобнаго Θεодосія Печерскаго (1074). Описаніе событій перваго года начинается такъ: на русскую землю пришли иноплеменики половцы, Изяславъ же, Святославъ и Всеволодъ выступили противъ враговъ на Альгу; но по грѣхамъ нашимъ, замѣчаетъ лѣтописецъ, попустилъ Богъ поганныхъ: русскіе князья бѣжали, а половцы побѣдили. Вслѣдъ за этими словами приводится поученіе Θεодосія о причинахъ, по которымъ Богъ попускаетъ нашествіе иноплемениковъ. Поученіе передается почти дословно, что дѣлается очевиднымъ при сравненіи его съ текстомъ лѣтописи.

Въ числѣ событій, описанныхъ подъ 6605 (1097) годомъ, главное мѣсто занимаетъ ослѣпленіе князя Василька Ростиславича. При описаніи какъ самаго злодѣянія, такъ и близкихъ къ нему происшествій, лѣтописецъ пользовался письменнымъ разсказомъ того Василія, который велъ переговоры съ ослѣпленнымъ княземъ. Лѣтописецъ руководствовался своимъ источникомъ не вполнѣ, передавая по своему его содержаніе.

Лѣтописцы наши пользовались византійскими источниками: на это указываетъ и составъ лѣтописей, и собственныя слова лѣтописцевъ, означавшихъ иногда, откуда почерпнуто имъ то или другое свѣдѣніе. Между византійскими хронистами всѣхъ ближе во многихъ отношеніяхъ къ нашимъ лѣтописцамъ Георгій Амартолъ. Въ древней лѣтописи приводятся неоднократно мѣста изъ его хроники, по разнымъ поводамъ

изъ различныхъ частей ея. Отсюда слѣдуетъ заключить, что древнему лѣтописцу извѣстна была хроника Амартола во всемъ ея объемѣ. Составляя хронику, Георгій Амартоль имѣлъ опредѣленную цѣль и придалъ труду своему опредѣленное направленіе, которыя ясно выражаются въ предисловіи. Авторъ обѣщаетъ изложить паденіе ложныхъ языческихъ ученій, начало и распространеніе монашеской жизни, борьбу истинной вѣры съ злою ересью иконоборческою и другими ересями. Дѣйствительно во всей хроникѣ главнымъ предметомъ являются судьбы вѣры и церкви, торжество православія надъ еретиками. Преобладающая мысль сочиненія высказывается съ большею или меньшею силою, сообразно съ свойствомъ описываемыхъ предметовъ. Хроника начинается краткимъ обзоромъ замѣчательнѣйшихъ лицъ древняго міра, частью историческихъ, частью мнѣическихъ. Потомъ излагается исторія библейская, исторія вавилонскаго царства, исторія римской монархіи въ періодъ языческой и, наконецъ, исторія византійскаго государства до смерти царя Михаила. Слѣдовательно, Амартоль писалъ до 867 года; все же, что относится къ событіямъ послѣ 867 года, къ которымъ принадлежатъ и походы руссовъ, описано не имъ, а его продолжателями. Судьба христіанской церкви составляетъ тотъ предметъ, которымъ преимущественно занимается Амартоль при изложеніи исторіи съ эпохи Константина Великаго.

Поэтому на первомъ планѣ является описаніе вселенскихъ соборовъ, какъ событій упрочившихъ спокойствіе церкви, а съ другой стороны, описаніе ересей, усилія лжеучителей разрушить единство церкви и положить предѣлъ распространенію истинной вѣры. Возмущенія, произведенныя иконоборцами, изложены съ особенной подробностью и энергіей. Обличая ложность началъ, руководившихъ изступленными еретиками, Амартоль расточаетъ укоризны ихъ представителямъ и защитникамъ. Такое же мѣсто занимаютъ при описаніи другихъ царствованій подвиги святыхъ и учителей церкви съ извѣстіемъ о чудесахъ, совершенныхъ ими.

Вмѣстѣ съ происшествіями чудесными въ собственномъ смыслѣ, Амартоль описываетъ и вещи просто диковинныя. Такъ онъ рассказываетъ о фокусникѣ, который отбиралъ кольца у зрителей, а собака возвращала каждому по принадлежности. Сравненіе соотвѣствующихъ мѣстъ нашей лѣтописи и хроники Амартола показываетъ, что инныя заимствованія изложены лѣтописцемъ въ сокращеніи и отчасти своими словами, другія же выписаны почти дословно.

На Меѳодіа Патарскаго ссылается лѣтописецъ нашъ при разсказѣ о нашествіи половцевъ въ 1096 году. Безбожные сыны Измаиловы, говоритъ лѣтописецъ, пришли изъ пустыни Египетской. Меѳодій свидѣтельствуетъ, что 8 колѣнъ убило въ пустыню, и по сихъ 8 колѣнъ въ кончинѣ вѣка выйдетъ нечистое племя, заключенное Александромъ Македонскимъ. Отрокъ Гюраты новгородца узналъ отъ Югры о неслыханномъ чудѣ: о горахъ, „зайдучи луку моря“, въ которыхъ вѣчный крикъ и говоръ, и люди сбѣгутъ гору, „хотяще высѣчися“. Это и есть люди, заключенные Александромъ Македонскимъ. Затѣмъ приводится свидѣтельство о нихъ изъ сочиненій того же Меѳодія. Упоминаемый въ лѣтописи авторъ Меѳодій Патарскій, былъ епископомъ сперва въ Олимпѣ, городѣ малоазійской области Ликии, потомъ въ главномъ городѣ той же области Патарѣ, наконецъ въ Тирѣ, и пострадалъ во время преслѣдованій Діоклитіана около 311 года.

Сверхъ всего этого, въ лѣтописи вводились иногда официальные документы, какъ договоры. По лѣтописи извѣстны четыре договора: подъ 907 годомъ приводится договоръ Олега съ царями Львомъ и Александромъ, подъ 912 г. договоръ Игоря съ царемъ Романомъ и сыновьями его Константиномъ и Стефаномъ; подъ 971 годомъ — договоръ Святослава съ Іоанномъ Цимисхиємъ.

Таковы главнѣйшіе источники, послужившіе къ составленію древней лѣтописи. Въ выборѣ ихъ ясно обнаруживаются вѣкъ и образованность лѣтописца, а въ цѣли заимствованій искусство его, какъ писателя. Въ этомъ отношеніи замѣча-

тельно подчинение всего вносного главной мысли повествования. Извлечениями из разных источников объясняются те явления в русском мире, которые по своей важности или по своей необычности нуждались в объяснении для людей мыслящих, не вовсе равнодушных к причинам событий. Между источниками первое место занимают книги св. Писания. Затѣм сами собою представлялись вниманию летописца произведения его соотечественников, родные ему по слову и по духу. В связи с памятниками русскими находят памятники литературы византийской, чрез посредство которой русское общество ознакомилось с идеями христианскими. В способ пользоваться источниками как отечественными, так и иностранными, замѣтно единство, одинаковость приемов: летописец обыкновенно не выписывает свидетельства своего источника дословно во всем его объемѣ, а приводит из него извлечения, связывая его с главным предметом повествования...

Передавая различные события, летописец сообщает свѣдѣнія о лицах, принимавших участие в этих событиях. Извѣстія о лицах состоятъ обыкновенно из замѣток о годѣ ихъ рожденія, описанія ихъ дѣйствій, преимущественно военных, и из упоминанія о годѣ смерти и мѣстѣ погребенія. За извѣстіемъ о смерти часто слѣдуютъ отзывы, болѣе или менѣе знакомящіе со свойствами умершихъ. Отзывы о лицахъ касаются какъ внутреннихъ ихъ качествъ, такъ и наружныхъ и, несмотря на всю краткость, ясно указываютъ различіе между упоминаемыми лицами. О князѣ Ростиславѣ († 1065) летописецъ говоритъ: „Бѣ же Ростиславъ мужъ добль, ратень, возрастомъ же лѣтъ и красенъ лицомъ и милостивъ убогимъ“. О Глѣбѣ († 1078): „бѣ бо Глѣбъ милостивъ убогимъ, и страннолюбивъ, тщанье имѣя къ церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ“.

Вмѣстѣ съ свѣдѣніями о замѣчательныхъ происшествіяхъ и о личныхъ свойствахъ князей и другихъ общественныхъ дѣятелей, летопись сообщаетъ и нѣкоторыя черты быта вну-

тренного: говоритъ о взаимныхъ отношеніяхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ общества, о правахъ, обычаяхъ и понятіяхъ большинства людей съ болѣе вѣрнымъ взглядомъ на вещи. Эти черты разбѣяны по разнымъ мѣстамъ летописи. Въ записаніи Ярослава видно господство семейнаго начала в древне-русскомъ княжескомъ бытѣ. Умирающій Ярославъ говоритъ своимъ дѣтямъ: „Се азъ отхожу свѣта сего, сынове мои; имѣйте въ собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матери. Да аще будете въ любви межю собою, Богъ будетъ въ васъ, и покоритъ вы противныя подъ вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще въ распряхъ и которающесе, то погибнете сами и погубите землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣзоша трудомъ своимъ великимъ. Но пребывайте мирно, послушающе братья брата. Се же поручаю въ себѣ мѣсто столь старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кіевъ; сего послушайте, якоже послушаете мене, да то вы будетъ въ мене мѣсто, а Свято-славу даю Черниговъ, а Всеволоду — Переяславль“ и т. д. О любознательности Ярослава и мѣрахъ къ распространенію образованія свидѣлствуютъ слѣдующія слова летописи: „И бѣ Ярославъ книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и въ дне; и собра писецѣ многи, и прекладаше отъ грекъ на славянское письмо, и списаша книги и многи списка ими же поучающесе вѣрнии людѣе, наслаждаются ученья божественнаго“.

Отъ содержанія древней русской летописи, въ которое вошли довольно разнообразныя предметы, обращаемся къ способу изложенія этихъ предметовъ.

Не смотря на строгій хронологическій порядокъ, вслѣдствіе коего сопоставлялись происшествія, лишенная внутренней связи между собою, не смотря на краткость и какъ бы случайность разныхъ замѣтокъ, древнюю летопись отнюдь нельзя назвать сборникомъ отрывочныхъ извѣстій, не имѣющихъ одно съ другимъ ничего общаго. Содержаніе ея не состоитъ изъ ряда сухихъ фактовъ, а изложеніе изъ безцвѣт-

ныхъ описаній: она получаетъ жизнь и колоритъ отъ искусства лѣтописца, который, будучи человѣкомъ мыслящимъ и способнымъ сочувствовать общему горю и общей радости, многими чертами въ повѣствованіи обнаруживаетъ свои понятія и чувства, составляющія, такъ сказать, внутреннюю сторону изображаемой имъ дѣйствительности. Понятія его выражаются въ указаніи причинъ происшествій и преимущественно въ объясненіи ихъ, какъ въ одной изъ самыхъ яркихъ особенностей нашей древней лѣтописи. Въ большей части приводимыхъ причинъ лѣтописецъ остался вѣренъ общему мнѣнію и духу вѣка, не стараясь толковать событія произвольно; но въ тѣхъ случаяхъ, когда молва народа не могла удовлетворить человѣка начитаннаго и разсудительнаго, лѣтописецъ, указывая ея неосновательность, выражаетъ свое мнѣніе, основанное на свидѣтельствахъ вполне достовѣрныхъ.

При сужденіи о причинѣ событій, указываемой въ лѣтописи, необходимо держаться исторической точки зрѣнія. То, что намъ кажется мало важнымъ, для предковъ нашихъ имѣло совершенно другое значеніе, вслѣдствіе различныхъ условий ихъ быта, съ коими находится въ связи тотъ или другой взглядъ на вещи. Высшею причиною событій, достопамятныхъ для потомства, лѣтописецъ признаетъ волю Господню, праведный судъ Божій: благая мысль и благое чувство возникаютъ по дѣйствию небесной силы.

Не только въ событіяхъ историческихъ, въ дѣйствіяхъ людей, но и въ явленіяхъ внѣшней природы лѣтописецъ не допускаетъ случайности. По его понятію, различныя явленія на землѣ и небѣ происходятъ не сами по себѣ, не лишены всякой связи съ судьбою человѣка: напротивъ, ихъ таинственный смыслъ можетъ быть разгаданъ только наблюденіемъ дѣлъ человѣческихъ. Такая вѣра въ родство человѣка съ природою, въ единство всѣхъ силъ вселенной, средоточіемъ которой является человѣкъ съ его замыслами и поступками, съ его ограниченными нуждами, — есть слѣдъ давно минувшаго быта, удержанный сказаніями лѣтописи.

Возникнувъ во времена первобытныя, эта вѣра оживляла многія поколѣнія, къ ряду коихъ принадлежитъ и поколѣніе, современное нашему лѣтописцу. Простымъ и необходимымъ явленіемъ природы онъ придаетъ значеніе высшее, какъ бы осмысляетъ ихъ, что показываетъ самое названіе: знаменіе — явленіе знаменательное, предвѣщавшее что-либо доброе или злое. „Знаменія бо бывають ова на зло, ова ли на добро“, говоритъ лѣтописецъ. Въ знаменіяхъ искали пророческаго смысла всѣ: и простолюдины, и люди высшаго сословія, даже духовенство; лѣтописецъ также принимаетъ общее мнѣніе, какъ видно и изъ собственныхъ словъ его о причинѣ знаменій и изъ одобрительнаго отзыва о людяхъ, прибѣгающихъ къ Богу съ молитвою о томъ, чтобы Онъ явленія небесныя обратилъ на добро. Но не все то, чему въ простотѣ сердца вѣрили массы, признавалъ за достовѣрное и лѣтописецъ. Когда случались солнечныя затменія, народъ говорилъ, что солнце съѣдено; такъ думали во времена Нестора. Отголосокъ того же мнѣнія сохраняется и доселѣ въ устахъ народа. Лѣтописецъ отвергаетъ толки народа, называя „невѣголосыми“ тѣхъ, которые думаютъ, что солнце съѣдается. Въ самомъ же затменіи лѣтописецъ допускаетъ связь съ событіями земными, коимъ будто бы служить оно предзнаменованіемъ...

Мысль о событіяхъ выражается въ лѣтописи не въ отвлеченной формѣ, а въ живой связи съ повѣствованіемъ. Лѣтописецъ высказываетъ мнѣніе о томъ, что близко его душѣ, что имѣло вліяніе на судьбу русской земли, а потому мысли его исполнены одушевленія, соединяясь съ чувствами, вызванными тѣми же предметами, о коихъ излагаетъ онъ свое мнѣніе. Чувство лѣтописца иногда высказывается въ замѣчаніи, вставляемомъ въ разсказъ, какъ, на примѣръ, въ слѣдующихъ словахъ: „Олегъ же и Борисъ придоста Чернигову мняше одолѣвше, а землѣ Русьскѣ много зло створиша, проливше кровь хрестыанску, ея же крове възыщетъ Богъ отъ руку его, и отвѣтъ дати има за погубленье душа хрестыанъ“.

ски". Иногда же чувства выражаются въ формѣ болѣе пространной, какъ заключеніе предлагаемаго описанія, почему встрѣчаются при извѣстіяхъ о смерти достопамятнаго лица или о совершеніи замѣчательнаго подвига. Особенное сочувствіе лѣтописца вызываютъ подвиги для блага русской земли, для улучшенія ея состоянія нравственнаго, умственнаго, общественнаго. Отзывъ объ Ольгѣ, первой изъ русскихъ, вошедшей въ царство Божіе, полонъ душевнаго участія. Изъ всѣхъ качествъ и дѣйствій Ярослава, его любовь къ просвѣщенію и мѣры къ его поддержанію наиболѣе цѣнными лѣтописцемъ, признающимъ великую пользу отъ ученія книжнаго. Доводы его проникнуты живымъ чувствомъ, которое выражается и въ превосходномъ сравненіи заслугъ Владиміра и Ярослава. Общественное благо потрясаемо было набѣгами вражескими и междоусобіями князей; описаніе и тѣхъ и другихъ несчастій сопровождается изліяніемъ горестнаго чувства. Половцы пришли на землю русскую, и на Руси открылась печальная картина: „Ови ведутся полонени; друзи посѣкаемы бывають; друзи на мечь даемы бывають, горкую смерть приемлюще; друзи трепечуть; зряще убиваемыхъ; друзи гладомъ уморяемы и водною жажею“. Внутреннія смуты также печалили мыслящаго лѣтописца. Согласіе между братьями лѣтописецъ признаетъ залогомъ счастья русской земли и, по поводу братолюбія Изяслава, доказываетъ необходимость любви. Описываетъ ли подвиги своихъ соотечественниковъ, говоритъ ли о чужеземцахъ, Несторъ не увлекается ни слѣпою любовью, ни безпощадною ненавистью. Чувства его не безотчетны; они основываются на вѣрномъ взглядѣ на вещи; похвалы и порицанія находятъ положительное подтвержденіе въ самомъ повѣствованіи. Безпристрастіе и преобладаніе мысли, сдерживающей увлеченія чувства, составляютъ существенныя внутреннія качества Нестора. Они выразились всюду, гдѣ можетъ быть наблюдаема личность лѣтописца: въ его отзывахъ объ историческихъ лицахъ, въ описаніи событій, въ его разсказѣ вообще.

Отличительное свойство повѣствованія Нестора заключается въ ровности изложенія: у него нѣтъ порывовъ и витѣватыхъ отступленій и воззваній. Рѣчь его чужда искусственныхъ украшеній, изысканныхъ троповъ и фигуръ, но зато она исполнена внутренней силы: слова ясно и точно передаютъ мысль, и ихъ сказано не болѣе и не менѣе, какъ сколько нужно для яснаго и точнаго выраженія мысли. Описанія сраженій и побѣдъ, нечаянной смерти и т. п. особенно благопріятствуютъ тропамъ и фигурамъ, и у словоохотливыхъ повѣствователей самыя краснорѣчивыя страницы посвящаются подобнымъ описаніямъ. Но у Нестора и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, господствуютъ ровность и простота изложенія. Къ нѣкоторымъ событіямъ лѣтописецъ питалъ особенное сочувствіе, и оно выразилось не отрывистыми, восторженными фразами, а послѣдовательнымъ описаніемъ происшествій.

Бѣдствія, постигшія землю съ нашествіемъ половцевъ, описаны, повидимому, съ большимъ спокойствіемъ; но въ этой спокойной рѣчи много такого, что можетъ вызвать чувство читателя скорѣе самыхъ затѣйливыхъ описаній.

3. Значеніе Поученія Владиміра Мономаха.

С. Протопопова.

Въ Мономаховомъ Поученіи можно замѣтить три главныя мысли, которыя авторъ старается развивать, имѣя въ виду начертать правила поведенія человѣка христіанина вообще и князя-христіанина въ особенности. Первая и самая главная мысль опредѣляетъ отношеніе человѣка къ Богу; вторая касается отношенія между властью и подданными; третья мысль указываетъ на отношеніе человѣка къ самому себѣ и опредѣляетъ взаимныя отношенія между людьми. Общій составъ и порядокъ Поученія можетъ быть представленъ въ слѣдующемъ видѣ: въ началѣ описывается случай, подавшій поводъ къ написанію Поученія. Самое Поученіе начинается выписками

изъ Псалтыри, за коими слѣдуютъ размышленія о величїи Божіемъ, далѣ общія нравственныя наставленія, потомъ особыя наставленія, обращенныя именно къ дѣтямъ, касательно образа дѣйствій на войнѣ, во время мирныхъ отношеній съ сосѣдями, при исправленіи обязанностей судьбы, въ домашнемъ быту, между своими братьями-князьями. Наконецъ, слѣдуетъ автобіографія Мономаха, въ которой находится много новыхъ обстоятельствъ, умолченныхъ лѣтописями, а главное представляется общее изображеніе княжеской жизни того времени, домашнія занятія, хозяйственныя распоряженія, непрерывныя путешествія изъ города въ городъ по всѣмъ областямъ, составлявшимъ то или другое княжество.

Мысль Мономаха — по возможности опредѣлить отношеніе человѣка къ Богу, мысль, весьма важная для того времени, когда Русь только что приняла христіанство, только что начала сознать себя подъ вліяніемъ новыхъ христіанскихъ понятій. Во времена господства язычества отношенія человѣка къ божеству обыкновенно бывають слишкомъ внѣшны, формальны: человѣкъ даже и не предполагаетъ тогда возможности какихъ либо иныхъ, болѣе внутреннихъ, сердечныхъ отношеній къ божеству. Язычество вообще характеризуется, какъ натурализмъ: язычникъ обоготворяетъ внѣшнюю природу и ея явленія. Не подозрѣвая существованія неизмѣнныхъ законовъ, которыми управляется природа, язычникъ предполагаетъ такія же произвольныя желанія, какія онъ сознаетъ въ себѣ. Но въ то же время онъ представляетъ природу, съ одной стороны, могучею и властною, а потому боится ея и спѣшитъ умиловить чисто внѣшнимъ образомъ—жертвами; но, съ другой стороны, въ его умѣ возникаетъ мысль о возможности покорить, подчинить себѣ эту природу. Разумѣется, не всякій человѣкъ имѣетъ силу покорять природу: такую силу, по мнѣнію народа, имѣють только чародѣи, люди вѣще, знающіе. Такое внѣшнее, формальное отношеніе къ божеству, по которому человѣкъ то униженно склонялся передъ природою, то сознатель себя надъ нею

могущественнымъ царемъ, передъ магическимъ словомъ котораго она должна преклоняться, еще болѣе усилилось въ русскомъ язычествѣ съ того времени, какъ въ немъ стала развиваться идея рока, судьбы. Въ русскомъ язычествѣ совершенно отсутствовала нравственная оцѣнка человѣческихъ дѣйствій. Одни люди являлись любимцами боговъ—„богатыми“; другіе „убогими“—слово, означающее отверженцевъ боговъ. Чтобы восполнить бездну, оставленную отсутствіемъ нравственнаго содержанія въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, язычество и создало идею судьбы (рока), которая должна опредѣлять ходъ человѣческой жизни. Эту судьбу прежде соединяли съ непосредственнымъ вліяніемъ звѣздъ и планетъ; впослѣдствіи звѣзды превратились въ „роженницъ“ или дѣвъ судьбы, которыя опредѣляютъ будущее.

Съ принятіемъ на Руси христіанства, явилась нужда опредѣлить отношеніе человѣка къ божеству, основанное на христіанскихъ началахъ, явилась необходимость разъяснять новымъ христіанамъ, что Богъ есть живое, дѣятельное, полное безконечной любви къ міру Существо, которое, въ свою очередь, требуетъ не пустого, формальнаго отношенія къ нему, а внутренней, живой, чистосердечной любви и безпредѣльной преданности его волѣ. Еще до Мономаха были люди, которые старались проводить въ среду тогдашняго общества такую мысль. Такъ, митрополитъ Иларіонъ (1051—1054) въ извѣстномъ своемъ словѣ о законѣ и благодати, старается изъ догмата о двухъ естествахъ во Христѣ—Божескомъ и человѣческомъ—вывести идею о необходимости для христіанина внутренняго сердечнаго общенія съ Божествомъ. Эта же мысль сквозитъ въ той части его слова, гдѣ онъ говоритъ о достоинствѣ христіанской религіи сравнительно съ язычествомъ. „Взыщемъ Бога рыданіемъ, слезами, пощеніемъ, бдѣніемъ, покореніемъ же и послушаніемъ“, говоритъ преп. Θεодосій Печерскій въ одномъ изъ своихъ поученій, желая провести ту же мысль. Кромѣ Иларіона и Θεодосія, мысль о необходимости духовнаго отношенія человѣка къ Богу про-

водилась и еще нѣкоторыми проповѣдниками, жившими до Владиміра Мономаха; но при всемъ томъ приходится сознаться, что русская проповѣдь того времени слишкомъ мало обращала вниманія на этотъ важный вопросъ. Потому ли, что сами русскіе проповѣдники смутно и неясно понимали его, или по другимъ какимъ либо причинамъ, только они главнымъ образомъ направляли свою проповѣдь съ обличеніемъ противъ пороковъ, сильно развитыхъ въ обществѣ, или же призывали вѣрующихъ къ исполненію внѣшнихъ обрядовъ благочестія, какъ то: къ соблюденію постовъ, посѣщенію храмовъ и т. д., а о томъ, какъ христіанинъ долженъ относиться къ Богу, они упоминали только изрѣдка, вскользь. Первую, болѣе или менѣе удовлетворительную попытку къ рѣшенію этого важнаго вопроса встрѣчаемъ мы въ Поученіи Владиміра Мономаха. Мы называемъ эту попытку Мономаха въ томъ смыслѣ удовлетворительною, что она рѣшаетъ указанный вопросъ не теоретически-отвлеченно, какъ напримѣръ, у Иларіона, и потому едва ли понятно для большинства, а практически, наглядно, примѣнительно къ непосредственному сознанію простыхъ, неразвитыхъ русскихъ людей той эпохи. Мономаха можно включить въ число тѣхъ немногихъ русскихъ людей своего времени, которые правильно и чище остального общества понимали сущность христіанской религіи. Это особенно видно изъ того, что христіанство Владиміра Мономаха было не обрядовое, а дѣятельное. Отъ совѣта о поклонахъ и молитвѣ онъ переходитъ къ дѣламъ милосердія и правды — и говорить: „всего же паче убогихъ не забывайте“. Человѣкъ съ такими истинно-христіанскими понятіями не могъ не замѣтить, въ чемъ особенно нуждается современное ему общество, не могъ не понять, что это общество совсѣмъ не знаетъ свойствъ христіанскаго Бога, отчего отношенія человѣка къ Божеству являются внѣшними, а не живыми, полными любви и преданности. Вотъ почему Мономахъ такъ обстоятельно посвящаетъ первую часть своего Поученія разясненію внутренняго смысла и

значенія христіанской религіи, дѣлая все это не въ формѣ отвлеченныхъ разсужденій, а въ видѣ религіозныхъ предписаній и нравственныхъ наставленій.

Въ той части своего Поученія, въ которой Мономахъ обращается къ своимъ дѣтямъ, какъ князьямъ, правителямъ вѣреннаго имъ народа, онъ имѣетъ въ виду опредѣлить отношеніе власти къ подданнымъ. Владиміръ Мономахъ былъ прекраснымъ государемъ и тѣмъ не безъ причины заслужилъ искреннюю любовь народа, которою онъ такъ славенъ въ древней исторіи Руси. Такой достойный государь очень хорошо понималъ, что требуется отъ князя для того, чтобы народъ былъ счастливъ. Это, прежде всего, постоянная заботливость и неуспынный надзоръ за строгимъ и безкорыстнымъ исполненіемъ правосудія. Въ своемъ поученіи Мономахъ даже требуетъ отъ дѣтей-князей по возможности личнаго исправленія обязанности судьи, — „вдовцу оправдате сами“, говоритъ онъ, чтобы тѣмъ самымъ было больше истиннаго правосудія, такъ какъ, по его же словамъ, нельзя было надѣяться на честность посадниковъ и бирючей.

Владиміръ Мономахъ, какъ лучший человѣкъ своего времени, хорошо понималъ всю безнравственность несоблюденія данныхъ обязательствъ и глубоко скорбѣлъ при видѣ этой язвы тогдашняго общества. Весьма трогательно онъ умоляетъ своихъ дѣтей не клясться и не творить крестнаго цѣлованія, если они не имѣютъ въ виду соблюсти клятвеннаго обѣщанія. „Не клянитесь Богомъ, ни креститесь“, говоритъ онъ, „нѣту бо ти нужда никоея же; аще ли вы будете крестъ цѣловати къ братьи, или къ кому, али управивше сердце свое, на немъ же можете устояти, тоже цѣлуйте и цѣловавше блюдѣте, да не преступни погубите душѣ своей“. Соблюденіе крестнаго цѣлованія особенно было важно среди княжескихъ политическихъ отношеній, такъ какъ оно, въ большинствѣ случаевъ, обеспечивало миръ страны и спокойное состояніе гражданъ, постоянно страдавшихъ отъ внутреннихъ усобицъ; а между тѣмъ князья-то и нарушали глав-

нымъ образомъ крестное цѣлованіе, данное другъ другу въ обезпеченіе неприкосновенности ихъ взаимныхъ мирныхъ отношеній. Такъ извѣстенъ случай, бывшій съ великимъ княземъ Святополкомъ.

Требуя отъ дѣтей-князей, по возможности, личнаго производства суда надъ своими подданными, съ цѣлью лучшаго соблюденія правды въ отношеніи къ нимъ, Мономахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, заботился и о милости при произнесеніи приговора суда надъ преступникомъ: „Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убивати его“, говоритъ онъ.

Удерживая судей отъ смертныхъ приговоровъ, Владиміръ Мономахъ не столько, можетъ быть, боялся въ смертной казни проявленія невыносимаго для него духа мести, сколько страшился загубить душу преступника, котораго продолжалъ считать христіаниномъ, такъ какъ послѣдній черезъ скорую смерть лишался времени, необходимаго для исправленія и покаянія. „Аще будетъ повиненъ въ смерти и тогда душа не погубяете никакая же хрестьяны“, говоритъ Мономахъ. Какой христіански гуманный взглядъ! Изъ этихъ словъ понятна та твердость и рѣшительность, съ которою современникъ Мономаха, митрополитъ Никифоръ, „печаловался“ предъ этимъ княземъ за осужденныхъ. Митрополитъ очень хорошо зналъ, что онъ имѣетъ дѣло съ образованнымъ и гуманнымъ княземъ-христіаниномъ, которому собственное его сердце подскажетъ личность тамъ, гдѣ слова защитника не будутъ достаточно убѣдительно. „О семъ испытай, княже мой“, писалъ Никифоръ въ одномъ посланіи къ Мономаху, „о томъ помысли: о изгнанныхъ отъ тебѣ, о осужденныхъ отъ тебѣ наказанія ради, о презрѣнныхъ; въспомани о всѣхъ, кто на кого изрекль и кто кого оклеветалъ, и самъ суди разсуди таковыя, и якоже отъ Бога наставляемъ, всѣхъ помани, и тако сътвори и отпусти, да ти ся отпустятъ и отдаждь, да что ся отдасть. Аще бо не отдамы... грѣхонаденіи челоуѣкомъ, ни отецъ небесный оставитъ намъ прегрѣшеній нашихъ“... Чтобы князь не подумалъ, что митрополитъ дѣйствуетъ въ этомъ

случаѣ по какимъ либо частнымъ обстоятельствамъ, а не по наставленію церкви, Никифоръ прибавляетъ: „нѣтъ, ради благовѣрія твоего, просто написалъ я такъ на воспоминаніе тебѣ, потому что великія власти великаго напоминанія требуютъ, великую пользу приносятъ онѣ и великимъ грѣхамъ подвержены“.

Обычай печалованія, которымъ такъ знаменитъ былъ въ разсматриваемую эпоху митрополитъ Никифоръ, и который вошелъ въ особенное употребленіе въ позднѣйшее время, въ періодъ Московскаго единодержавія, составлялъ издавна неотъемлемое право духовенства, проистекавшее изъ того высокаго уваженія, какимъ оно пользовалось въ древней Руси. Отсюда понятно то благоговѣніе, съ какимъ Мономахъ говоритъ о почитаніи духовенства, требуя отъ дѣтей, чтобы они не отклоняли отъ себя лицъ духовнаго сана, но съ любовью принимали ихъ благословенія и молитвы: „епископы, и попы, и игумены съ любовью взимайте отъ нихъ благословеніе, и не устранийтесь отъ нихъ, а по силѣ любите и набдите, да пріимите отъ нихъ молитву отъ Бога“. Владиміръ и на самомъ дѣлѣ глубоко уважалъ духовенство, что видно особенно изъ отзыва о немъ лѣтописца: „Володимерь бо такъ бѣаше любезнивъ: любовь имѣа къ митрополитомъ и къ епископомъ и къ егуменомъ, паче же и чернечскый чинъ любя и черницы любя“:...

Итакъ, говоря объ отношеніи власти къ подданнымъ, Владиміръ Мономахъ требуетъ отъ дѣтей-князей прежде всего заботы объ истинномъ правосудіи въ ихъ вотчинахъ, въ частности же соблюденія на судѣ принципа правды и милости. Далѣе онъ совѣтуетъ строго соблюдать крестное цѣлованіе, данное князьями въ обезпеченіе міра страны, наконецъ проситъ князей во всемъ руководиться любовью къ своимъ подданнымъ, особенно любить лицъ духовнаго сана, которыхъ, кромѣ того, уважать и слушаться ихъ совѣтовъ.

Третья мысль, которую развиваетъ въ своемъ поученіи Мономахъ, показываетъ, какъ долженъ челоуѣкъ относиться

къ самому себѣ, а также опредѣляетъ взаимныя отношенія людей между собою. Вся эта часть Поученія, по своему вышнему виду, представляетъ ничто иное, какъ рядъ нравственныхъ правилъ поведения человѣка въ его обыкновенномъ повседневномъ бытѣ, и съ этой стороны имѣетъ большое вышнее сходство съ Домостроемъ попа Сильвестра, также опредѣлявшемъ обыкновенный повседневный бытъ русскаго человѣка своего времени. Но какая огромная внутренняя разница между Домостроемъ древней Руси и Домостроемъ XVI вѣка. На сколько нравствененъ принципъ Домостроя Мономахова, на столько же, можно сказать, безнравствененъ (въ смыслѣ отсутствія нравственной идеи) принципъ Домостроя Сильвестрова. У Сильвестра всюду видно начало уклончивости, примѣнительности къ жизни и угодливости къ людямъ. Множество его наставленій направлены именно къ тому, чтобы научить—какъ ужиться съ разными людьми въ жизни, и при этомъ только по возможности сохранять правду, жертвуя при случаѣ ею, чтобы не поссориться съ несправедливыми людьми и тѣмъ не повредить ни своимъ добрымъ къ нимъ отношеніямъ, ни другимъ своимъ интересамъ. Такой принципъ уклончивости, примѣнительности и угодливости людямъ, который въ жизни легко переходитъ въ совершенное равнодушіе къ правдѣ и неправдѣ и въ потворство неправдѣ, такой принципъ, въ концѣ концовъ, можетъ привести къ совершенному безразличію общественнаго мнѣнія и суда надъ людьми несправедливыми, къ уничтоженію прямыхъ и искреннихъ отношеній между людьми и къ совершенному ослабленію нравственной жизни общества. Совсѣмъ не таковъ взглядъ Мономаха. Не только въ рассматриваемой части Поученія, но и во всемъ этомъ произведеніи, мы не найдемъ ничего сходнаго съ принципомъ Сильвестра. Русскій человѣкъ XII вѣка гораздо нелицемѣрнѣе смотрѣлъ на людскія отношенія и болѣе вѣрилъ въ искренность этихъ отношеній, нежели русскій же человѣкъ XVI вѣка, и въ противоположность послѣднему, скорѣе былъ готовъ пожертвовать собственными

интересами за правду, чѣмъ примѣняться къ обстоятельствамъ, льстить и угождать несправедливымъ людямъ. Вотъ въ какую дурную сторону уклонилась нравственная жизнь XVI вѣка, очевидно, еще носившая тогда мрачныя слѣды двухвѣковаго рабства азіатскимъ варварамъ. Но зато какъ свѣжи, какъ отрадны понятія молодой, еще неиспорченной государственными бѣдствіями до татарской Руси! Ея безхитростныя понятія являются подчасъ даже наивными — въ нихъ пріятно звучитъ юношеская неопытность народа, сравнительно съ отталкивающей и холодной старческою расчетливостью современниковъ Сильвестра. Сильвестръ совѣтуетъ, на примѣръ, угостить, а иногда и подарить заѣзжаго купца, съ тѣмъ практическимъ расчетомъ, чтобы купцы, зная гостепріимство человѣка, „мимо его добраго товара не продали“ (гл. XL). Мономахъ также предписываетъ гостепріимство, особенно къ чужеземцамъ, но совсѣмъ не съ такимъ сухимъ матеріальнымъ расчетомъ, какой обнаруживается у Сильвестра. Какъ всякій человѣкъ, Мономахъ не лишенъ былъ нѣкотораго тщеславія; но это чувство выражается у него до крайности наивно, просто и добродушно. Онъ потому совѣтуетъ угощать чужестранцевъ, что они мимоходомъ прославятъ человѣка по всѣмъ землямъ. „Болѣе же чтите гостя“, предписываетъ Мономахъ, „откуда же къ вамъ придетъ, или просто, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ брашномъ и питьемъ, ти бо мимоходячи прославить человѣка по всѣмъ землямъ, либо добрымъ либо злымъ“.

Опредѣляя отношенія, въ коихъ человѣкъ долженъ стоять къ самому себѣ, Мономахъ требуетъ не имѣть гордости ни въ сердцѣ, ни въ умѣ; „но рцетъ: смертнн еси, днесъ живи, а заутро въ гробѣ“. Онъ хорошо понималъ, что гордость есть величайшій порокъ, который препятствуетъ человѣку идти по пути къ нравственному самосовершенствованію. Гордость ума дѣлаетъ человѣка обыкновенно заносчивымъ, заставляетъ его кичиться нерѣдко мнимыми достоинствами, и черезъ то забываетъ, что всѣ люди равны, какъ по проис-

хожденію отъ одного Творца, такъ и по одинаковой смертности всего вообще человѣчества. Вотъ почему онъ совѣтуетъ постоянно помнить о смертномъ часѣ: „смертни есмы, днесъ живи, а завтра въ гробѣ“, такъ какъ памятованіе о смерти, всегда готовой встрѣтить человѣка, всего лучше умѣряетъ гордость. Но еще болѣе могла казаться Мономаху недостойною христіанина гордость въ сердцѣ, такъ какъ эта гордость окончательно уничтожаетъ христіанскую любовь къ ближнимъ, дѣлаетъ человѣка безсердечнымъ и безчувственнымъ къ несчастіямъ ближнихъ. Онъ совѣтуетъ постоянно говорить себѣ: „се все, что ны (ты) еси (Господи) вдаль, не наше, но твое, поручилъ вы еси на мало дній“, и въ силу этой мысли, онъ прибавляетъ: „въ земли не хороните, то есть великъ грѣхъ“, то есть не копите, не прячьте въ землю своихъ прибытковъ, но раздавайте неимущимъ вашимъ ближнимъ, ибо прятать великій грѣхъ.

Опредѣливъ внутреннее отношеніе человѣка къ самому себѣ, Мономахъ старается указать нѣкоторые правила внѣшняго поведенія человѣка у себя дома и въ обществѣ. Съ этой стороны, поученіе Мономаха особенно близко сходится съ Домостроемъ Сильвестра, содержащимъ, главнымъ образомъ, наставленія, какъ вести себя дома и въ людяхъ. Но и тутъ нельзя не отдать превосходства Мономаху предъ Сильвестромъ. Сильвестръ непріятно поражаетъ мелочностію своихъ наставленій, часто совершенно излишнихъ. Мелочность Сильвестра доходитъ иногда до того, что онъ, напримѣръ, совѣтуетъ покупать хозяйственные припасы въ свое время (гл. XL), покупать не по мелочамъ, а массой (XLI), купленные припасы сберегать, чтобъ они не испортились или не были раскрадены. Такъ всюду и проглядываетъ черствый, практический и расчетливый умъ Сильвестра, который выше всего на свѣтѣ ставитъ, чтобъ „у рубля полтина сбереглась“. Гораздо проще и короче касается всего этого Мономахъ. Онъ говоритъ только: „въ дому своемъ не лѣнитесь, но все видите“, и этого достаточно; тутъ ясно, что домохозяину не должно

лѣниться, но за всѣмъ самому смотрѣть, а при такихъ условіяхъ само собою все будетъ въ порядкѣ. Далѣе у Мономаха прибавляется: „не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящіи къ вамъ и дому вашему ни обѣду вашему“, и затѣмъ онъ снова говоритъ противъ лѣни особенно на войнѣ, во время которой совѣтуетъ не предаваться продолжительному сну и даже по возможности не снимать оружія во время сна, такъ какъ отъ лѣности не трудно погибнуть на войнѣ: „лѣнощами внезапно бо человѣкъ погибаетъ“. Владиміръ Мономахъ, какъ замѣтно, почему-то особенно часто говоритъ въ своемъ поученіи противъ лѣности. Въ одномъ мѣстѣ поученія онъ въ слѣдующихъ словахъ опредѣляетъ лѣность и указываетъ на дурные результаты этого порока: „лѣность бо всему мати, еже умѣть, то забудеть, а его же не умѣть, а тому ся не учить; добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе“. Не указываютъ ли такіа настойчивыя и частыя повторенія наставленій не лѣниться на то, что наши предки отличались неповоротливостію, апатичностію въ веденіи своихъ дѣлъ и отсутствіемъ подчасъ необходимой энергіи? Если эта особенность русскаго характера и въ настоящее время даетъ иногда себя знать, то съ большею вѣроятностію можно предположить то же самое и у современниковъ Мономаха. Отсутствие необходимой жизненной энергіи и лѣнивый, неподвижный характеръ древняго русскаго человѣка даже побудили русскую проповѣдь того времени употребить свое слово противъ указанного общаго недостатка. Въ „поученіи лѣнивымъ“, иже не дѣлаютъ“, между прочимъ, говорится слѣдующее: „Возбуждайте спящая и на дѣло подвизайте ихъ лѣнивыхъ. Аще бо земныя убѣгаете страдѣ (трудоу) вы, то не банныхъ не узрите благыхъ, иже дѣлателямъ Богъ общалъ есть. Отъ труда убо здравіе и отъ страды спасеніе; лѣнивый же, по апостолу, да не ястъ... Лѣность бо всѣмъ дѣломъ злыма есть... кто убо на дѣло лѣнивъ, той и о души своей не подвизается“...

Весьма наивны и простосердечны предписанія Мономахъ относительно ночныхъ поклоновъ, которые всего лучше отгоняють діавола, имѣющаго ночью, по понятію нашихъ предковъ, особенную власть и силу надъ людьми. „Не грѣшите“, говоритъ Мономахъ, „ни одну же ночь, аще можете поклонитесь до земли, али вы ся начнете, не мочи, а трижды; а того не забывайте, не лѣнитесь, тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ человекъ побѣждаетъ дьявола, а что въ день согрѣшитъ, а тѣмъ человекъ избываетъ“. Убѣжденіе нашихъ предковъ въ томъ, что дьяволъ имѣетъ большую силу надъ людьми по ночамъ, сохранялось на Руси отъ далекихъ временъ язычества, по вѣрованіямъ котораго темныя демоническія силы боялись дневного свѣта и начинаютъ свою дѣятельность только при наступленіи ночи и преимущественно въ темныхъ мрачныхъ мѣстахъ, какъ-то: въ дремучихъ лѣсахъ, топкихъ болотахъ и водяныхъ омутахъ.

Утромъ вставать послѣ сна Мономахъ предписываетъ до солнечнаго восхода: „да не застанетъ васъ солнцѣ въ постели“. Пробудившись, нужно „первое къ церкви“ и „заутренню“ отдать „Богви хвалу“. Такимъ образомъ, Мономахъ предписываетъ начинать день молитвою въ храмѣ.

Безъ сомнѣнія, имѣя въ виду своихъ дѣтей-князей, Мономахъ совѣтуетъ, немедленно-же послѣ молитвы, „сѣдше думати съ дружиной, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати“. „Спанье“, замѣчаетъ Владиміръ, „есть отъ Бога присужено полудне, отъ чина бо почиваетъ и звѣрь и птица и человекъ“. И дѣйствительно, обычай послѣобѣденнаго, полуденнаго сна былъ во всеобщемъ употребленіи въ древнее время. „И придоша (Половцы) въ монастырь Печерскій“, рассказываетъ лѣтописецъ, „намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ до заутрени“, то есть, послѣ заутрени, около полудня. Несторъ, въ житіи пр. Феодосія, рассказываетъ про нѣкогого Судислава Гедевича, который далъ обѣщаніе пожертвовать двѣ гривны золота и вѣнецъ на икону богородицы въ монастырь Феодосія, но забылъ

исполнить. „И се по днѣхъ нѣкихъ спяшу ему въ полудне“, явилась ему икона, напомнивъ о данномъ обѣщаніи. Обычай полуденнаго сна ведетъ свое начало изъ отдаленной древности. По стариннымъ мнѣніемъ представленіямъ древнихъ языческихъ славянъ, въ полдень, преимущественно на поляхъ, являются какія-то духовныя существа, называемыя полудницами, съ серпами въ рукахъ, и всякаго, замѣшковавшагося на работѣ, эти полудницы останавливаютъ, начинаютъ разспрашивать: какъ обрабатывать и прясть ленъ и т. д., и кто не устоитъ противъ распросовъ, тому срубаютъ голову серпомъ. Отсюда сонъ въ полдень—самое лучшее средство къ тому, чтобъ избѣжать пагубной встрѣчи съ полудницами.

„Лжѣ блюдица и пьянства, въ томъ бо душа погибаетъ и тѣло“, предписываетъ Мономахъ. Ложь—порокъ весьма обыченъ въ то темное время, когда нравственное сознание было еще до того слабо, что многіе даже не признавали и порока во лжи. Пьянство нужно отнести къ тѣмъ порокамъ, которые достигли наибольшаго развитія въ тогдашнемъ обществѣ. Понятно, что они вызвали Мономага сдѣлать предостереженіе противъ нихъ своимъ современникамъ.

Мы замѣтили, сопоставляя Сильвестровскій Домострой XVI вѣка съ Поученіемъ Владиміра Мономага, что въ послѣднемъ отношеніи, долженствующія быть между людьми, рисуется болѣе искренними и правдивыми, сравнительно съ не совсѣмъ честною примѣнительностію и угодливостію людямъ, возведенною въ руководительный принципъ Домостроемъ XVI вѣка. Мы должны прибавить, что эта искренность и правдивость отношеній человека къ другимъ людямъ, предписываемая Владиміромъ Мономахомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ проникнута въ высшей степени христіанскою гуманностію, достойною человека, воспитавшагося и не при тогдашнемъ, еще весьма низкомъ, уровнѣ общественнаго развитія. Среди человѣческихъ отношеній, отношенія между мужемъ и женою, безспорно, самыя ближайшія и тѣснѣйшія. По понятіямъ цер-

ковнымъ, мужъ и жена составляютъ одно существо, и связь между ними должна продолжаться до самой смерти кого-либо изъ нихъ. Владиміръ Мономахъ хорошо понималъ, что такая тѣсная связь между супругами, проповѣдуемая церковью, невозможна безъ любви, и потому предписываетъ: „жену свою любите“.

Дальнѣйшія предписанія Мономаха объ отношеніи человека къ другимъ людямъ (такъ же, какъ и все въ его Поученіи) проникнуты чисто евангельскимъ духомъ: „больного присѣстите, надъ мертвеца идѣте, яко вси мертвени есмы.... убогихъ не забывайте, но елико можете по силѣ кормите и придавайте сиротѣ“. Всѣ эти нравственные предписанія, несмотря на ихъ обще-извѣстность и не новостъ, имѣли большое значеніе для того времени. Тогда нужны были постоянныя напоминанія и повторенія самыхъ простыхъ и несложныхъ требованій евангельской любви, такъ какъ при всеобщей почти религіозной и нравственной неустойчивости эти требованія скоро забывались. Замѣчательно, что Мономахъ старается, чтобъ и чисто внѣшнія, формальныя и случайныя отношенія между людьми были проникнуты искренностью и глубокимъ участіемъ, чтобы въ нихъ не было даже никакихъ признаковъ грубости, холодности, индифферентизма. „Человѣка не минѣте“, говоритъ онъ, „не привѣчавше (не привѣтствуя), добро слово ему дадите... куда же поидете, идѣже станете, напоите, накормите унеина“, то есть обласкайте, будьте привѣтливы, окажите участіе къ слабымъ, безпомощнымъ бѣднякамъ.

Переходимъ теперь къ заключительной мысли Поученія Владиміра Мономаха.

Въ самомъ концѣ Поученія, Мономахъ приводитъ мысль о промыслѣ Божіемъ, простирающемся на каждый случай жизни человѣческой. Еще въ срединѣ Поученія онъ говорилъ, что въ основѣ всего, всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, долженъ лежать страхъ Божій, то есть постоянная мысль о Богѣ и о томъ, что онъ видитъ всѣ дѣла и помышленія человека,

и что потому нужно всегда „страшиться“ оскорбить Его дурными поступками: „се же вы конецъ всѣму — страхъ Божій имѣйте выше всего“. Теперь, какъ бы дополняя прежде сказанное, онъ говоритъ, что въ жизни съ человекомъ даже ничего не можетъ случиться безъ воли Божіей. Вотъ подлинныя слова этой заключительной мысли Мономаха: „никто же васъ не можетъ вредитися и убити, понеже не будетъ отъ Бога повелѣно; а иже отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья, не могутъ отъяти... Божье блюденіе лѣплѣе есть человѣческаго“. Поставленные въ концѣ Поученія, эти слова имѣли значеніе показать, что слѣдуя неуклонно тѣмъ правиламъ поведенія человека-христіанина, которыя предлагаются во всемъ поученіи, и чрезъ то, угождая Богу, человекъ пусть не опасается, что съ нимъ въ жизни могутъ случиться какія либо несчастія или напрасная смерть, потому что ничего не совершается въ мірѣ безъ воли Божьей, и промыслъ сохранить того человека отъ всѣхъ несчастій за выполненіе нравственныхъ предписаній Евангелія. Если же человекъ не станетъ исполнять заповѣдей Божіихъ, то охраняющій промыслъ оставитъ его, и пусть онъ тогда не надѣется на людей: „ни отецъ, ни матъ, ни братья, не спасутъ его, ибо Божье блюденіе лѣплѣе есть человѣческаго“.

СЛОВАРЬ.

А.

Абіе, абье. Тотчасъ, немедленно.
Амо. Куда.
Ать, ать. Да, дабы, то, да, пусть.
Аци. А ежели.
Аче. См. аще.
Аще. Если, хотя, когда.

Б.

Биричь. Полицейскій, объявлявшій народу распоряженія власти; глашатай.
Бо. Ибо, потому что.
Божонка. Церковь, часовня.
Большми. Весьма, болѣе, крѣпче, сильнѣе.
Болонье, болонь. Пространство между двумя валами, окружавшими городъ; предмѣстье.
Болъ. Прош. вр. гл. бости, бодать.
Борзый. Скорый.
Боръ; мн. ч. борове. Сосновый лѣсъ.
Бохमितъ. Магометъ.—**Бохъмичъ.** Магометанскій.
Бранити. Запрещать.
Братеникъ. Братъ.

Братичичъ. Сынъ брата.

Брашно. Пища вообще, снѣдь.

Бчелка. Боченокъ.

Бѣла. Бѣлка.

Бѣль. Бѣличьи шкуры, въ качествѣ древней монетной единицы.

В.

Вабить. Подбивать, приманивать, призывать.

Варити. Предварить, предупредить, приманивать.

Вгажати, прич. наст. вгажающе. Угождать, нравиться.

Вдати, прич. усѣч. вдадуче. Вручать, выдавать.

Вдаша на щиты. Отдали въ плѣнь ратникамъ.

Ведро. Зной, засуха, жаръ.

Вежа. См. вѣжа.

Ветъхъ. Ветошь, тряпка.

Взорати. Вспахать.

Видѣти, прич. усѣч. видѣ.

Вира. Пеня за уголовное преступленіе.

Взяти, прич. усѣч. возма.

Воину, выну. Всегда.

Волпшество. Колдовство.

Волъшпеніе. Волхованіе.

Ворожитьъ. Врагъ.
Воропъ. Нападеніе, атака.
Вотола. Ткань изъ льна и посконо-
 ни. Верхняя одежда.
Вотолопъ. Сдѣланный изъ вото-
 лы.
Впити, выпити. Вопить, кричать.
Времянный. Прошедшій, прош-
 лый.
Взняти; прош. соверш. дв. ч.
взняста. Поднять.
Вспяти; прош. соверш. мн. ч.
вспяпа. Поднять.
Встѣгнути. Удерживаться,
 крѣпиться, воздерживаться.
Вскопитися; прич. прош. усѣч.
вскопивъ. Вскочить.
Вѣверица. Вѣвша, бѣлка, ла-
 сочка.
Вѣдѣти; дв. ч. **вѣвѣ.** Знать.
Вѣжа. Шатеръ, палатка; башня.
Вѣно. Плата за невѣсту, вывод-
 ное.

Г.

Галица. Галка.
Гобино. Урожай, обиліе, доволь-
 ство.
Година. Пора, время, часъ.
Годъ. Время, пора.
Горъ. Вверхъ.
Гребля. Насыпь.
Гридь. Тѣлохранители князя,
 дружина.
Гридьница. Помѣщеніе при двор-
 цѣ для стражи.
Гробля. Окопъ, ровъ.
Грудень. Ноябрь мѣсяцъ.
Груда. Распутица; отсюда **груд-**
ный.

Грѣшиться. Промахнуться.
Гутнанье. Косноязычье, заика-
 ніе.
Гутнивый. Косноязычный, заика-
 ющійся.
Гутнявый. Гнусливый, говорящій
 въ носъ.

Д.

Дебель. Толстый, полный, гру-
 бый.
Деместникъ. Пѣвчій.
Дивій. Дикій, свирѣпый, гру-
 бый.
Дну. Внутрь.
Днѣшній. Внутренний.
Долъ. Внизу.
Дѣля. Для, ради.
Дѣтескъ. Маль, молодъ.
Дѣтскый. Отрокъ, состоявшій
 при князѣ.

Е.

Единецъ. Дикій кабанъ.
Еже, иже, яже. Которое, кото-
 рый, которая; что, если, когда.
Елико. Сколько.
Елма, ельма. Когда уже.
Етеръ. Другой, иной, нѣкоторый.

Желвъ. Желвакъ.
Женути; наст. вр. мн. ч. **женуть.**
 Гнать.
Жерло. Гядро, устье рѣки.
Жито. Поле.
Жрѣти; жрети, прош. вр. **жря-**
ху. Приносить жертву.

З.

Забороло. Заборъ, стѣна, огра-
 да; забрало.
Забральный. Принадлежащій къ
 забралу.
Заводивше кресту. Приведа ко
 кресту, къ присягѣ.
Закыханье. Чиханье.
Зане. Ибо, потому что.
Заратиться. Начать войну.
Запона. Завѣса, покровъ.
Засобъ. Особо.
Заходивше ротъ. Принявъ при-
 сягу.
Заступа. Уступъ.
Заяти; прош. вр. зая. **Захватить,**
 занять.
Знамянья. Памятники.

И.

И, я, е. Онъ, она, оно.
Иждену. Изгнать.
Иже, яже, еже. Который, —ая,
 —ое.
Излиха. Излишне, особенно
 много сверхъ того.
Изънимати. Взять въ плѣнъ.
Имемся по данъ. Беремся пла-
 тить данъ.
Индикъ. 15-ти лѣтній періодъ
 времени, начиная съ 1 сентября;
 число этого періода, соотвѣт-
 ствующее данному году.
Индикъ. Престольная одежда.
Ирій. Теплая страна, куда на
 зиму улетаютъ птицы; свѣтлое
 заоблачное пространство.
Исполчители. Построиться въ
 боевой порядокъ.

Истопка, истба. Изба.
Исходище. Истокъ рѣки; рас-
 путье.

К.

Казати; прич. наст. **кажай.** На-
 казывать, казнить.
Кало. Пометъ.
Кальній. Нечистый, грязный.
Клада. Костеръ, бревно. См. ко-
 лода.
Клѣтъ. Холодная изба, кладо-
 вая.
Ключитеса. Приключиться, слу-
 читься.
Кметъ, кметье. Воинъ, витязь,
 дружинникъ.
Кобъ. Гаданіе по примѣтамъ.
Кола. Колесо; телѣга, дровни.
Колода. См. клада.
Колодникъ. Узникъ, арестантъ.
Комонъ. Конь.
Корзно. Верхняя одежда, епанча.
Кормилецъ. Пѣстунъ, дядька,
 воспитатель.
Корста, керста. Гробъ, гроб-
 ница.
Котка. Кошка.
Котопанъ. Чиновникъ, служи-
 лый.
Котора. Распря, раздоръ, смута.
Которатися. Спорить, ссориться.
Кромъ. Безъ, внѣ, въ сторону.
Кропійный, кропинный. По-
 лотняный.
Крынеть. Купить.
Кресити, крѣсити. Воскрешать.
Кубара. Судно, ладья.
Куна. Кунья шкурка, какъ мо-
 нетная единица.

Л.

Лагодить. Отдаваться, предаваться чему.
Латка. Глиняная сковорода.
Лимень, лиманъ. Заливъ.
Ловище. Мѣсто, гдѣ ловятъ звѣрей, рыбу.
Луда. Верхняя одежда, плащъ.
Лука. Морской извилистый берегъ. Коварство, обманъ.
Лукно, луэно. Лукошко, мѣра сыпучихъ тѣлъ.
Лыскаръ. Лопата.
Лѣпокъ. Приворотное зелье.
Лядь. Мореходное судно, ладья.
Лядный. Корабельный.

М.

Мѣдуша. Погребъ для храненія меда и другихъ напитковъ.
Мовъ, мовня. Бани.
Мотыка. Заступъ.
Мѣскъ, мѣска. Мулъ.
Мыто. Пошлина за проѣздъ.

Н.

Набѣдѣти; прич. усѣч. набдя.
 Снабжать, надѣлять, хранить.
Навѣ. Мертвецъ.
Набѣти. Добыть, найти.
Намѣнити. Упомянуть.
Наполю. Пополамъ.
Напрасный. Внезапный, нечаянный.
Напяти. Растянуть, напаять.
Нарочитый. Отличный, знаменитый, важный.

Нарубити. Стогать, набирать силой.
Насадъ. Плоскостонное судно.
Населникъ. Поселенецъ, житель.
Насмисатися. Насмѣхаться.
Находникъ. Пришлецъ.
Невѣгласъ, невѣголось. Невѣжда.
Недѣля. Воскресный день.
Неключимый. Негодный, бесполезный.
Нетій, мн. ч. нети. Племянникъ по сестрѣ.
Ноли. Даже.

О.

Оброцити. Окрасить, запятнать.
Ово. То-то, или, либо, ли.
Овогда, овѣгда. Иногда.
Овый. Иной.
Овгюхъ. Овгаръ.
Огребатися. Удаляться, уклоняться.
Одалати. Одолѣвать.
Одва. Едва.
Одоблѣть. Отвердѣть, ожесточиться.
Одрина. Опочивальня, жилой покой.
Оже. Ежели, когда; что, потому что.
Оканьни. Окаанный.
Оксапсалма. Шестисалмѣ.
Оле. Еле.
Оли. Даже, а, пока.
Олядь, олядія. Судно, ладья.
 См. лядь.
Оправливати. Давать судъ и праву, судить.

Опрати. Вымыть, омыть. Поинять ногами.
Орудіе, орудье. Дѣло.
Острогъ. Укрѣпленіе изъ бревенъ.
Отай. Тайно.
Отень. Отчій, отеческій.
Отя. Отбилъ.
Отрокъ. Служитель, рабъ при дворѣ князя.
Очитить. Послышать, оцупать.
Охобитися. Удаляться, оберегаться.

П.

Паволока. Шелковая или полотняная ткань.
Паволочитый. Сдѣланный изъ паволоки.
Пардусъ. Барсъ.
Перевѣсище. Мѣсто, гдѣ развѣшивались сѣти для ловли звѣрей и птицъ.
Перебѣбѣхъ. Перегибы въ одеждѣ, складки.
Переключать. Перехитрить.
Плищъ. Шумъ и крикъ.
Поверзывати. Привязывать.
Повозъ. Подводная, извозная повинность.
Повозникъ. Возница, кучеръ.
Повость. Волость, округа.
Повреци. Повергать.
Погребъ. Темница.
Подъклада. Потникъ подъ сѣдомъ.
Подпасть; прич. усѣч. подыпающе. Подкрасться.
Подтыкать; прич. подытокше. Подстрекать.

Покосный. Удобный, попутный.
Поохритатися. Посердиться, подосадовать.
Попинъ. Попъ.
Поприще. Мѣра путевой длины.
Попріяти. Споспѣшествовать, помочь.
Порещи. Упрекнуть, охулить.
Породный. Природный.
Породитися. Возродиться.
Порты. Одежда, ткань.
Порубъ. Темница, острогъ.
Послухъ. Свидѣтель.
Подстрегтати. Заскрежетать.
Потяти; буд. вр. потнемъ. Убить.
Потъснутися. Поспѣшить, постараться.
Потягнути. Напрячь силы, устремиться.
Превабити. Переманить.
Пря; предл. п. при. Споръ, тяжба, распря.
Пря. Нарусъ.
Привабити. Привлечь, призвать.
Припловить. Сдѣлать что вполнину.
Приполь. Пола.
Приспа. Насыпь.
Пристряпати. Устремиться, приступить.
Протяскли бяху. Лежали плотно, прилипли.
Пробѣгли суть. Пропали.
Проваръ. Напитокъ, приготовленный въ одинъ заторъ, въ одинъ пріемъ.
Продажа. Убытокъ; незаконный поборъ.
Проказа. Несчастіе, преступленіе.
Прокъ. Остатокъ.

Проскѣпъ. Тиски, клещи.
Протолка. Узкій протокъ, рукавъ рѣки.
Пругъ; мн. ч. **прузи**. Саранча.
Псати. Писать.
Пуша. Пуша, чаща, густой лѣсъ.

Р.

Разсваритися. Разсориться.
Рака. Гробъ.
Рало. Плугъ, соха.
Рамѣно, **рамяно**. Очень, сильно.
Рамо. Плечо.
Растяти, **растинати**. Разсѣкать, разрубать.
Рогалие. Землекопное орудіе.
Родинъ. Рождественникъ.
Роженъе. Дитя.
Ролья. Пашня.
Ропать. Капиче.
Росутиа; прич. нескл. **росули-**
ся. Разсыпать, разсѣять.
Ротѣ. Клятва, присяга.
Рубль. Обрубокъ, клинъ; $\frac{1}{4}$ ч.
разрубленной гривны.
Рухло. Домашняя утварь.
Рѣнь. Отмель, коса.

С.

Сани. Родъ повозки, на которой
возили покойниковъ.
Сваживать. Смуцать, ссорить.
Сваритися. Ссориться, бра-
ниться.
Сватиться. Сближаться, дру-
житься.
Свѣдѣти; 1 л. дв. ч. **свѣвѣ**. Знать.
Се. Вотъ.
Скважня. Скважина.

Скедія. Лодка.
Сколѣта. Смута.
Скорѣ. Шкура животныхъ; рух-
лядь мягкая.
Скотъ. Деньги.
Скотница. Казнохранилище.
Скупити, **совкупити**. Соединить,
собрать.
Скупъ, **скупъ**. Сборъ.
Скутъ. Пола у одежды.
Слебное. Посольское.
Смердъ. Человѣкъ простого зва-
нія, селянинъ.
Снемъ. Собраніе, сеймъ, сонмъ.
Снятися. Собираться.
Солба. Посольство.
Соль. Посоль.
Сомжарити. Смежить, зажму-
рить.
Спрятати. Убирать, одѣвать.
Средовичъ. Человѣкъ среднихъ
лѣтъ.
Становище. Мѣсто остановки;
хуторъ.
Столпъе. Ограда.
Странъ. Цѣль, мишень.
Строй **земленъ**. Земское устрой-
ство, распорядокъ.
Стрый. Дядя по матери.
Стрѣлище. Разстояніе полета
стрѣлы.
Стрѣха. Крыша, кровля.
Стужати. Докучать, стѣснять.
Стягъ. Знамя.
Стяжати. Спискивать, приобрѣ-
тать, содержать.
Сустугъ. Застежка.
Съсудъ, **сосудъ**. Орудіе.
Съсути. Ссыпать.
Сыновець. Племянникъ.
Сѣмо. Сюда.

Т.

Та. И, да.
Таже, **таже**. Потомъ.
Таль. Заложникъ.
Таче. Также.
Тезъ, **тязъ**. Тотъ-же, одноимен-
ный.
Темьянъ. Онимамъ.
Те(п)ти; прич. **тепенома**. Бить.
Тивунъ, **тіунъ**. Судья низшей
инстанціи, сельскій прикащикъ.
Тѣваръ, **таборъ**. Военный станъ,
обозъ.
Толи. Тогда.
Тольстина. Холстина.
Тонъ. Пустой, тщетный, беспо-
лезный.
Требить **путь**. Исправлять, очи-
щать дорогу.
Трусъ. Землетрясеніе, ураганъ.
Трызна. Воинскія игры въ па-
мять усопшаго, поминки.
Трѣска. Коля.
Тутьнъ. Стукъ, гулъ, шумъ,
громъ.

У.

Уводы. Похищеніе.
Увозъ. Перевозъ, спускъ съ бе-
рега.
Удѣяся. Сдѣлалось.
Удъ. Членъ тѣла.
Ужикъ. Рождественникъ.
Ужь. Канатъ, веревка.
Узорочье. Драгоценныя вещи и
ткани съ литыми, рѣзными, ши-
тыми или ткаными узорами.
Уй. Материнъ братъ.

Рус. Кн. Библ.—Вып. XVI.

Уклады. Оклады дани, налогъ.
Умыканіе. Увозъ невесты.
Умыкивать. Похищать.
Унеинъ (отъ оунити—просить).
Просящій милостыню, бѣднякъ.
Уньтій. Лучшій.
Унець; мн. ч. **унци**. Молодой
быкъ или молодой олень.
Упрутъ. Мачта.
Упрѣти. Переспорить, одержать
верхъ въ преніи.
Уранити. Подняться рано.
Урокъ. Оброкъ, подать, окладъ.
Услѣти. Принести пользу.
Уснѣ. Сыромятныя кожи.
Уснѣянь, **уснѣяный** (квасъ). На-
варъ изъ кислой травы, кото-
рымъ мылись въ банѣ для очи-
щенія кожи; щелокъ.
Усрѣсти. Встрѣчать.
Утль. Дырявый.
Утлизна. Скважина, дыра.
Утолочити. Промать, пригнотать.

Ф.

Фофудъя. Кафтанъ.

Х.

Харатья. Хартія, пергаментъ.
Хвоцеватися. Натирать тѣло
въ банѣ хвоемъ, чѣмъ-нибудь
жесткимъ.
Хлѣбное. Сѣбствныя припасы.
Холопъ. Свободный человѣкъ,
но за долгъ обязавшійся слу-
жить другому.
Хрусть; мн. ч. **хрустове**. Насѣ-
комое хрущъ.
Хъза. Кожа.

Ц.

Ци, цы. Что, вопросит. част.
Цѣзь. Жидкій, кисельный рас-
творъ.
Цѣрь. Сѣра, фитиль.

Ч.

Чадъ. Дружина, челядь.
Черевъ. Обувь.
Чермень. Румянь.
Чи. См. ци.
Чинъ. Пора, время.

Ш.

Шибнути. Ударить.

Щ.

Щѣлягъ, шлягъ. Монета ши-
лингъ.

Я.

Ядро. Нѣдро.
Яжѣ. См. еже.
Язвено. Язва.
Ятися; прош. вр. яся. Взяться,
доставаться.

